

АФОРИЗМЫ СТАРОГО КИТАЯ

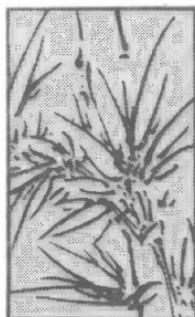

**АФОРИЗМЫ
СТАРОГО
КИТАЯ**

АФОРИЗМЫ СТАРОГО КИТАЯ

**Перевод с китайского
В. В. МАЛЯВИНА**

*Издательство «Наука»
Главная редакция
восточной литературы
Москва 1988*

ББК. 84.35(5 Кит)
А94

Ответственный редактор
И. С. ЛИСЕВИЧ

Составление, вступительная статья
и примечания
В. В. МАЛЯВИНА

А94 **Афоризмы старого Китая.** Пер. с кит. В. В. Ма-
лявина. Главная редакция восточной литературы
издательства «Наука», 1988.

192 с.

Книга включает в себя полные и частичные переводы ряда средневековых памятников китайской афористики, в том числе полные переводы классического собрания чань-буддийских изречений «Застава без ворот» и сборника афоризмов Хун Цзычэна «Вкус корней». Все переводы публикуются впервые, снабжены библиографическими примечаниями и реальным комментариом. Во вступительной статье анализируются место и значение афоризма в истории китайской культуры.

А 4703000000-086
013(02)-88 — Без объявления

ББК. 84.35 (5 Кит)

© Главная редакция восточной литературы
издательства «Наука», 1988.

ЯЗЫК СЕРДЦА: АФОРИЗМ И КИТАЙСКАЯ ТРАДИЦИЯ

Три правила сопутствуют мышлению, достойному своей истории: строгость в осмыслении, взыскательность в высказывании, бережливость в расходовании слов. В чем нуждается нынешняя обремененность мира нуждами: меньше философии, но больше внимания к мысли, меньше литературы, но больше чуткости к присутствию слова.

М. Хайдеггер

Мудрое восточное изречение...

Что может быть более привычного, стереотипного, общепризнанного в наших представлениях о культурном наследии Востока? Что может быть в этом наследии более чаемого, более ожидаемого нами, даже если наши ожидания оправдываются не так уж часто? Есть в восточных афоризмах, в нашем идеальном образе «восточного афоризма» особая, неотразимо-пленительная магия. Не оттого ли мы почти не задумываемся над природой афористической формы выражения мыслей, над местом и значением афористики в культурах стран Востока? ¹.

А между тем афоризм способен многое поведать о происхождении и призвании словесности, об отношении литературы к жизни. Ведь афористику по праву можно назвать искусством жизненной правды. В афоризмах жизнь еще не заслонена отвлеченными идеями, принципами или законами; в них она сверкает и переливается бесконечно разнообразной мозаикой лиц, ситуаций, точек зрения, в них находят подтверждение самые общие и самые непосредственные, не поддающиеся формализации ценности человеческого бытия. И афоризм так же убедителен, как может быть убедительно только приходящее внезапно, но извечно предвкушаемое и оттого даже не нуждающееся в доказательствах сознание того, что жизнь реальна и что в ней есть, как выразился китайский литератор, «нечто подлинное».

Быть может, в загадке афористической мудрости — всегда странной-знакомой, хранящей в себе целостное видение мира и никогда не повторяющейся — отображена загадка самой жизни: вечно новой

и неизбежной, равно достижимой для всех и столь же для всех неуловимой, самодостаточной и безграничной в каждом мгновении своего бытия.

Афоризм, соединяя в себе воображение и рефлексию, правдивость и игру, возвращает нашу мысль к глубочайшим истокам выразительного акта, к непостижимому и все же доверительному переживанию полноты бытия, которое составляет тайну творческой жизни духа.

Афористическая словесность имеет глубокие корни в классической культуре Китая. Примечательно, что наследие первого и наиболее чтимого китайского философа — Конфуция состоит из отдельных афористически сжатых высказываний. Заслуженной славой пользуются поэтически парадоксальные изречения древних даосских мыслителей — Лао-цзы и Чжуан-цзы. Но не менее примечателен и тот факт, что литературная и философская традиция Китая также нашла в афоризме свое завершение, и афористика, приобретая необыкновенную популярность в Китае XVI—XVIII вв., стала последним и самым зрелым словом китайской классической словесности.

Таким образом, афористику не без основания можно назвать «альфой и омегой» китайской традиции. Но что такое традиция? По-видимому, мы спрашиваем о предмете, не столь уж легко поддающемся определению. Для характеристики его как нельзя лучше подходит суждение Аристотеля о том, что люди менее всего замечают как раз наиболее очевидное. Что может быть ближе и внятнее того, что нам передается (памятуя о том, что традиция происходит от латинского *traditio* — передача)? Между тем в традиционных культурах традиция, окруженная ореолом священной тайны, была чем-то наименее выявленным, выставленным напоказ, осознанным. И напротив: современные позитивистски настроенные исследователи, помещающие традицию в область не данного человеку, а лишь пред-ставленного, доступного наблюдению, упускают из виду ее живое тело, ее подлинную жизнь. Ниже мы попытаемся рассмотреть традицию как самостоятельную и в своем роде первичную реальность человека, имеющую свою логику развития и требующую особых методов изучения; как реальность по существу своему вне-образную и доступную только символическому выражению. Наши заметки, конечно, не претендуют на всестороннее объяснение феномена традиции. Они лишь намечают один из возможных путей осмысления памятников средневековой китайской афористики, публикуемых в этой книге.

Отобранные для перевода произведения принадлежат разным историческим эпохам и разным направлениям китайской мысли. Первыми помещены изречения из малоизвестной книги «Гуань Инь-цзы», сложившейся, вероятно, в X в. и представляющего собой характерный памятник философской и литературной традиции даосизма. «Гуань Инь-цзы» состоит из разрозненных самостоятельных суждений и по

отображенному в нем складу мышления наследует миросозерцанию древних даосов. Как и в книгах даосских авторов древнего Китая, мы встречаем здесь органическое единство чувства и мысли: присутствующие в тексте образы требуют размышлений, а, казалось бы, сугубо умозрительные выводы будят фантазию. Творчество неизвестного автора этого непритязательно-возвышенного сочинения проистекает из чистого покоя внесубъективного сознания, которое не замыкается в себе, но чутко внеяет бытию, ищет живой и интимной связи с миром. В афоризмах «Гуань Инь-цзы» засвидетельствован опыт, говоря языком даосов, «само-помрачающегося» разума, который сознает свою несводимость к данным опытам или умозрения, но выявляет бесконечную перспективу посредования того и другого. Это разум, удостоверяющий себя в акте самопреодоления и потому повинующийся властному требованию никогда не повторяться, всегда быть открытым новому. Вот почему верность философской позиции древних даосских мыслителей отнюдь не мешает автору «Гуань Инь-цзы» представлять ее в новом, зачастую неожиданном свете, вводить и обыгрывать новые образы, термины и сюжеты. Речь идет, в сущности, о верности не букве и даже не идеям, а исходным посылкам и интуициям традиционного наследия.

Следующие два из публикуемых здесь произведений сложились в XI—XIII вв. в русле традиции чань-буддизма — одного из самых популярных и самобытных направлений китайского буддизма. Основной текст «Скрижалей Лазурной скалы» был составлен в середине XI в. монахом Сюэдоу, а спустя столетие снабжен комментариями. Автор сборника «Застава без ворот учения чань» — монах Хуэйкай по прозвищу Умэнь (букв. Без-ворот), живший в XIII в. В книгах Сюэдоу и Умэня собраны дидактические изречения и сюжеты, получившие среди приверженцев чань-буддизма статус так называемых «публичных дел», по-китайски гунъянь (в европейской литературе они известны больше по их японскому наименованию «коаны»). Выражение «публичное дело» было заимствовано чаньскими проповедниками из судебного лексикона средневекового Китая, где оно означало приговор суда, судебный прецедент, устанавливавшие истину. Среди чань-буддистов эти сюжеты были названы так потому, что они служили своеобразными прецедентами, образцовыми примерами, позволявшими последователям чань установить истину и достичь полной просветленности сознания — конечной цели чаньской аскезы. Согласно разъяснению чаньского наставника XIV в. Чжунфэна, слово «публичный» в словосочетании «публичное дело» указывает на «единый путь всех мудрецов и достойных мужей мира», а слово «дело» означает «достоверные записи истины мудрецов и достойных мужей»².

Таким образом, для приверженцев чань-буддизма, настаивавшего на возможности внезапного просветления каждого в каждый момент

жизни, гунъань были призваны засвидетельствовать, удостоверить присутствие истины и подвести к ней тех, кто еще не испытал ее. Составление гунъань или, точнее, извлечение их из обширного наследия житийной литературы чань-буддизма и преобразование в самостоятельные сюжеты было вызвано мотивами, лежавшими за пределами собственно литературного творчества, и гунъань, строго говоря, нельзя считать литературным жанром. Тем не менее гунъань имеют немало черт, сближающих их с афористикой. Их форма во многом определена стремлением высказать как можно больше, сказав как можно меньше. Обычно в гунъань имеется ключевая фраза или даже одно слово, так называемое «заглавное высказывание» (хуа тоу), в котором, как считалось, сходилась мудрость чань. Такие «заглавные высказывания», выступавшие своеобразным фокусом духовной практики чаньского подвижника, зачастую имели вид афористически сжатых суждений.

Тенденция чаньской литературы к максимальной экспрессии и сжатости слога привела в конце концов к появлению специальных сборников изречений и крылатых слов, каждое из которых воспринималось как полновесное выражение чаньской истины «всепроницающего сознания» Будды. Образчики подобных сентенций, взятые из антологии «Собрание чаньских изречений», помещены вслед за переводом книги Умэня. Эти сентенции овеяны дыханием Неизбывного. Поставить под ними чье-то имя значило бы убить их поэзию. Но почти в каждом из них звучит неповторимый, безошибочно правдивый голос человека, говорящего о лично пережитом и осмысленном. То же единение оригинального и традиционного можно наблюдать и в сборнике Умэня, который в своих комментариях к гунъань подчеркнуто, подчас даже вызывающе вольно обращается с заветами великих учителей чань. И это, конечно, не бравада легкомысленного школяра, но... тоже строгая традиция!

Предлагаемую читателю подборку публикаций завершают переводы изречений, принадлежащих светским авторам XVI—XVII вв. Наибольший интерес среди них представляет сборник «Вкус корней», составленный в начале XVII в. почти неизвестным литератором Хун Цзычэном. Афоризмы Хун Цзычэна и его современников — знамение новой эпохи истории китайской культуры. И не только потому, что жанр афоризма, получивший название «чистых речений» (цинъянь), именно в то время вошел в моду. Важнее отметить, что в Китае окончательное становление афоризма как литературной формы совпало с вызреванием нового, небывало широкого по своим масштабам и социальной значимости культурного синтеза. В рамках этого синтеза три традиционных учения Китая — конфуцианство, даосизм и буддизм — оказались частями некоего целостного мирозерцания, разными моментами единой жизненной позиции и уже не могли претен-

довать на исключительный, уникальный характер своих ценностей.

Социальный фундамент нового культурного самосознания заложили расцветшие в ту пору города с их многолюдной и пестрой уличной толпой, массовыми празднествами и увеселениями, открытостью всем идеям и традициям, относительной доступностью образования. Естественно, что вовлечение традиционных религий в городскую культуру сопровождалось их обмирщением. Соответственно изменилась значимость их канонического наследия, испытавшего воздействие двух разнонаправленных процессов. Важнейшие идеи и символы этого наследия были усвоены светской культурой, тогда как его традиционные формы, наоборот, все более теряли публичное звучание, превращались в формальность, ярлык школы или учреждения, приобретали сугубо инструментальное и служебное применение. Рядом с традиционной, канонизированной словесностью множились, затмевая их, новые литературные жанры, обращенные к широким слоям общества. Одним из результатов этого процесса обмирщения культуры и явилось распространение дидактического афоризма.

В книге Хун Цзычэна мы встречаем очевидные приметы позднесредневекового этапа истории китайской культуры. Ее автор называл себя «монахом в миру» — весьма характерное прозвище для эпохи культурного синкретизма и секуляризации религиозных идеалов. В духе своего времени он с одинаковой симпатией и притом не совершая усилий над собой относится к традиционным «трем учениям» Китая — конфуцианству, буддизму и даосизму. Их союз кажется ему естественным и очевидным. Но он имеет возможность свободно черпать из традиционных источников потому, что внутренне он свободен от них. Для Хун Цзычэна — и в этом он тоже является достойным представителем своего времени — человек становится хозяином своей судьбы благодаря его неутолимой жажде истины, его способности самому судить себя, которые существуют в нем прежде всяких доктрин и останутся с ним, когда все доктрины пройдут. Как ни традиционен на первый взгляд Хун Цзычэн, он не так уж далек от своего современника, выдающегося вольнодумца Ли Чжи, который, по его собственным словам, не хотел подражать ни Конфуцию, ни Будде, ни Лао-цзы, а стремился только «стать самим собой — и никем больше». И как ни анонимен для нас автор сборника «Вкус корней», каждое его суждение создано несомненно личностью, т. е. человеком, умеющим критически оценить свой жизненный опыт и преобразить его в личную убежденность.

Бесспорно, имеется тесная связь между усилением индивидуалистического элемента в культуре позднесредневекового Китая и оформлением афоризма как эстетически значимого явления, как жанра изящной словесности³. Почти музыкальная стройность китайских афоризмов того времени, к сожалению, с неизбежностью часто теряе-

мая в переводе, проистекает из умения их авторов не просто писать, но и жить поэтически, видеть свою жизнь тем самым неуловимо-прекрасным мгновением, о котором говорится в первом же афоризме Хун Цзычэна. А что такое поэзия, как не опыт сознания бодрствующего, т. е. сознания, внимающего потоку жизни и удостоверяющего свое бытие именно в неспособности ограничить себя какой бы то ни было «данностью»?

Так афоризмы Китая говорят о глубочайшей истине традиции: единстве единичного и единого. Это истина со-общительности — неотделимая от конкретного момента времени, но соединяющая людей безусловной и нерасторжимой связью. Она каждое мгновение соотносит нас с чем-то «вечно другим» и так оправдывает присутствие в нас Желания — этого вестника бесконечного в человеческой душе. Самое долговечное в человеке — не обязательно самое универсальное. Долговечна не абстрактная истина, а искренность чувства, не данная человеку как случайный подарок судьбы, а бесконечно долго предвосхищаемая, приготавливаемая и потому неизбывная. *Was bleibt aber, stiften die Dichter*, говорил Гёльдерлин: «То, что остается, устанавливают поэты».

Что же остается? Очевидно, только неочевидное: то, что пребывает за рамками наличного, доступного, понятного и понятого. Знание «того, что остается», пожалуй, едва ли даже отличимо от незнания. Поэтому нельзя думать, что мы сообщаемся с другими вопреки разделяющему нас расстоянию. На самом деле коммуникация только и осуществляется через бесконечную даль пространства и безнадежную пропасть времени. И традиция всегда предстает перед нами как нечто «уже бывшее» лишь потому, что требует постижения безграничного поля опыта. Она дается прежде всего, а познается после всего. Традиция — это связь времен, где незапамятное прошлое смыкается с невообразимым будущим; это нескончаемый путь сердца, а афоризмы — вехи, его отмечающие.

Афористика есть язык сердца. Тем более примечательно, что в китайском философском лексиконе слово «сердце» означало также и сознание, и разум. Китайцы явно не хотели отделять размышление от переживания и вовсе не считали интеллект вершиной человеческого в человеке. По китайским представлениям, мысль и чувство сходятся (никогда, впрочем, не сливаясь в одно) в несотворенной, неизбежно длящейся жизни мирового сердца, «сердца Неба и Земли». В этой всебытийственной жизни, символизирующей полноту каждого отдельного «жизненного мира», безмятежность всеобъятной рефлексии соседствует с покоем чистого желания, так что мысль и чувство оказываются едины именно по своему пределу. И сама природа мирового сердца есть *coincidentio oppositorum*, единение несоединяемого, в конце концов — неизбывное самоотличение, самопревращение. «Сердце

Неба и Земли», по китайским понятиям, само себе не равно, оно всегда есть нечто «другое».

Мы никогда не пойдем пристрастия китайцев к «мудрости древних», если не примем во внимание, что милая их сердцу старина, зачастую вполне анонимная и даже неведомая, сведенная к неосязаемому «аромату древности», была для всех поколений китайских литераторов и художников прообразом того самого «вечно другого», которое является необходимым и вездесущим условием самопознания. Эта недостижимая, неразгаданно-торжественная древность несводима к историческому факту. Она предстает, если воспользоваться выражением французского философа Э. Левинаса, «прошлым, которое никогда не было настоящим», но — по той же самой причине — вечно пребывает. Не ученического самоуподобления древним авторитетам искал китайский художник, обращаясь к «древности», но, напротив, приобщенности к всеединству жизни через осознание своего отличия от древних. Эстетический опыт был для него мерой этического, художественное совершенство — средством обучения и воспитания.

«Древнее» — это имя не устаревшего, а всего «навек установленного» и, следовательно, нескончаемо плодотворного. Э. Гуссерль, словно вторя Гёльдерлину, назвал этот подлинный исток традиции «установлением» (Stiftung), отметив, что речь идет не о чем-то застывшем, устроенном, а об ускользящей «силе забвения истоков, которая дает прошлому новую жизнь...»

Правда со-общительности является законом творческой жизни и одновременно законом бытования традиции. Она дарует прозрение нового и позволяет сохранить преемственность даже в разрывах, формирующих человеческий опыт. Она побуждает к эксперименту, к выходу за горизонты настоящего, но она открывает в настоящем нечто настоящее, нечто, вовек остающееся с человеком. Пытаясь понять вечно текущий мир создателей афоризмов, мы не вправе пренебрегать ни одним нюансом, ни одним штрихом их наследия. Вот почему полный перевод книг Умэня и Хун Цзычэна, в которых на первый взгляд не все так ново, остроумно и доходчиво, как, возможно, хотелось бы иному читателю, — это не только дань научной аккуратности, но еще и признание бесконечности творческого потенциала жизни, всегда неповторимой в своих проявлениях и потому не знающей разделения между «главным» и «второстепенным», не имеющей в себе ничего незначительного.

Идеальное или универсальное остроумие — чистейшая химера. И даже если бы оно существовало, на него никто бы не покусился, ведь им без труда мог бы завладеть каждый. Но иметь ум, «как у всех», — все равно что носить одежду «как у всех». Случись такое, остроумие потеряло бы всякую цену. В отличие от эклектических собраний «мудрых слов», где человеческие мысли предстают оторван-

ными от индивидуального и культурного опыта, взрастившего их, и расставлены по отвлеченным рубрикам, словно засушенные цветы в гербарии, эта книга преследует цель показать не только цветы мысли, но и почву, на которой произрастает жизнеспособная мысль, т. е. мысль, родившаяся в один неповторимый миг бытия и стремящаяся осмыслить уникальное в себе. Что же это за почва? Китайская традиция дает краткий и точный ответ: такой почвой является дао, что значит буквально «путь». Любопытно, что в классическом китайском языке это слово обозначает одновременно пребывание в пути и словесное сообщение. Дао — это и движение человеческого духа, и его самосвидетельствование, возможное лишь там, где человек доверяет себе и, следовательно, требующее искренности. Дао есть сам акт про-из-растания и про-из-речения человека, в котором человек сам себя превосходит и себя познает, сам живет и сам оценивает свою жизнь. Путь нельзя свести к отвлеченной идее, его нужно пройти воистину. И итог пути, каким бы он ни был, ничего не перечеркнет из пройденного.

Сейчас невозможно перечислить все следствия, вытекающие из уподобления жизни пути сердца. Достаточно сказать, что оно открывает перед нами перспективу размышления, где каждое понятие берет жизнь от своего предела, тезис оправдывается антитезисом, явленное укореняется в неявленном. Если мы поймем, что эта перспектива делает возможной все метаморфозы смысла и саму работу мысли, не будучи сама ни идеей, ни фактом, ни сущностью и никак не определяя содержание мышления, мы поймем, почему реальность в традиционной китайской мысли именовалась «всеобъемной пустотой» и почему китайцы называли эту пустоту «бесполезной полезностью».

Мы заговорили о постижении предельности вещей, но предельность — существенное свойство афоризма. Недаром само слово «афоризм» по-гречески выражало идею «очерчивания границы», «установления предела». Афоризм отмечает рубежи нашего опыта; он говорит о том, что в любой момент является уже заданным нам, хранит в себе некий предваряющий наше понимание смысл. Он выражает своего рода центростремительный ход мысли и обладает смысловой законченностью, которая воздействует скорее эстетически. И в европейской, и в восточной афористике подобный импульс стяжения в точку обычно воспроизводится средствами синонимического параллелизма, как бы возвращающего мысль к одной неизреченной идее. Афоризм не спорит, а утверждает. И вечно возвращает к предвечному.

Будучи наиболее экономным способом выражения мысли, афоризм не оставляет места для какой бы то ни было условности, манерности, нарочитой усложненности в языке. Эстетическое начало в афористике неотделимо от содержания мысли. Афоризм создается как бы

без нашего усилия, повинуюсь ритму и мере самих вещей, объективным законам пластических форм. Афористика — это изваянная мысль. В ней оживает поэтическая стихия языка, о которой свидетельствует немецкое слово *Dichten*, означающее одновременно делать поэзию, поэтизировать и уплотнять, сжимать.

По мнению испанского философа Х. Мариаса, «афоризм — ложный путь философского высказывания; он искусственно самостоятелен и являет собой устранение реальных связей. Когда я изрекаю афоризм, я никогда не поясню, почему я так говорю». Мышление, заключает Х. Мариас, «не может продолжаться афоризмами»⁴. Сама по себе оппозиция истинности и ложности, как мы убедимся ниже, едва ли применима к афоризму. Но афоризм действительно знаменует конец размышления; он очерчивает границу познанного, ставит мысль перед бездной не-мыслимого, укореняет слово в неизреченном. Мышление афоризмами есть акт повторения неповторяемого, цепь уникально-законченных моментов, или, что то же самое, постижение безусловного единства бытия, представляющего пределом всех форм.

Афоризм завязывает «цепь мыслей» в узел. Не нуждающийся в доказательствах, он отсылает не к другому суждению, а к смыслу, сходящему в нем самом. Мы знаем уже, что этот смысл есть некое единение, смешение слова и молчания, мысли и немыслимого, наличного и отсутствующего. Другими словами, «смысл» афоризма есть именно сомыслие, встреча разных планов бытия, несовместимых значений. Смысл способен ускользнуть из того, что мнится нам совершенно ясным, но он манит к себе даже в бессмыслице. И чем меньше мы тратим слов, тем больше можем сказать. О неисповедимых путях смысла сообщает слова древнего даосского философа Чжуан-цзы:

Говоришь всю жизнь — и ничего не скажешь.

За всю жизнь не произнесешь ни слова — и все выскажешь.

Афоризм никогда не есть лишь данность. Он хранит в себе произрастание, самотрансформацию мысли, выявляющие границы понятий. Читая афоризмы, мы видим в тексте не идеи и сущности, а семена и силы. Афоризм всегда — *tour de force*. Но его энергетический импульс носит характер отклика на предвечное Присутствие бытия, возврата к тому, что всегда «уже есть», но неизменно предстает как «другое». Афоризм неизбежно иносказателен: в нем именуется нечто такое, что вовек отсутствует, и, однако, не является самостоятельной сущностью, которую можно назвать или определить. Китайская традиция исходила из отмеченной выше внутренней прерывности смысла и обращалась к некоему первичному пониманию, которое не может быть выражено в понятиях, но косвенно удостоверяется самим фактом нашего мышления и дает нам знать о сокровенной жизни «сердца Неба и Земли».

Понимание интуитивное, неформализуемое и понимание объек-

тивированное, логически упорядоченное, понимание предваряющее и понимание представленное едины и не едины, друг друга определяют и поддерживают. Их двуединство многое объясняет в совпадении краткости и полноты, присущем литературным средствам традиционных культур, в частности китайской. В его свете уже нетрудно понять, почему человеческий интеллект не считался в этих культурах суверенным творцом и распорядителем смысла, ведь, согласно законам традиции, любая попытка что-то обозначить предполагает существование чего-то необозначаемого. Назначение письменной традиции — устанавливать присутствие имплицитного, предваряющего субъективный опыт и потому необъективируемого понимания. В китайской традиции мы действительно находим оппозиции так называемого «первичного» (сянь цзюэ) и «вторичного» (хоу цзюэ) осознания. Не менее примечателен термин «старое сознание» (лао синь). О том же безусловном Понимании, объемлющем все смыслы, которые может зафиксировать человеческий разум, говорится в конце книги Умэня:

Прежде чем сделать первый шаг, ты уже у цели.

Прежде чем открыть рот, ты уже все сказал.

Прозрение приходит прежде, чем успеешь понять...

Традиция требует признать, что всякое непонимание есть в действительности не-допонимание. Если, согласно китайской традиции, мы в любой момент «уже знаем», то мыслить и обозначать — значит всего лишь проводить межи в необозримом поле посредования смысла, т. е., по существу, проводить границы внутри предельности, ограничивать ограничение, если угодно, — писать «белым по белому». В таком письме все диктуется законом экономии выражения: чем меньше будет сфера условного, объективированного смысла, тем больше простора высвободится для смысла как открытости бытия. Традиция — это строжайшая школа, которая служит высвобождению всего сущего. И чем менее традиционалистский художник стремится выразить себя, тем долговечнее его творения при условии, разумеется, сохранения памяти (т. е. памяти не-памяти!) бытийственных корней искусства. Ибо в таких культурах, где предельность форм непосредственно запечатлена в каноне школы или даже общего стиля культуры и индивидуальное почти совпадает с родовым, все решает не личная оригинальность, а отношение к традиции, имеющее целью постижение или, лучше сказать, высвобождение общего для всех первичного понимания. Речь идет об опыте, который недоступен выражению, но лишь потому, что не может быть сокрыт, ведь он знаменует не что иное, как безусловную открытость зиянию бытия, не-мыслимую встречу отсутствующего с отсутствующим или, говоря словами чаньской сентенции,

«выливание чистой воды в чистую воду». В конце концов говорить афористически — значит утаивать неутаймое.

Экспрессивная сила афористического высказывания есть та искра, которая высекается напряжением между сказанным и подразумеваемым, означенным и необозначенным. Следовательно, поэтическое «уплотнение смысла», предлагаемое афоризмом, носит характер метафорического процесса. Метафора же, вскрывая не замечавшиеся ранее аналогии между вещами, служит не столько обозначению, сколько познанию. Она выступает, по классическому определению Аристотеля, вестницей нового. Но если метафора есть принцип связи, она не просто дает знание каких-то новых сущностей. Связывая то, что не связывается, метафора сообщает еще и о границах вещей — о том, чем вещи не являются. Она подтверждает подлинное бытие вещей там, где они претерпевают превращение. Метафорическая речь — это творческая стихия самообновления, свидетельствующая о себе, если воспользоваться выражением А. Бергсона, в «текущих понятиях».

Но в конце концов метафора отрицает сама себя и сама себя превосходит. В этом качестве она оказывается прообразом постоянно определяющего и не умеющего определить себя духа, прообразом бесконечности, которая присутствует воистину только в конечном. Если все в мире существует по своему пределу, то не преходит в нем сама предельность существования. Эта предельность и составляет действительное содержание таких понятий, как «полнота бытия», «мир в целом» или наше «я» в его конкретной целостности. О таких вещах можно сказать только метафорически. Но сама метафора в предельной точке своего развертывания, будучи соотносенной с универсумом, уже перестает быть только метафорой, «иносказанием», перестает отличаться от не-метафоры. Она становится правдивым свидетельствованием бытия, даже если кажется «безумием мира сего»⁵. Вот почему в традиции все решает не сам текст, а отношение к тексту. Текст как памятник традиции требует молчаливо-понимающего читателя.

Изумление, рождаемое новаторством истинного мастера, проистекает в конечном счете не просто из парадоксального сопряжения образов, из чего-то нового лишь по видимости, но из некоей глубины смысла, которая раскрывается как отрицание исходных посылок творчества. Художник преодолевает себя в своих произведениях. Чувство границы — вот что отличает его новаторство от новизны, скажем, бреда сумасшедшего. Перспектива взаимопереходов, извечного мерцания смысла и есть та неведомая форма, по отношению к которой только и имеет смысл новизна художественного творчества. В соотносительности с этой всеобъемлюще-пустотной формой произведение искусства становится интимно понятным нам, даже если все в нем для нас незнакомо, и мы не можем ограничить это интимное понимание в понятии.

Таким образом, афоризм, называя одно, говорит о другом и, указывая на частности, высвечивает целое. Поистине он учит, что, говоря словами Ницше, «каждая философия еще и скрывает в себе философию, каждое мнение еще и укрытие, каждое слово еще и маска»⁶. Поэтому усвоение традиции предполагает доверие, каковое является не иррациональной верой, а скорее доверительным вниманием к интимно-неведомой реальности, предварающей и веру и знание. Не пройденный и непроходимый, несказанный и несказанный Великий Путь был для наследников традиции в Китае в высшей степени надежным (если иметь в виду, что надежное происходит от надежды).

Попытка построить типологию афоризма должна была бы начаться с оценки способов соотношения сказанного и подразумеваемого в афористическом суждении. В истории европейской литературы мы наблюдаем как бы три метаморфозы афоризма. Эпоха классицизма породила афоризмы-максимы, где первичное, неизреченное понимание непосредственно вводится в структуру высказывания благодаря обыгрыванию семантики слов. В максиме значимо прежде всего расположение слов относительно друг друга. Романтической эстетике больше соответствуют афоризмы-фрагменты — лирические, прерывные и аморфные. Фрагменты укоренены в безмолвии, их обступающем, и в них значимо самое присутствие слова. Наконец, начиная с Ницше появился модернистский тип афоризма, который утверждает не единство и не равновесие слова и безмолвия, а скорее их несогласие. Модернистский афоризм вскрывает несоответствие формы мысли и ее содержания, так что метафора осознается в нем как существенное свойство языка, и истинность высказывания оказывается неотделимой от его ложности. Модернистский афоризм сообщает о пределе сообщения; это слово язвительное, ибо оно обнажает пределы рациональности, но — по той же самой причине — само уязвимое⁷.

В китайской афористике мы обнаружим и невозмутимые рефлексии, и словесные слепки чувства, и даже проповедь по-ницшевски беспощадного самоотречения. Но мы не найдем в ней исторической типологии афоризма, сходной с европейской. Афористика в Китае существовала по законам традиции, которая вмещала в себя все формы отношения мысли к немислимому, все формы прихотливой игры смысла, ибо она основывалась на уже известном нам принципе экономии выражения: чем меньше область объективированной осмысленности, тем больше простора высвобождается для доконцептуального смысла бытийственной пустоты.

Этот принцип, кстати, характерен и для классической китайской живописи, с ее тенденцией использовать в качестве выразительного средства самое отсутствие изображения и сводить образы к экспрессивной детали, в конечном же счете — номенклатуре типических форм, что также делало занятие живописью прежде всего школой.

Э. Гомбрих говорил в этой связи о принципе «экрана»⁸. Но надо помнить, что в данном случае не просто экранируется та или иная вещь, но устанавливается самоустраняющееся присутствие Великой Пустоты.

Таким образом, все означенное в традиционном китайском афоризме (и, шире, во всей традиционной словесности и искусстве Китая) не имело статуса натуралистически-правдоподобного образа действительности. Оно выражало, по сути, тенденцию к сокращению, типизации реалистических образов и находило свое завершение (точнее было бы сказать, теряло себя) в ускользающем нюансе, в бесконечном богатстве разнообразия, чем и является на самом деле предельность бытия. Самопотеря образа в нюансе рассматривалась в китайской традиции как способ явления Великой Пустоты, как прообраз первоизданного Хаоса, смешения всего и вся в «великом единстве» дао. Реальность, по китайским понятиям, всегда включает в себя «другое», она есть по существу переход в инобытие. Но это переход, никуда не ведущий. В его свете опытный и умопостигаемый мир предстает эхом звука, отблеском света, образом в зеркале. Так в китайской мысли обосновывалась не-двойственность явленного и скрытого, познанного и незнаемого, путей человеческих и Великого Пути мироздания.

Теперь мы можем оценить значение декоративных качеств, присутствующих афористическому высказыванию. Свести реальность к нюансу, к характерному штриху — значит вытеснить значимое сообщение в область орнаментации, эвфемизма или, по терминологии Шпенглера, табу. Но в универсальном нюансе, каковым является бытие дао, исчезает оппозиция декора и содержания. Не оттого ли афоризм в старом Китае — это одновременно и жестко заданная форма, «строгая традиция», и откровение, ломающее все мыслительные привычки и правила?

Многозначительная недосказанность афористического высказывания не столько сообщает о чем-то, сколько со-общает с иным взглядом на вещи. Как фрагмент, афоризм ценен и значим лишь в его соотношенности с целым, со средой, его породившей. Мы не поймем значения категории предельности в афористике, пока будем думать, что афоризм служит лишь самовыражению его автора. Действительная основа афоризма — сотворчество в обыгрывании неизреченной темы, что не только не исключает, но и предполагает свободу проявлений индивидуальности. «Искусственная самостоятельность» афоризма имеет своей основой отклик мысли немислимому, неформулируемое условие диалога. Она подобна условно выбранной позиции собеседника в споре. Она сродни той необычайности, непохожести на нас, которую мы ценим в наших друзьях.

Один из самых полезных уроков, который можно извлечь из размышлений об афоризмах, состоит в признании невозможности суще-

ствования некоего универсального, показательного для всех времен и народов афоризма.

Анализ афористики в конечном счете способен выявить некую глобальную альтернативу той сугубо интеллектуалистской, замыкающей-ся от жизни в идеальных схемах философии самоотжествленного субъекта, которая выражает себя в монологической форме дискурсии. В афористической философии реальность свободна от абстрактно-универсальных истин и (ра)скрывается как одно само-отличие, игра взаимоотражений бесчисленного множества самодостаточных, безсловных моментов, как неведомая, недостижимая перспектива, которая скрадывается всеми «точками зрения» и таким способом ими подсказывается. Отказываясь приписывать тем или иным образам реальности исключительный статус, эта философия свободна от догматизма. Тот, кто привержен ей, не станет, подобно Платону, изгонять поэтов из идеального общества из-за того, что поэты говорят «не так, как все». Он вступит с ними в диалог и будет постигать свое единение с ними там, где обнаруживается предел всех социальных ролей, всех литературных стилей и жанров. По этой же причине он является хранителем ничейной и каждому близкой мудрости традиции, восприимчиком, говоря языком чаньских учителей, ее «общего дела», обращенного ко всем. Но он неподдельно, неподражаемо индивидуален в каждом своем слове именно потому, что он оставляет за собой свободу быть кем угодно и даже свободу быть или не быть.

Философия афоризма разрывает кольцо самоизоляции «чистого субъекта». Она разоблачает претензии интеллектуалистских философов, ищущих основания мышления в нем самом. В двойственной миссии афоризма, обнаруживающего одновременно предел мысли и ее санкцию, отображена природа реальности как предыстории мысли, которая скрывается всеми видами дискурсии, но позволяет мышлению быть. Перед лицом истин дискурсии правда афоризма — правда самой жизни — предстает ложью, иллюзией, а точнее, образцом литературной и мыслительной мимикрии, которая сообщает о пространстве тела, т. е. о том, что всегда дано в знаке и мысли как отсутствие. Афоризм приходит из глубины сердца и к этой глубине взывает.

Остается отметить еще одно, теперь уже вполне очевидное свойство афористики: ее дидактическую природу. Поскольку афоризм выявляет присутствие «другого» и тем самым — этическую дистанцию между человеком и миром, говорящий афоризмами неизбежно встает в положение учителя, даже если он, как воплощение непрозрачности истины, сам «не знает», чему учит, и ничего не может передать другим. Напомним, что чаньские гунъань были принадлежностью школы, средством подведения послушника к просветлению. Среди даосов мудрость традиции еще и в нашем столетии преподавалась в виде афоризмов, не подлежащих разъяснению⁹. Афоризм безраздельно господствует

в китайских компендиумах искусств и наук, удобно соединяя практическое наставление с поэтической фигуративностью, вскрывающей незаметные для профана связи между вещами. Он — эмблема традиционной китайской картины мира как непостижимо-сложной сети соответствий, наложения бесчисленного множества перспектив созерцания на вечно отсутствующую матрицу всепроницающего видения, причем каждая ячейка сети и каждый взгляд на вещи самобытны и неповторимы. Аллегорический язык традиционной китайской науки обозначает не столько предметы и сущности, сколько энергии и отношения, будучи в этом качестве родным братом языка поэзии. Китайский афоризм никогда не был только плодом отстраненного размышления. Он всегда сохранял живую связь с практикой, сообщал о единстве опыта и воображения, художества и ремесла.

Не следует забывать, конечно, что обучение посредством афоризмов предъявляло высокие требования и к ученикам, от которых, как мы уже можем догадаться, первым делом ждали искреннего и вольного доверия к традиции. Присущая наставнику в старом Китае скрытность, нередко вызывавшая недоумение европейцев, происходила вовсе не из нежелания учить, а из необходимости тщательного отбора учеников. Афористика требует стойкого духом читателя. Как не вспомнить еще раз Ницше: «Афоризмы должны быть горными пиками, а те, к кому они обращены, — возвышенными».

* * *

Итак, афоризм вводит нас в безбрежное пространство диалога, который начинается для нас в тот момент, когда мы открываем присутствие недостижимого «другого» — вечное и вечно новое. Но это значит, что афоризм рожден опытом рефлексивного сознания; в нем уже утрачена первобытная слитность слова с бытием. И в античной Европе, и в древнем Китае зачинателями афористики стали первые философы. Вместе со всей ранней философией афористика принадлежит элитарной письменной традиции, она есть знак учителя и, следовательно, власти, точнее — самого источника авторитета, подчиняющего себе существующие институты власти (оттого же афоризмы, как мы уже могли заметить, содержат в себе условия для критического пересмотра официальных ценностей). Одновременно в результате разложения архаической культуры появляются и фольклорные параллели афористики — народные пословицы, поговорки, загадки и т. п.

В древнекитайской литературе различимы два стиля, два основных вида афористических высказываний. Один из них присущ конфуцианской литературе. Конфуцианство возвеличивало мораль, историю, политику и здравый смысл. Оно провозгласило своей целью «исправление имен», что означало (при всей потенциальной неоднозначности этого тезиса) употребление слов только в том значении, которое при-

писывается им традицией и требованиями нравственности. Соответственно изречения Конфуция представляют собой безыскусные, скромные, подчас даже тривиальные высказывания, лишь имитировавшие торжественную многозначительность слова, освященного традицией. Но только великим авторитетам позволено изрекать банальные истины. Что же касается последователей Конфуция, то они отказались от псевдоафористического стиля учителя ради системности и доказательности трактата.

Иной тип афористики сложился в русле даосской традиции. В отличие от прозрачных, безукоризненно-резвых суждений конфуцианцев речи древних даосов полны туманных иносказаний, неожиданных парадоксов, вызывающе абсурдных сентенций, в которых сообщается, например, что «великое мастерство подобно неумению», «умеющий ходить не оставляет следов», «великий квадрат не имеет углов» и т. д.

Писания даосских философов с их собственной легкой руки снизили репутацию «безумных речей». Они прослыли безумными потому, что они противоречат здравому смыслу и словарным значениям слов. Тем не менее они заставляют задуматься, ибо кажутся неизъяснимо понятными в отмеченном выше смысле первичного, априорного понимания. При ближайшем рассмотрении выясняется, что в них запечатлен путь мысли, включающий в себя критику как «здорового смысла», так и самого критического суждения. Парадоксалистский стиль даосов основывается на уже известной нам посылке о том, что всякое понятие действительно по своему пределу и каждая вещь безусловна в предельности своего существования. Как заметил по этому поводу один из классических авторов даосских текстов, Чжуан-цзы, «граница безграничного — это безграничность ограниченного». Но если каждая вещь находит себя в «другом», то и это другое в равной мере подлежит трансформации. Безграничность высвобождается благодаря отрицанию отрицания. Отсюда своеобразие даосского лексикона, где реальность описывается в категориях двойного прекращения, двойного сокрытия, двойной утраты, ведь прекращение, чтобы воистину быть самим собой, должно само прекратиться, сокрытие — сокрыться, потеря — потеряться и т. д. Согласно даосам, Великий Путь — это «одно превращение», т. е. именно одно сплошное превращение, которое никогда не перестает быть самим собой.

В даосских текстах теорию замещает семантика слов. В них нет ни претензий на оригинальность, ни нарочитого остроумия. В них, по сути, нет ничего парадоксального. Они не столько безумны, сколько свободны от умничанья, именно: без-умственны. Речи даосов, по их собственному признанию, — это «ветер и волны», «переменчивые голоса» мира, непрестанное испытание и, следовательно, риск, встреча несходного, взвешивание несоизмеримого. Они являют образ вечного сколь-

жения, ускользания и все же всегдашней уместности, именно: у-мест-ности, витания вокруг.

Реальность, согласно даосам, постигается в два шага, которые представляют собой два момента единого процесса, две точки единого потока, два ракурса единой перспективы мерцания смысла. Подлинное бытие определяется ими как момент перехода в «другое», всегда тождественное себе отличие, акт превращения (хуа), в котором ничего не превращается, но все обретает бытийственную полноту посредством установления границы. Следуя той же логике, даосы говорили о непроезжем пути и невыговариваемом слове, о косноязычном красноречии, всепобеждающей уступчивости и т. д.

Отказ древних даосских мыслителей от объективации языка в категориях логики, грамматики, синтаксиса и т. д., их отказ отказываться от многозначности и текучести слова в человеческой практике не мог не сопровождаться, естественно, отказом от объективированного знания. Последнему они противопоставляли «знание незнания», предполагавшее прежде всего осознание несоответствия логических суждений бытию. «Знающий не говорит, говорящий не знает», — гласит известный даосский афоризм. Автором такого изречения мог быть только тот, кто умел интересоваться не столько содержанием сознания, сколько тем, что происходит с сознанием, когда оно устремляется за свои пределы. А ведь это происходит с ним непрерывно. Даосский Великий Путь как «просветление» (мин) есть устремление или, можно сказать, выход сознания на свет открытости сознания бытию, встреча пустоты с пустотой, — столь же непостижимая, сколь и произвольная.

В страстном молчании своего «незнающего знания» даосский мудрец постигает внутри, в «потаенном свете» пустоты, схороненной в пустоте, предел существования и, следовательно, абсолютную ценность жизни. В нем он, стоя один на один с «другим», принимает на себя космическую ответственность, становится хозяином своей судьбы. Изъясняясь ложно, метафорически, сознавая двойное безумие своих речей — их безумие перед «здравым смыслом» и безумие стремления поведать о дао, — он изрекает святую правду. Творческую стихию такого рода нефиксированной, необъективирующей рефлексивности, свободной разверстости в неведомое даосы называли «забытьем». Чжуан-цзы объясняет смысл «забытья» иносказательно, как бы в шутку и все же ничуть не лукавя:

«Силками пользуются для ловли зайца. Поймав зайца, забывают про силки. Словами пользуются для выражения смысла. Постигнув смысл, забывают слова. Где же найти мне забывшего слова человека, чтобы перекинуться с ним словом?»

Вы улынулись? Значит, вы поняли истинную цену всегда окольных и всегда прямых речей даоса. Будем помнить о техническом

назначении слов Чжуан-цзы. Он говорит не о речи вообще, но только об «осмысленной» речи, т. е. речи, направляющей к целокупному постижению бытия. Не следует упускать из виду и то обстоятельство, что целью даосского «постижения смысла» объявляется со-общительность людей, опыт их неизреченного, но искреннего и непосредственного единения. Этот опыт открывается в тот момент, когда мы забываем об условных значениях слов, когда мысль перерастает свою концептуальную оболочку и вверяется бездне не-понятого. Даосское забытие соответствует разрыву в длительности сознания — непреходящему, но и неизменно отсутствующему мигу творческого поновления. Однако забытие, чтобы «обрести себя», само должно забыться. В забытие есть еще за-бытие — нечто, стоящее по ту сторону забытого и памятуемого. Ему можно только довериться, ибо оно присутствует в тот момент, когда оно не видно. Но оно не может не внушать доверия, поскольку им удостоверяется все наличное.

Для даосов забвение всех условных, фиксированных смыслов равнозначно постижению одного безусловного Смысла. Каков он? Даосский философ ничего не может о нем сказать. Но этот смысл совершенно произвольно и свободно выговаривается сам. Слова для даоса праздничны, ибо они праздны, т. е. освобождены от необходимости что-то обозначать, и, следовательно, что-то сообщать, чему-то учить, о чем-то напоминать. Осмысленная речь только чревата смыслом. Она — как детский лепет (даосы говорили: «птичий щебет»), умудренный беспредельным опытом. Будучи образом силы бытия, она соединяет чистую экспрессию с научной точностью. Даосские тексты внушают идею письма, по отношению к которому полностью свободны и автор, и читатель: и тот, и другой равно вольны «не знать», о чем сообщается в тексте. Так художник, приступая к работе, не знает, что у него получится. Он даже никогда не будет знать, закончен ли его труд. Ибо быть творцом — значит испытывать свою неопределенность.

Даосское забытие есть акт чистого творчества, который всегда интимно вятен, но устраняется даже прежде, чем возникнет мысль о нем. Реальность «одного превращения» изменяется раньше, чем появится ее образ. Ее способ существования — «сокровенная метаморфоза», она пребывает по ту сторону памяти и воображения. В этом даосская концепция творчества отличается как от классической европейской эстетики, которая вслед за Платоном сводила творчество к воспоминанию, так и от рожденной современной западной цивилизацией эстетики модернизма, которая ищет регулирующую инстанцию творчества в проектной деятельности человека.

Тотальность не-мыслимого — вот высший без-умственный смысл философии дао, который, однако, выявляется последовательной критикой всех попыток сознания рассмотреть само себя и потому вовсе не отрицает работы мысли. Этот смысл делает возможным всякое преоб-

ражение смысла, и, выявляя границы нашего понимания, заставляет нас самих преобразаться, принимать новый взгляд на вещи. Крайне неопределенный сам по себе, он предельно определен в том, что позволяет всему быть тем, что оно есть. Автор «Гуань Инь-цзы» сравнивает его с пустотой небес, в которой плывут все облака и кружатся все птицы. Этот смысл все в себя вмещает, ибо он есть поистине только открытость необозримой перспективы бытийствования. И, как сказано в том же «Гуань Инь-цзы», пытаться уразуметь его — все равно что хвататься руками за обнаженный меч. Сильное и точное сравнение: ведь жить открытостью зиянию бытия — значит непрестанно подвергать себя опасности.

Древние даосские мыслители сравнивали жизнь со сном. Знакомая и вечно загадочная метафора Сон для даосов — прообраз непрозрачности бытия и недостижимого присутствия дао, но он же — среда творческого обновления, предполагающего, как заметили в наше время сюрреалисты, необыкновенную чуткость духа. Во сне наш разум не властен над нами, и мы целиком отдаемся потоку перемен, не спрашивая о причинах вещей, не задумываясь над целями. Вот почему происходящее во сне кажется нам даже более реальным, чем явь. Не потому ли прозрение для даосских философов подобно пробуждению к Великому Сну, этому семени сновидений, среди всех снов земли? И миг пробуждения удостоверяется для них вечностью снов. Даосский мудрец спит вещим сном — сном, пронизающим вечность. Он «стоит одиноко», как может быть одинок только спящий. И, не умея отличить сон от яви, не имея трансцендентальных критериев различения истины и лжи, он «влеком великим недоумением».

Дао — это пустота, предельная открытость, которая не есть ни идея, ни факт, ни сущность и потому не может быть предметом какого бы то ни было знания. Оно есть скорее присутствие пространства, которое делает возможным наличие всех вещей; сознание, в котором опознаются и субъект, и объект; творчество, которым творится и художник и произведение искусства. Даосская словесность как речь о дао есть, по сути, образ самотрансформации, испытание границ существования через выявление границ значений. Она знаменует разложение всех жанров и стилей, конец всякой литературности, отделенной от жизни.

Даосская словесность взывает к неизреченной и нескрываемой полноте существования. Следовательно, она всегда сообщает об опыте самопознания, хотя последнее в даосизме не имеет ничего общего с созерцательностью чистого субъекта. Речь идет об опыте сознания самопревращающегося и потому никогда себе не равного, принципиально диалогического. Подобная открытость бытию может показаться европейцу неожиданной и непривычной, поскольку идея самотождественного «я», реально продолжающегося во времени, с античных времен

была краеугольным камнем западной философии. Однако границы самоотжественного «я» могут быть установлены только догматически. Китайская традиция не знает подобного догматизма. Она говорит о самосознании без самоотжественствления, о сознании, которому всякий опыт дан как «другое» и которое хоронит свой свет, пребывает в «помрачении». Традиционное китайское отношение к самопознанию выразительно сформулировано в словах ученого XI в. Шао Юна, приводимых в книге Хун Цзычэна: «Тот, о ком прежде говорили, что это я, ныне уже другой. А нынешний я, о котором еще никто не знает, станет неизвестно кем в будущем». Это не отказ от ответственности за свои мысли и поступки, а, напротив, отказ отказываться от бытийственной полноты опыта. Здесь личность выступает как неразличение текучего многообразия социальных ролей и недостижимовсеобъятной перспективы Великой Пустоты. Позиция Шао Юна указывает на путь самовосполнения человека, в котором можно различить три стадии. Первая стадия — опыт эмпирического или, по-китайски, «обыденного» сознания, вторая стадия соответствует данным рефлексированного сознания, пробуждению мысли перед стеной не-мыслимого, третья стадия — это опыт «самопомрачающегося» сознания, постигающего неуничтожимость бытия в его предельности. Такой опыт, по китайским понятиям, знаменует «возвращение в мир обыденного», погружение в неисчерпаемую конкретность реального переживания жизни. В книге «Гуань Инь-цзы» три указанных этапа самовосполнения духа обозначены образами «обыкновенных людей» (фань жэнь), «достойных мужей» (сянь жэнь) и «высших мудрецов» (шэнь жэнь). Даосский мудрец не отличается от толпы, но и не уподобляется ей. Он идет «двумя путями»: действует и в то же время не действует, говорит, не говоря, молчит — и все выскажет. Он не изменяется в переменах и хранит в себе музыкальную целостность бытия, высвобождающую все голоса мира. Он живет творческой силой бытия, делающей его таким, каким он «еще не бывал».

Реальность в даосизме — это Великий Хаос, объемлющий все порядки мира и подтверждающий самобытность каждого момента бытия; это забвение, куда уходят все понятия, когда они достигают своего предела и исчерпывают себя. Она есть, говоря словами «Гуань Инь-цзы», неупорядоченный порядок, в котором находят завершение все ограниченные истины. Бесплезно спрашивать о цели и причине этого скольжения рациональности за пределы собственных норм. Оно взывает не к уверенности знания, а к искренности доверия.

Великий Путь в даосизме есть абсолютная, несчислимая дистанция, некий «промежуток» (цзянь), обозначающий одновременно и пустоту как отсутствие, и ритмическую паузу, делающую возможной гармонию, и состояние предельной смешанности, пустотное средоточие сущего¹⁰. Говорить о реальности дао — значит говорить о мозаике

неуловимо тонких переходов, градаций, оттенков. Дао в любой момент не-есть, но потому-то оно одно вечно остается.

Даосский Путь — это непостижимый акт «забытья забытого», или «упокоения покойного», превращение всех перемен, со-бытийность всех событий. Даосская философия «двойного забытья» выявляет условие связи (точнее сказать, не-связи) чистого опыта и культуры и тем самым — действительное условие жизнеспособной традиции: недостижимую или, как говорили в Китае, «недостижимо-уединенную» (ю) предельность человеческого существования. Неудивительно, что позднее философия дао была привлечена для истолкования и даже апологии наставлений Конфуция. Наследие древнего даосизма с новой силой зазвучало в проповеди чаньских учителей.

Место чань-буддизма в истории буддийской традиции Китая неплохо иллюстрирует сказанное выше о стилизации как факторе творческого процесса культуры. Ибо оригинальность чань состоит не в идеях, а в самом способе отношения к идеям. Как известно, распространившийся в Китае буддизм махаяны основывался на тезисе о том, что реальность — это «ни нечто, ни ничто» и что она пребывает вне оппозиций и альтернатив. Отталкиваясь от идеи о несуществовании различий между мудростью и обыденным сознанием, несотворенным покоем нирваны и суетностью мира страстей, чаньские наставники отвергали всякое доктринерство и традиционные формы религиозной практики. Мудрость, утверждали они, нельзя достичь ни ученостью, ни благочестием, ни даже самой суровой аскезой. Она открывается вся целиком, без видимой подготовки в момент «внезапного просветления» (дунь у), обнажающего пустотность всякого опыта. Словопрения о реальности бессмысленны. Литература чань есть как бы афористическое сокращение, обыгрывание необъятного канонического свода махаяны со всеми его трактатами, комментариями и субкомментариями. Она кажется изящным надгробием на могиле буддийской схоластики, которое, впрочем, задним числом оправдывает и все, что в этой могиле похоронено.

На первый взгляд чаньский язык имеет много общего с даосскими текстами, но по существу он глубоко своеобразен. «Ветреные», парадоксальные в своей текучести речи даосов, как мы помним, удостоверяют самоустраняющееся присутствие Великой Пустоты дао. Высказывания же чаньских учителей призваны лишь выявить иллюзорность всех людских мнений. Согласно популярной буддийской аналогии, они подобны воде, отчетливо отражающей луну. Буддизм придал слову всецело учительную функцию, но объявил слово тенью призрака, эхом заблуждения. Отсюда пристрастие буддистов к разного рода дидактическим приемам, их стремление определять, классифицировать, составлять компендиумы и антологии. Отсюда же известная неорганичность, искусственность буддийской словесности. Ученые буддисты в Китае охотно пользовались как даосскими, так и конфуцианскими

литературными формами, что и не кажется удивительным, ведь аутентичного, оправдываемого самим бытием буддийского языка не существует. Так, чаньские наставники восприняли даосскую тему «безмолвного поучения», но они нарочито заострили и драматизировали коллизию мысли и немислимого, слова и неизреченного. Оттого же чаньская литература позволяет тщательнее обозреть анатомию афоризма и внимательнее всмотреться в творческие импульсы афористики.

Чаньские гунъань так или иначе сводятся к парадоксальному, точнее, абсурдному утверждению подобия заведомо неподобного. Современный исследователь чань-буддизма Г. Дюмулен назвал их «одной большой насмешкой над всеми правилами логики». Однако осмеиваются в гунъань правила не столько логики, сколько обыденного словоупотребления и в особенности привычка принимать порядок слов за порядок реальности. Гунъань призваны не помочь решению вопросов о природе истинно-сущего, а показать, подсказать, заставить пережить бессмысленность желания решать их. Подобно «безумным речам» даосов, они выявляют границы нашего понимания, которые нельзя преодолеть, не изменив способ своего существования. В них разыгрывается первозданная, недоступная концептуализации драма испытания человеком абсолютной неопределенности своего бытия, открытия им безграничного поля опыта. Чаньская (как и даосская) словесность — это стихия чистой игры, где неопределенность человеческого существования испытывается неопределенностью бытия «мира в целом». Такая игра, где каждое мгновение решается вопрос жизни и смерти, но не дано выбирать между бытием и небытием, где, в сущности, никто не играет и ничего не разыгрывается, осознавалась в китайской традиции как подлинный исток человеческого творчества.

Читая книгу Сюэдоу и Умэня, где тексты гунъань сопровождаются до странности вольным предуведомлением или комментарием, а последний, в свою очередь, сменяется столь же самостоятельным стихотворным кадансом, мы словно погружаемся в поток бытийственной игры, живого диалога с его лирической прерывностью, с его непредсказуемо-резкими, но повинующимися творческой игре сомыслия перемена интонации. Среди последователей чань и вправду вошли в традицию отрывистые, ломанные диалоги, в которых каждое высказывание застает собеседника врасплох и требует от него произвольной, лишь интуицией подсказываемой точности ответа. И каждый новый поворот в этом причудливом лабиринте фрагментов истины напоминает о том, что жить в пустоте и пустотой — значит рисковать; каждое слово в нем встает перед нами как решающее испытание, именно «застава», через которую невозможно пробиться и нельзя не пробиться. Недаром пояснения к текстам гунъань зачастую имеют форму священной загадки, решение которой объявляется делом жизни и смерти. Гунъань есть метафора инициационного

испытания — прохождения через лабиринт или подземелье, где человека на каждом шагу подстерегает смертельная опасность; испытания, воспроизводящего процесс человеческого филогенеза, появление человека, который не просто знает, но и сознаёт.

Со временем чань-буддисты стали осмыслять путь к прозрению в категориях прохождения через «три заставы» (сань гуань), весьма напоминающие три фазы самовосполнения человеческого сознания, о которых говорили древние даосы. Но еще привлекательнее для них была идея высказать мудрость «одной фразой» или, говоря их собственными словами, «одним ключом отомкнуть три заставы». Умение сказать как можно короче и выразительнее, «сказать, как отрезать», ценилось чрезвычайно высоко среди приверженцев чань и породило множество соответствующих литературных опытов. Известный наставник IX в. Линьцзи довел до предела лаконизм и фрагментарность «живого слова» чань, сведя свою проповедь к одному-единственному возгласу: «Хэ!» А монаху, спросившему о смысле этого восклицания, он ответил:

«Иногда крик „Хэ!“ — сказал Линьцзи, — подобен драгоценному мечу Алмазного Владыки (защитника истины Будды. — В. М.). Иногда он подобен золотогривому льву, крадущемуся по земле. Иногда он подобен бамбуковому шесту с пучком травы на конце. Иногда он вообще не означает крика „Хэ!“ Теперь ты понял?» Монах промолчал, и тогда Линьцзи крикнул: «Хэ!»¹¹. Линьцзи, конечно, пародировал классификаторскую манию и дидактизм своих собратьев по вере, но все же, и притом именно с буддийской точки зрения, его абсурдистская пародия бессмыслицы — абсурдная вдвойне — совершенно серьезна!

Тот, кто говорит «одним словом», сообщает слову выразительность жеста. Уплотнять речь — значит превращать речь в плоть. Это значит открывать предысторию языка и мысли, кроющуюся в телесной практике и скрываемую интеллектуалистскими образами языка. Интеллект очерчивает сферу знания и выражения. Призвание же тела — поедание, поглощение, самосокрытие, отчего кожа, одежда, всяческий покров суть необходимейшие его атрибуты¹². Телесная интуиция предваряет рациональное мышление, и миссия мудрого, по словам даосов, состоит в том, чтобы «хранить», «оберегать» единство дао, т. е. изначальный, еще ничейный опыт целостности бытия до дуализма, вносимого в мир субъективистским сознанием. Вот и чаньские гуаньань следовало, как советовал Умэнь, «восчувствовать всеми членами тела, всеми порами кожи».

В чаньской традиции слово ценится лишь за то, что его можно «проглотить». Чаньская словесность призвана превратить все образы и понятия в то, что хранится, хоронит себя в сердце, подобно тому, как пустота, опустошаясь, сама себя скрывает. Как сказал один чаньский наставник, мудрец в самом себе носит мощи святых. Слова, оторванные

от жизненной интуиции, чаньцы считали безжизненными и даже вредными. Они в полной мере усвоили традиционную для Китая идею возвышенного безмолвия учителя, который не столько учит чему-то, сколько обнажает пределы опыта и понимания. В китайской традиции человеку нет нужды быть мерой всех вещей, но им устанавливается все сущее, он сам всему порука и опора. В руках хорошего человека, гласит известное чаньское изречение, плохой метод становится хорошим, а в руках плохого человека хороший метод плох.

За вольностью обращения со словом в даосской и чаньской традиции стоит утверждение неподатливости понятийному мышлению несовершенного, бытийственного Слова (не-слова). Это Слово есть творческая стихия языка, среда и сила самотрансформации, чем в действительности и является живое тело. Чаньский стиль в словесности и живописи есть искусство самоупражняющегося штриха, нюанса, детали (ведь все свершается в паузе, в «промежутке!»). Но это сама сила творческой стилизации в ее единстве ограничения и собирания бытия; сила, которая побуждает нас выходить вовнутрь. Она воплощает головокружительное скольжение за пределы нашего опыта, и все же к средоточию нашего бытия... — туда, где выразительные потенции слов и образов исчерпывают себя и начинается слово-плоть, невозможное слово. Из вихрей чаньского гротеска проступает незабываемый покой «мира, как он есть». Язык чань — это язык триумфов, «общих мест» (но, как мы уже знаем, отнюдь не общих истин); в нем, как в лишенном глубины зеркале, все метафоры выведены на поверхность, все вещи таковы, какими они являются. Мастер чань, свершивший свое дело, спокоен за истину: он видит ее надежно схороненной в самом будничном и привычном. В нем есть что-то от Рембо зрелой поры его жизни, того Рембо, который забросил стихотворчество, а на расспросы любопытствующего друга отвечал: «Литература? Я больше об этом не думаю». Впрочем, если уж искать его действительный прототип, то таковым окажется бодхисаттва — святой мудрец в традиции махаяны, который, достигнув просветления, возвращается в мир, чтобы «скрытно помогать» людям и «стоять на страже истины». Миссия бодхисаттвы насквозь иронична, ведь он помогает тем, кто уже все имеет, а охраняет то, что нельзя утаить

Телесность есть воистину воплощение предельности. Даосский и чаньский идеал эстетичен по своей природе. В опыте дао знание не отделено от переживания уникальности момента, от опознания неведомого. Пусть никто не знает, как выглядит «изначальный облик» человека (т. е. сам Хаос), пусть Хаос даже не имеет лица — узревший его, говоря словами Умэня, будет подобен тому, кто «встретил своего отца на людном перекрестке: у него не возникнет сомнений, не обозначился ли он». Но хотя дао — «само себе корень», его самотождественность есть его саморазличие, согласие несогласующегося, грань, от-

деляющая опыт нынешний от опыта прошлого. Недаром в «Гуань Инь-цзы» дао описывается словосочетанием «и си», означающим буквально «один перерыв». Мы в изобилии находим свидетельства этого ускользающего разрыва в чаньских изречениях, например:

Когда птицы не поют, гора еще покойнее.

Перед моим окном всегда одна и та же луна. Но расцветут сливы — и луна уже другая.

Прочитированные сентенции кажутся верхом абсурда: гора не может стать еще неподвижнее оттого, что перестали петь птицы, а луна не может обновиться из-за цветения сливы. И все же их ошеломляющая бессмысленность как будто заново открывает нам и покой, которому навечно принадлежит гора, и переменчивость сумрачного, неверного сияния луны. Их абсурдность говорит о бытии как вездесущем разрыве или, что то же самое, «утонченно-неуловимой» (мяо, вэй) встрече несоединимого, которая и влечет к себе мысль, и сама неотступно ее преследует.

Философия дао предполагает постижение самодостаточности вещи в ее само-отличии: она требует сполна испытать деятельный и текущий характер человеческого существования, что и засвидетельствовано самой бессмыслицей даосских и чаньских речей, обнажающей невозможность точного именованья реальности. Однако эстетический опыт дао неотделим от рефлексии, и творческое событие Великого Пути равнозначно, как говорили в Китае, «недеянию». В необозримой перспективе ускользающего посредничества смысла реальность предстает «сетью вещей без начала» (выражение Чжуан-цзы), игрой взаимоотражений, которая хранит в себе нечто недостижимое: еще больший покой в полной неподвижности, еще более быструю перемену в непрерывных превращениях, пробуждение в извечной череде снов, смерть в бескрайнем потоке жизни.

Выше было отмечено, что акт понимания означает соотнесение единичного явления с априорной «полнотой смысла» или, по-другому, перспективой со-мыслия. Его трактовка в европейской и китайской традициях обнаруживает интересные различия и не менее важные совпадения. В европейской философии с античных времен возобладала тенденция сводить изначальное знание к интуиции формы форм, представляющей высшее систематическое единство. Абсолютный принцип знания постигается здесь как бы в два шага, а предметная практика человека получает статус вторичного отражения, «тени тени». Подобный интеллектуалистский подход в конечном счете заставляет мысль замыкаться в самосозерцании и обрекает ее на догматизм, не будучи сам свободным от внутренней противоречивости. Требуя понять неизменную форму средствами изменчивого сознания, он ставит перед человеком непосильную задачу «быть богом» и уже вовсе ни-

чего не говорит, как ему быть вместе с богом. История Запада дает предостаточно свидетельств стремления классического европейского идеализма мистифицировать свою иррациональность в категориях человеческого грехопадения. Но все тайное становится явным. Не примечательно ли, что эпоха Ренессанса, впервые возвестившая об исключительных прерогативах разума, стала временем необычайного духовного разлада и дисбаланса? В характерных для ренессансной культуры увлечении оккультизмом и демонологией, массовой паранойи «охоты за ведьмами», неизъяснимой муки телесной пластики, кошмарах на живописных полотнах и даже знаменитом «раблезианском смехе» мы видим, как мстит за себя отвергнутый интеллектом мир телесной интуиции, мир конкретного и конечного.

Даосские и чаньские авторы откровенно принимают парадокс смысла, состоящий в том, что полнота понимания требует признать ограниченность знания, что знание конституируется... забытьем! Абсурд в даосизме и чань знаменует преодоление концептуальной формы и возвращение к Бесформенному, служащему средой выявления всех форм. В противоположность идее абсолютной единичности философия дао представляет реальность бесчисленным множеством единичных фактов, доступных только каталогизации и, по существу, неотличимых от внеконцептуальной, пустотной конкретности. Если интеллектуалистская философия является попыткой сказать прямо о неявленном, то мудрость дао выражает себя в иронии и смехе как способах сказать опосредованно о явленном. И нет более неблагодарного занятия, чем разъяснять, где присутствует ирония в словах и что смешного в смешном.

Реальность в китайской традиции тоже постигается в два шага: забытью должно быть забыто, предельность должна быть ограничена. Но этот путь не знает грехопадения: абсолютное бытие и мир явленного едины по своему пределу. Предельный характер Хаоса непосредственно вкоренен предельному характеру человеческой практики. Правда дао — не идея, не опыт, не факт, не данность, а способ отношения к миру: предельная открытость предельной открытости бытия.

Дао — путь «тайного опознания» реальности, о которой никто не может помнить. В нем скрыта неистребимая ирония, указывающая по виду на самоограничение реальности в актуальном бытии, а по существу — на интимное сродство Хаоса и человеческой практики. Безумно ироническая истина дао состоит в том, что бесконечность человека удостоверяется указанием на его конечность. За этой иронией стоит неформулируемый и, более того, не требующий выражения опыт реальности сугубо практического, можно даже сказать, операционального свойства. Философия дао указывает на не-мыслимое средоточие человеческой жизнедеятельности, где труд перестает быть подчиненным интеллектуальным проектам, а мысль, слившаяся с телом, обре-

тает бытийственную мощь; где сходится интимность дыхания и анонимность праха, декоративное и содержательное, игра и природная необходимость. То и другое находятся в отношениях нефиксированной, неопределенной связи, как бы «не-связи», засвидетельствованной, в частности, столь характерными для классического искусства Китая элементами гротеска. Не заходя далеко в слишком широких и рискованных сопоставлениях, отметим только, что гротеск в даосизме и чань лишен налета агрессивности и сенсационности, часто сопутствующего ему в европейской культуре. Ведь он есть знак самовосполнения и, следовательно, самовысвобождения, симптом абсолютной открытости полноте жизни, которая предполагает устранение любого привилегированного образа.

Литературная традиция чань-буддизма отчетливо обнажила структуру смысла и выделила в чистом виде одну из его главных составных частей — абсурд как способ осознания не-связи сказанного и неизреченного (имеющий своей основой радикальную критику всех самосвидетельств сознания). Но раскрытие условий порождения смысла еще не создает смысл. Чаньская формализация принципа (т. е. не-принципа) не-связи заключала в себе явное внутреннее противоречие и, по признанию самих чаньских наставников, напоминала «совершение операции на здоровом теле». Довольно скоро традиция чань исчерпала себя и потеряла устойчивость. Примечательно, что в Китае XIV—XVII вв. наследие чань питало одновременно и наиболее ортодоксальное направление в тогдашней эстетической мысли, и вспышки воинствующего нонконформизма.

Но самоупражнение чань означало в действительности его исход в мир. В светской афористике позднего средневековья мы наблюдаем очередную метаморфозу «осмысленной речи», которой держалась классическая традиция. Исток творческой силы духа, который чань-буддисты несколько непоследовательно пытались ограничить рамками доктрины и монашеской аскезы, теперь стали искать в «жизни вообще» или, точнее, в опыте «подлинности» (чжэнь) жизни, доступном любому мирянину. Следуя традиции, ученые люди того времени считали эту «подлинность» или «внутренний импульс» (цзи) бытия условием всей культурной деятельности человека, которое, однако, не может быть уловлено объективированными смыслами культуры. По мнению Хун Цычэна, например, истинный поэт — не тот, кто пишет стихи, а тот, кому ведомо поэтическое настроение. Более того, многим в то время не казалось странным полагать, что поэзия «родилась вместе с Небом и Землей» и что сочинение стихов по заданным правилам граничит с изменой поэтическому чувству¹³.

В афористике позднего средневековья принцип экономии выражения достиг своего предела и перешел в «другое». У Хун Цычэна и его современников речь перестает быть метафорой, иносказа-

нием и становится средством именованя; иллюзия прочно утверждается в правах истины. Многие их высказывания читаются как миниатюрная повесть, итоги жизненных наблюдений. Проще всего было бы увидеть в этих скромных и трезвых заметках памятник житейской мудрости древнего народа. И такая оценка, безусловно, не была бы несправедливой. Но мы жестоко ошибемся, если усмотрим в них только расхожую мудрость мира. Здесь внимание к обыденному и повседневному сопряжено, как ни странно, с силой и стойкостью духа, заставляющими презреть все обыденное и повседневное. Здесь жизнь внешняя и знакомая оказывается в соответствии с тем же принципом не-связи знаком чего-то совсем «другого» — жизни внутренней и неведомой. Пронизывающий позднюю китайскую афористику мотив постоянного самоконтроля, непрестанного усилия само-опознания навеян буддийской практикой медитации, но теперь это усилие служит не устранению своего «я», как требовал буддизм, а, напротив, утверждению внутренней субъективности, отождествляемой одновременно с творческим началом бытия и с общественной природой человека, его соотносительностью с миром.

В литературе позднесредневекового Китая новый взгляд на человека выразился в предельном размежевании, отношении не-связи между предметным содержанием и порождающей формой произведения. Соответственно в ней устойчивое стало приметой изменчивого, так что метафорическое измерение языка вылилось в трюизмы прописной дидактики, и художественно значимым в конце концов оказался не выбор образа, а само присутствие слова — присутствие, скрывающее символическую, познавательную глубину речи. В этом пункте новая афористика являла параллель возникшим в то время новым жанрам повествовательной литературы и крупнейшему из них — роману, который в различных своих видах, будь то роман авантюрный, бытовой или эротический, осмыслялся в тогдашнем Китае как метафора человеческого самопознания¹⁴. То же и в живописи: китайские художники той эпохи создавали натуралистически достоверные образы реального мира, но предметом изображения среди них считалась некая типовая форма, соответствующая внутренней глубине сознания и обозначаемая (а точнее, скрываемая) более или менее условными подражаниями манере знаменитых мастеров прошлого.

Что же это за неведомая матрица речи, внутренний образ человека, о которых сообщают появившиеся с XVI в. отдельные книги афоризмов? Она раскрывается перед нами в самом течении не-связанных между собой, как бы случайно нанизанных изречений. Отношение этого вольного потока к отдельным афоризмам подобно отношению самого динамизма воображения к его содержанию: этот динамизм не существует вне потока воображаемых образов, но и несводим к нему. В таком случае можно сказать, что смысл всеединства бытия находит-

ся в отношениях не-связи с бессмыслицей хаотической смены фрагментов, или, как сказал бы Чжуан-цзы, великое пробуждение присутствует в бесконечной череде снов. В потоке афоризмов Хун Цзычэна — бесконечно осмысленных в своей полной непритязательности — мы соприкасаемся (едва ли «наблюдаем») с незбылемым покоем сознания, бодрствующего среди всех сновидений мира, соединившего свою волю с забвением. А что может быть свободнее воли к забвению?

Коллизия не-связи вещей определила присущее новой афористике деликатное взаимодействие эмпирического и фигуративного планов бытия. С одной стороны, новые афоризмы обращены к повседневной жизни и ее опыту, с другой — изобилуют отсылками на образы, термины, сюжеты, стиль древней литературы. В них книжные аллюзии и реминисценции создают элитарный художественный язык, сокрытый в общедоступной обыденности речи, недостижимо-изысканное «древнее» начертано незримыми письменами на том, что известно и понятно каждому. Так в эстетике позднего средневековья безыскусное и очевидное стали маской утонченно-художественного и сокровенного. Отныне искусство китайского литератора или художника заключалось в умении совместить крайности того и другого. Не случайно во многих афоризмах Хун Цзычэна мы встречаем непривычно смелые для европейца образы взаимопроникновения мира природы и мира человека, воображаемого и реального. Но даже это взаимопроникновение, парадоксальное само по себе, оказывается лишь символом, т. е. знаком недостижимого — интимно-неведомой «подлинности» бытия, бесконечной глубины жизни сердца...

В посредовании между зримым и сокровенным, реальным и фантастическим китайский художник открывал пространство своей творческой свободы, предотвратившей сползание китайской словесности и искусства к традиционалистскому подражательству или натуралистической достоверности. Но эта свобода требовала от художника вновь и вновь определять свое отношение к миру и, будучи верным только себе, быть верным бытию.

Интерес литераторов XVII в. к внутреннему опыту человека, к проблеме нравственного выбора — примета вновь открытой отъединенности человека от мира, возложившей на человека бремя опасной свободы и созидания собственной судьбы. Наступила эпоха отстраненности от прежних святынь и даже бунта против них, отчасти напоминающая поворот к гуманитарному рационализму в Европе Нового времени. Не случайно в китайской афористике того времени имеется немало созвучного с наследием французских моралистов XVI—XVII вв. — Монтеня, Паскаля, Ларошфуко. И там, и здесь мы встречаем обостренное внимание ко всему недоброму и зловещему, что есть в человеке, недоверие к притязаниям интеллекта и совет жить «искренностью сердца». Однако в Китае в отличие от Европы предметом

объективизации стало не субъективное самосознание, а сама предельность человеческого бытия, «глубокое безмолвие» (сюань-мо) средоточия мирового круговорота, тайна соотносительности человека с космосом. Китайским современникам Паскаля мир представлял не ужасной бездной, а вездесущим экраном, по которому скользят все тени мира, высвеченные изнутри сиянием небес.

Природа самообъективации человека в китайской культуре наглядно запечатлелась в принципе миниатюрности, сформировавшем и стереоскопическое, многоперспективное видение китайского художника и давшем жизнь такому удивительному созданию китайского гения, как карликовые сады. Миниатюра предполагает способность охватить мир одним взором, вместить его в себя. Но она же требует необыкновенного внимания к нюансам и чуткого покоя духа, дарующих постижение великого в малом. Тайна миниатюры — в способности одновременно ломать и подтверждать наши привычные ощущения, блистательно стирая границы между иллюзией и действительностью, игрой и правдой.

Хун Цзычэн и его современники говорят о пределе выразимого — о том, что остается «за кадром» всего представленного. Поэтому они не нуждаются в цветах красноречия и не страшатся простоты своих слов. Их безыскусные и сдержанные суждения, подобно миниатюрным копиям деревьев, озер и гор в карликовых садах, фантастически реальны и заставляют ощутить границу всякого опыта. Эти на редкость утонченные словесные образы безмолвия, маскирующиеся под проповедь общеизвестных истин, — знак эпохи, когда ученый Цзяо Хун предлагал ограничить толкования древних книг составлением глоссов, чтобы предоставить каждому побольше возможности «молчаливо общаться с Небом».

Так, трюизмы афористики позднего средневековья — дверь в иной, неизведанный мир, таящийся в каждой черточке бытия. Чтобы открыть эту дверь, нужно обладать невозмутимым покоем души, даруемым лишь той предельной полнотой созерцания, которая позволяет осознать «мир, как он есть», во всем его многообразии и неизбежной обыденности, тенью и эхом в «пустом ущелье» бытия, каковым является Великая Пустота дао; та полнота, которая делает неразличимыми звук и эхо, свет и отблеск, конкретность человеческой практики и конкретность чистого опыта Хаоса.

Афоризмы новой эпохи — новый образ все той же ускользающей со-бытийности вещей. Вольное «перетекание» сознания, бытийственный диалог, каждое мгновение свершающийся в каждом из нас, устанавливает их глубинное стилистическое единство. Здесь кроется тот незримый стержень, который не только соединяет, но и приводит к равновесию внутренний опыт и жизненную позицию китайского подвижника Великого Пути. Внушаемое этим равновесием тонкое чув-

ство меры начисто лишает китайские афоризмы претенциозности. Мы найдем среди них и ажурные максимы, и лирически аморфные фрагменты, но мы не встретим в них ни увлечения словесной игрой, ни культа анархического самовыражения. Свойственную им рефлексивность не нужно путать с интроспекцией и самокопанием. Она означает скорее способность посмотреть на себя «чужими глазами», вместить в себя разные перспективы созерцания, перерастить самого себя. Китайский моралист видит смысл жизни в неустанной внутренней работе над собой, совершенно неприметной со стороны, но оказывающей неотразимое воздействие на мир. Он не требует от человека многого, но беспощадно требователен в одном: не обманывать себя, не пытаться заполнить пустоту в себе суетными мыслями, словами и делами. Он знает, что страх несотворенного и, следовательно, непонятого зияния бытия — самый глубокий и все пытки ада в сравнении с ним не более чем наивная бутафория.

Интерес китайских литераторов XVI—XVII вв. к «мелочам жизни» выдает их внимание к промежуточной, переходной, извечно самообновляющейся природе Великого Пути. Ведь чем быстротечнее занимающее нас мгновение жизни, тем острее переживается нами самоизбыточность творческого начала мира. И наше ничтожество перед «одним превращением» мира есть не что иное, как наше величие пребывания в этом едином движении бытия (вот еще один источник иронии и гротеска в китайской традиции). Ученые авторы того времени действительно отличаются завидным умением находить нечто приятное в самой гуще обыденного и повседневного. Они охотно рассуждают о прелестях самых разных предметов — чтения, прогулок, погоды, старинных пейзажей, чайных ароматов, редких вин, женских ножек, цветочков, подушек и прочих милых пустяков. Их рассуждения часто окрашены иронией и юмором, ведь речь идет о постижении великого в малом, об открытии недостижимого в доступном. К примеру, литератор XVII в. Цзинь Шэнтань составил для себя перечень «тридцати трех приятных дел», среди которых упоминаются и такие: «в жаркий день острым ножом разрезать спелую дыню на красном блюде», «запершись одному в комнате, отпаривать мозоли», «будучи монахом, есть мясо на людях и брить голову только в летнее время»¹⁵. А вот список «приятных вещей», принадлежащий ученому Чэнь Цзюжу, чьи афоризмы тоже публикуются в этой книге:

«Общество знатоков. Изящный домик. Чистый стол. Светлая луна на безоблачном небе. Ваза с цветами. Время сбора чая, побегов бамбука и апельсина. Дымка в пейзаже. Не хвастливый и не слишком строгий хозяин. Просушка книг на солнце. Запах благовоний. Хорошие манеры. Старинные картины. Отсутствие забот. Подвижник среди снегов. Диковинные камни и древние сосуды. Пробуждение. Выздоровление. Неспешное развертывание пейзажного свитка»¹⁶.

Непроизвольно-затейливая россыпь моментов бытия, череда ускользающих нюансов, которая со-общает с непостижимо-сложной геометрией Хаоса: в этой недостижимой конкретности длящегося отсутствия, мире полутонов и бесконечно малых градаций, где эстетический опыт самодостаточности каждого момента бытия неотличим от незыблемого покоя созерцания «мира в целом», стремление к совершенству не имеет конечного результата. Оно напоминает путешествие, в котором созерцание открывающихся перед нами картин заставляет нас забыть о цели пути. В литературе, воссоздающей эту бесконечно дробящуюся мозаику Хаоса, мы словно натываемся, нападаем на слова, т. е. именно п а д а е м н а слова, внезапно открывая их самодостаточность, их эстетическое качество. Такова чисто китайская любовь к совершенствованию ради самого совершенствования и превыше всего к декоративной стороне дела, как будто декорум сам себя оправдывает. В этом отсутствии целеполагания, кажется, нет особенного смысла? Но оно, по китайским понятиям, свидетельствует о том совершенном, чистом наслаждении, которое способна доставлять только игра, открывающая беспредельное в неизбывно-предельном.

Как бы мрачно ни оценивали литераторы XVI—XVII вв. нравы своего времени, их творчество проникнуто оптимизмом, протекающим из их веры в способность человека к бесконечному совершенствованию, в неизбежность живого, деятельного единения человеческого сердца с творческим процессом бытия. Более того, потаенность присутствия дао в глазах китайского ученого способна лишь укрепить доверие к нему. Вот почему он едва ли согласился бы с теми корифеями европейской афористики, которые полагали, что человек в его нынешнем «падшем» состоянии не в силах сбросить гнет эгоцентристского «я» и потому были склонны считать альтруистические поступки человека и даже простое соблюдение им правил вежливости только личиной, маскирующей его подлинное лицо. Немыслимо услышать от китайского автора что-нибудь подобное такому, например, изречению Ларошфуко, вполне обычному в устах европейского моралиста: «Мы легко забываем свою вину, если только она нам одним известна». Он скажет иначе: «Не обманывай в темноте, это пригодится, когда ты будешь на виду».

Честность, проповедуемая литераторами позднесредневекового Китая, не имеет ничего общего с привязанностью к догматическим принципам. Будучи продолжением внутреннего диалога бытийственного сознания дао, раскрываясь лишь в виде фрагментов неуловимовездесущей истины, она выглядит по-разному в разных жизненных ситуациях. Эта честность предполагает умение быть разным в разное время и с разными людьми и, главное, быть непохожим на других. Искусство общения в китайской традиции состоит в безмолвной де-

монстрации ограниченности всех человеческих понятий и ценностей, в том числе даже добродетели и ума. Китайские моралисты — и тут они могли бы найти общий язык с Ларошфуко — не устают внушать мысль о том, что общество записных праведников и всезнаек невыносимо, а промахи открывают дорогу к успеху и мудрости; что несовершенное людьми неизмеримо величественнее того, что они уже сделали, и подлинное мастерство проявляется в ограничении. Их книги читаются как последовательное и беспощадное разоблачение человеческого тщеславия, всяческой человеческой ограниченности, в каком бы обличье они ни выступали.

Нерушимое уединение китайского мудреца, его непохожесть на других вовсе не означает, конечно, что он говорит и действует в пику другим. Эксцентризизм поведения не менее обманчив, чем показное благочестие. Свобода быть кем угодно предполагает свободу быть никем. Абсолютная непохожесть мудрого на других людей есть не что иное, как его абсолютная неприметность для мира. Но эта неприметность означает лишь, что мудрец без остатка принадлежит миру. Он уподобляется зеркалу, в котором люди опознают себя и, не замечая присутствия зеркала, считают это собственной заслугой. Он является незаметным условием произрастания всего живого. Он не владеет ничем, но им держится весь мир.

Чему же учат моралисты старого Китая? Они учат тому, чему нельзя ни научить, ни научиться и притом в двух смыслах: во-первых, потому, что они говорят о чем-то «вечно другом», недостижимом, несбываемом — о смерти в жизни, о пробуждении во сне; во-вторых, потому, что они говорят о чем-то, имеющем чисто практическую ценность и сполна данным каждому, о здоровом чувствовании океана всегда юной жизни — чувствовании радостном, поскольку в нем открывается неуничтожимость бытия, и печальном, ибо оно дается ценой познания неотвратимости утраты.

Единственная мораль, которую можно извлечь из чтения китайских моралистов, — это понимание ценности безмолвия, никогда не повторяющегося, но одного на все времена.

Ни о чем не нужно говорить,
Ничему не следует учить,
И печальна так и хороша
Темная звериная душа:
Ничему не хочет научить,
Не умеет вовсе говорить
И плывет дельфином молодым
По седым пучинам мировым.

В этом странном, но точном в своей странности прозрении поэта могут вызвать неверные ассоциации лишь слова о «звериной душе». Их нельзя считать даже невольной данью банальному мифу человека-

зверя. Сдержанная, вдумчивая интонация этих строк внушена органическим чувством гармонии и меры. Перед нами метафорическое — по существу, единственно возможное — обозначение всеединства Хаоса, который существует прежде всего субъективистски-очеловеченного в человеке и к которому человек возвращается, когда он перерастает сам себя.

Стихи Мандельштама неожиданно перекликаются с заключительным афоризмом Хун Цзычэна, где жизнь сравнивается с вольным и все же требующим упорства плаванием в океане жизни. Случайное совпадение? Может быть. И все же не совсем случайное. Привольное самопревращение, потаенное скольжение в пространстве граничности — вот окончательная и вечно незаконченная правда человеческого существования, которая говорит о себе поверх всех различий языков, культур и мировоззрений. Но эта правда всегда «другая», всегда открывающаяся неожиданно, сколько ни думать о ней.

Путь в водном просторе — это путь ниоткуда и никуда. Его начало и конец сходятся в каждом его мгновении, ведь в океане нет ничего, что не присутствовало бы в каждой его капле. Идущий этим неведомым путем постигает беспредельность океана в изменчивой ряби его вод.

Вопрос коммуникации — это в конце концов вопрос о том, кем может стать человек. А он рано или поздно может стать всем.

В. В. Малявин

ИЗ „ГУАНЬ ИНЬ-ЦЗЫ“

Вне присутствия дао нельзя говорить, но то, о чем поведать нельзя, — это дао. Вне присутствия дао нельзя размышлять, но то, о чем помыслить нельзя, — это дао.

В дао нет ничего от человека. Мудрый не судит: «Это дао, а то — не дао». В дао нет ничего от своего «я». Мудрый не различает между пребыванием в дао и отстранением от него. В том, что дао нет, — залог того, что дао есть. В том, что мудрый не держится за дао, — залог того, что он не потеряет дао.

Горшечник может создать десять тысяч горшков, но ни один горшок не сможет ни создать горшечника, ни уничтожить его. Дао может создать десять тысяч вещей, но ни одна вещь не сможет ни создать дао, ни уничтожить его.

Мудрый знает, что сознание едино, вещи едины, дао едино, и все они объединяются в одно. Он не меряет неизменным изменчивое и не ущемляет изменчивым неизменное.

Помраченность разума указывает на отсутствующее в наличном. Ее нельзя обнаружить¹. Ощущения приятные или неприятные являют нечто, возникшее из ничего. Их нельзя сокрыть. От приятных и неприятных ощущений проистекает знание, но оно касается только движения вещей. От помраченности разума проистекает незнание, но благодаря ему постигаешь вездесущность дао.

Одна искра может спалить десять тысяч вещей, но когда исчезнут вещи, где пребывать огню? Одно мгно-

вение ² дао может обратить в небытие ³ десять тысяч вещей, но когда исчезнут вещи, где же пребывать дао?

Стрельба из лука, верховая езда, игра на цине ⁴ или игра в шашки — все эти искусства невозможно постичь в одно мгновение. Только дао не имеет ни форм, ни правил, и его можно постичь в одно мгновение.

Мое дао подобно пребыванию в темном месте. Находясь на свету, нельзя ничего увидеть в темноте. Пребывая же в темноте, увидишь все, что находится на свету.

Мое дао подобно мечу. Обращая меч против других, извлечешь выгоду для себя. Хватаясь за меч руками, нанесешь себе рану.

Смерть в утробе. Смерть в яйце. Хотя мир велик, надежного знания о нем не добудешь. Мир и наше знание о нем — все равно что лезвие меча и рука: пока рука не дотрагивается до меча, она себя не поранит.

Во сне, в зеркале, в воде пребывает мир. Чтобы убрать мир, который снится, нужно не спать. Чтобы убрать вещи, которые отражаются в зеркале, нужно не смотреться в него. Чтобы убрать вещи, которые наполняют мир, нужно опорожнить сосуд, вмещающий их. Все, что есть и чего нет там, находится здесь, а не там. Вот почему мудрый не устраняет мир, а устраняет знание о нем.

Рыба, которая не хочет быть такой, как все рыбы, выбрасывается на берег и там погибает. Тигр, который не хочет быть таким, как все тигры, спускается с гор в город и там попадает в клетку. Мудрый не отличается от обыкновенных людей, поэтому ему нельзя воздвигнуть препоны.

«В самом себе не имей, где пребывать.»⁵ Следуй формам вещей вокруг тебя. Будь текуч, как вода, покоен, как зеркало, отзывчив, как эхо, и невозмутим, как тишина. Соединяйся с несогласным, обретай потерянное. Не стремись опередить других, но неотступно следуй за ними.

Мудрый не отличается от других тем, что он говорит, действует и мыслит. А тем, что он никогда не говорит, не действует и не размышляет, он отличается от других.

Облака плывут и птицы кружат в пустоте небес. Благодаря пустоте превращения могут свершаться без конца. Таково же дао мудрого.

Мы сознаем себя словно живущими во сне. По воле воображения мы можем странствовать духом в чертогах Великой Чистоты⁶. Мы видим вещи как будто во сне. Отдаваясь переживаниям, мы можем улететь душой за пределы Восьми пустынь⁷. Умей прозревать семена жизни и жить вечно. Умей забывать семена жизни и оставлять жизнь. Вот что такое дао.

Если в сознание закрались мысли об успехе и неудаче, демоны разума завладеют им. Если в сознание закралась похоть, демоны распутства завладеют им. Если в сознание закралась тревога, демоны отчаяния завладевают им. Если в сознание закралась распущенность, демоны одержимости завладевают им. Если в сознание закрались мечты о возвышенной дружбе, демоны гордыни завладевают им. Если в сознание закрались мечты о вкусной еде, демоны чревоугодия завладевают им. Все эти демоны — призраки, созданные из темноты и мрака, ветра и воздуха, земли и красок, дряхлых тел и бранных предметов. Эти призраки и наше сознание друг друга возбуждают, и дух человека откликается их воздействию. Тот, кто подпал под власть демонов, одержим мыслями о выдающихся свершениях. Он не говорит, что служит демонам, но говорит лишь, что служит одному дао. В конце концов в нем все мертвеет. Только мудрый

может сделать дух одухотворенным, но не искать в духе духовность. Он опирается на все десять тысяч вещей и не теряет силы, их рождающей. Он может все собрать, все рассеять, всему противостоять. Каждый день он откликается всему сущему, но его сердце пребывает в покое.

То, что плывет, — это лодка. Но то, благодаря чему можно плыть, — это вода, а не лодка. То, что движется, — это повозка. Но то, благодаря чему можно двигаться, — это вол, а не повозка. Размышление — это разум. Но то, благодаря чему можно размышлять, — это воля, а не разум⁸. Нельзя знать то, отчего все есть таким, каким оно есть. Только не зная того, отчего все есть таким, каким оно есть, не идешь навстречу тому, что приходит, и не влечешься за тем, что уходит. Не стремясь навстречу приходящему и не устремляясь вслед за уходящим, можешь жить одной жизнью с изначальным истоком Неба и Земли, в котором нет ни прошлого, ни настоящего.

Если знать, что сознание не является вещью, тогда поймешь, что и вещи не являются вещами. Если знать, что вещи не являются вещами, тогда поймешь, что дао не является вещью. Тогда не будешь преклоняться перед великими свершениями и изумляться глубокомысленным речам.

Мои мысли меняются с каждым днем, движет же ими не мое «я», а судьба. Когда познаешь природу и судьбу, вовне не будешь видеть себя, внутри не будешь видеть свое сознание.

Сознание рождается от взаимного воздействия нашего «я» и вещей подобно тому, как огонь возникает от трения двух палочек. Нельзя сказать, что оно находится во мне или в других. Нельзя сказать, что оно не находится во мне, и нельзя сказать, что оно не находится в других. Живи им, и тогда «другие» и «я» перестанут быть соблазном.

Мирские истины ограничены и противоречат друг другу. Они ведут к истинам всеобщим, но всеобщие истины не подчиняются порядку и ведут к тому, что не может быть упорядочено. Поэтому тот, кто может подчинить порядку одно чувство⁹, может обрести естественную силу бытия. Тот, кто может забыть одно чувство, может соединиться с дао.

Глиняные куклы бывают мужчинами и женщинами, дорогими и дешевыми. Они сделаны из земли и, когда они разобьются, снова уйдут в землю. Таков человек.

Глаз, всматривающийся в себя, ничего не видит. Ухо, вслушивающееся в себя, ничего не слышит. Язык, пробуящий себя на вкус, ничего не ощущает. Сознание, внимающее себе, ничего не сознает. Обыкновенные люди привязаны к тому, что находится вовне. Достойные люди привержены тому, что находится внутри. Мудрый знает, что и то, и другое — неправда.

Ногти отрастают, волосы становятся длиннее. Естественный рост вещей нельзя остановить ни на миг. Обыкновенные люди видят то, что проявилось, и не могут заметить скрытого. Достойные люди видят сокровенное, но не могут довериться переменам. Мудрый доверяет переменам, чтобы пребывать в неизменном.

Твари, обитающие в морской пучине, претерпевают бесчисленные превращения, но вода одна для всех. Мое «я» и вещи вокруг непрерывно меняются в великом превращении мира, но природа одна для всех. Зная, что природа одна для всех, поймешь, что нет ни других, ни моего «я», ни смерти, ни жизни.

Все в мире — одна вещь. Обыкновенные люди не знают ее истинного имени. Они видят вещи и не видят дао. Достойные люди определяют принципы вещей. Они видят дао и не видят вещи. Мудрый соединяется с небесным в себе. Он не доискивается до дао и не привязан

к вещам. Во всех путях — один и тот же путь. Не следовать дао — вот дао. Следовать ему — значит покоряться вещам.

Зная соблазны вещей, нет нужды вещи отвергать. Положим, мы видим перед собой землю или быка, дерево или лошадь: в нашем сознании есть их имена, а реальность их уже забыта.

Тот, кто достигает вершины мудрости, знает, что мудрость никогда не охватит собой весь мир. Поэтому он предпочитает простодушие. Тот, кто достиг вершины красноречия, знает, что красноречие никогда не раскроет сути всех вещей. Поэтому он говорит без прикрас. Тот, кто достиг вершины храбрости, знает, что храбростью никогда не одолеешь всех людей. Поэтому он скромн.

Среди всех вещей мира нет ни одной принадлежащей мне. Поскольку вещи не принадлежат мне, я не могу не следовать им. Поскольку я не принадлежу сам себе, я не могу не давать себе расти. Хотя я следую вещам, я не обладаю ими. Хотя я даю себе расти, я не обладаю собой. Нельзя говорить о «внешних вещах», если нет «внешнего я». Нельзя говорить о «внешних формах», если нет «внешнего сознания». Дао — это только одно. Его нельзя определить и в него нельзя войти.

Тот, кто вглядывается в кончик волоска, не заметит, как велик мир. Тот, кто вслушивается в шорохи, не услышит, как грохочет гром. Тот, кто видит большое, не увидит малого. Тот, кто ищет близкое, не заметит далекого. Тот, кто слушает гром, не услышит тишины. Тот, кто внимает близкому, не постигнет отдаленного. Мудрый ни на что не смотрит и потому все видит. Он ничего не слушает и потому все слышит.

На прочные доспехи непременно найдется острое оружие: так ломается твердое. На острый нож непременно найдется твердый предмет: так тупится острое.

Существуют связь в дао, связь в добродетели и связь по случаю. Связь в дао подобна отношениям отца и сына. Она вне противопоставлений истинного и ложного, умного и глупого. Поэтому она неизбывна. Связь в добродетели основана на противопоставлении истинного и ложного, умного и глупого. Поэтому она то объединяет, то разобщает. Связь по случаю соединяет, разобщая.

Суть событий в самих событиях, и слова о них имеют смысл. Суть дао не в дао, и слова о нем бессмысленны. Если знать, что слова бессмысленны, то всякое слово будет приобщать к дао. Если не знать, что слова бессмысленны, то даже утонченнейшие слова будут все равно что бельмо на глазу.

Говорить о дао — все равно что говорить о сновидениях. Тот, кто рассказывает об увиденных им во сне драгоценностях, всевозможных предметах или зверях, может только описать их, но не может передать их другому. Слушатели же могут только услышать о них, но не могут ими завладеть. Только тот, кто умеет слушать, ничего не принимает на веру и ничего не оспаривает.

**ИЗ СБОРНИКА
„СКРИЖАЛИ
ЛАЗУРНОЙ СКАЛЫ“**

Наставление

Если из-за горы поднимается дым, значит там есть огонь. Если из-за забора высовываются рога, значит там есть буйвол. Понять три, когда называют одно, определить цену с одного взгляда — вот повседневная еда и питье монаха. Пребывает там, где обрываются все потоки, всплывает на востоке и погружается на западе, плывет по течению и идет потоку наперекор, по своей воле дает и отбирает — кто же это такой?

Пример

Император династии Лян У-ди спросил великого наставника Дамо: «В чем высший смысл святых истин?» Дамо ответил: «В беспредельно открытом нет святости». Государь спросил: «Кто говорит со мной?» Дамо ответил: «Неведомо»¹.

Наставление

Небо и земля тесны; солнце, луна и звезды помрачены. Даже если удары посоха наставника будут сыпаться, словно капли дождя, и крики наставника будут греметь, словно гром, высшая истина останется недосыгаемой. Будды могут знать это только для себя, учителя всех времен не могли передать это целиком, все толкования канона не могут разъяснить это до конца, монахи-ясновидцы не могут этим спасти себя. Оказавшись здесь, как можно еще просить наставлений? Произнести слово «Будда» — значит вымазать себя грязью. Произнести слово «чань» — значит покрыть себя позором. Долго постигавшие истину возвышенные мужи не ждут, когда эти будут слова произнесены. Новички, приступившие к учению, должны сами в этом разобраться.

Пример

Чжаочжоу наставлял собравшихся следующими словами: «Великий Путь лишен трудностей, избегайте

лишь предпочтения и выбора². Как только появляются слова, появляется „предпочтение и выбор“. Вот что такое „ясность“. Я, старый монах, не пребываю в ясности. Держитесь ли вы еще за что-нибудь или нет?»

Тут один монах спросил: «Коль скоро вы не пребываете в ясности, за что вы держитесь?» Чжаочжоу ответил: «Я и этого не знаю». Монах спросил: «Если вы, учитель, этого не знаете, почему вы все же говорите, что не пребываете в ясности?» Чжаочжоу сказал: «Ты получил ответ на свой вопрос, поклонись и выйди».

3

Наставление

Одна мысль, одна вещь, одно слово, одно речение — всюду есть во что вникнуть. Но это все равно что делать операцию на здоровом теле. Великая польза таится там, где не следуют установленным правилам, ибо всегда есть нечто, что лежит за пределами известного нам. Это нечто укрывает Небо и Землю, но его нельзя ухватить. «Так» правильно, и «не так» правильно: это слишком грубо. «Так» неправильно и «не так» неправильно: это слишком резко. Если не идти ни тем, ни другим путем — что будет правильно? Приведу пример, чтобы стало понятно.

Пример

Великий наставник Ма был нездоров. Настоятель монастыря спросил его: «Как вы себя чувствовали в эти дни?» Великий наставник Ма ответил: «Будда солнечного лика, Будда лунного лика»³.

4

Наставление

Воспринявший учение нашей школы должен быть смельчаком. Только тот, кто способен убить человека не моргнув глазом, может в одно мгновение стать Буддой. Он знает и действует в одно и то же время, прячется, как будто стоит на виду, для него каждое событие — высшая истина. Оставив в покое главное, он учит пустякам. Если бы он устранил все трудности, молодым послушникам не на чем было бы сосредоточиться. Но если человек обладает ясным зрением, его нельзя обма-

нуть. А лишенный ясного зрения попадает тигру в пасть и погибает. Приведу пример, чтобы каждый мог сам убедиться.

Пример

Сюзэфэн наставлял собравшихся следующими словами: «Поднимите всю землю на своей ладони, и она будет велика, как рисовое зернышко. Бросьте ее перед собой. Если вы все еще понимаете не больше чем лакированная лохань⁴, я ударю в барабан и созову всех поглазеть на вас!»

5

Наставление

Тысячи мудрецов не изрекли ни одного слова прежде звуков речи. Если вам не доводилось натолкнуться на него, вас будет отделять от него целый мир. Даже если вы ухватите его прежде звуков и отрежете языки людям в целом свете, вы все еще не достигнете совершенства. Вот почему сказано: «Небо не может это укрыть, Земля не может это поддержать, пустота мирового пространства не может это вместить, солнце и луна не могут это осветить». Превзойти будд и быть совсем одиноким — вот истинное достоинство. Если ты еще не дошел до этой мудрости, постигай ее смысл, который тонок, словно кончик волоска, и распространяй светоч истины во все пределы — тогда ты всегда будешь сам себе господин и все в твоих руках будет подлинным. Но скажите мне, что здесь необычного?

Пример

Монах по имени Хуэйчао спросил наставника Фаяня: «Хуэйчао спрашивает учителя, что такое Будда?»
Фаянь сказал: «Ты — Хуэйчао».

6

Наставление

Если выставлено светлое зеркало, красота и уродство разделяются сами собой. Если взят в руку отточенный меч, казнишь или даришь жизнь в зависимости от обстоятельств. Китаец приходит — чужеземец уйдет, чужеземец приходит — китаец уйдет. В смерти от-

кроешь жизнь, в жизни отыщешь смерть. Но когда ты достигнешь этого, как тебе быть? Без глаза, пронцающего все препоны, и не имея места, где повернуться, ты не будешь знать, что делать. Но что такое глаз, пронцающий все препоны, и место, где можно повернуться? Чтобы это узнать, приведу поучительный пример.

Пример

Монах спросил Чжаочжоу: «Что такое Чжаочжоу?» Чжаочжоу ответил: «Восточные ворота, Западные ворота, Южные ворота, Северные ворота»⁵.

7

Наставление

Сила будд и патриархов — в его руках. Судьбы всех людей и богов послушны его воле. Оброненным по случаю словом он повергает в изумление толпу и воодушевляет всех живущих. Одной мыслью он срывает замки и разбивает оковы. Перед лицом безупречной мудрости он совершает безупречные деяния. Но скажите мне, кто это такой? Знает ли кто-нибудь, где он пребывает? Чтобы это проверить, приведу пример.

Пример

Хуанпо наставлял собравшихся следующими словами: «Вы горькие пьяницы, опившиеся винного отстоя. Если вы будете и дальше слоняться по земле, куда же вы пойдете? Разве вы не знаете, что по всему Китаю нет наставников чань?»

Тут один монах вышел вперед и сказал: «А что делают те, кто в разных местах ведут за собой учеников и наставляют общины?»

Хуанпо сказал: «Я не говорю, что нет чань, только вот нет учителей».

8

Пример

Монах спросил Юньмэня: «Что такое „учение всей жизни“?»⁶.

Юньмэнь ответил: «Сказанное к месту слово».

Наставление

Нож, совершающий убийство, и меч, возвращающий к жизни, — вот высокий образец древности и сокровище наших времен. Но скажите мне не мешкая, где нож, убивающий человека, и где меч, возвращающий к жизни? Чтобы это проверить, приведу пример.

Пример

Монах спросил Юньмэня: «Если это не присутствующее в данный момент сознание и не присутствующее в данный момент явление, то что это?»

Юньмэнь ответил: «Суждение, поставленное с ног на голову?»

Наставление

Если твое сознание не меняется, ты утонешь в океане дурмана. Если твои слова не повергают в изумление толпу, ты погрузишься в пучину обыденщины. Но если в свете искры, высеченной из камня, ты сможешь отличить посвященного от невежды и при вспышке молнии сможешь отличить смерть от жизни, тогда ты порвешь все путы и возвысишься, как заоблачная скала. Но знаешь ли ты, что такой момент существует? Чтобы это проверить, приведу пример.

Пример

Отшельник с Лotosового пика выставил свой посох и дал собравшимся следующее наставление: «Когда древние попали сюда, почему они не захотели остаться здесь?» И сам же ответил: «Потому что они не набрались сил в дороге».

И еще он говорил: «Что же в конце концов?» И сам же отвечал: «С посохом на плече, не смотря на людей, я ухожу за тысячу вершин и десять тысяч пиков».

Наставление

Когда нужно говорить, он говорит, и в целом мире ему нет равных. Когда нужно действовать, он действует,

и в целом мире никто его не превзойдет. Он — как искра, высеченная из камня, или вспышка молнии, как пламя, раздуваемое ветром, или бурный поток, льющийся через лезвие меча. Когда он ударяет в гонг высшей мудрости, невольно смущаешься и не находишь слов. Он идет одним прямым путем. Чтобы проверить это, приведу пример.

Пример

Монах спросил Чжаочжоу: «Все сущее возвращается к единому, но куда же возвращается единое?»

Чжаочжоу ответил: «Когда я был в Цинжоу, я сделал полотняную поддевку. Она весила семь цзиней».

12

Пример

Монах спросил Чжаочжоу: «Я давно слышал про каменный мост в Чжаочжоу, но когда я приехал, я увидел только деревянный мостик».

Чжаочжоу сказал: «Ты видишь только деревянный мостик и не видишь каменный мост».

Монах спросил: «Что же такое каменный мост?»
Чжаочжоу ответил: «Он позволяет переправиться ослам и позволяет переправиться лошадям»⁷.

13

Наставление

Весь мир не вместит его в себя: он один открыт для всех. Он ничем не связывает себя и всякий миг сам себя преодолевает. В речах он всегда беспристрастен — и всюду лишает людей жизни. Но скажите: куда древние уходили, дабы пребывать в покое? Чтобы узнать это, приведу пример.

Пример

Однажды великий наставник Ма и Байчжан прогуливались вместе и увидели пролетающих в небе диких уток. Великий наставник спросил: «Что это?» Байчжан ответил: «Дикие утки». Великий наставник спросил: «Куда они делись?» Байчжан ответил: «Они улетели». Великий наставник схватил Байчжана за нос, и тот закричал от боли. Великий наставник сказал: «Да когда же они улетели?»

Наставление

Между буддами и живыми существами, по сути, нет разницы. Может ли быть различие между пейзажем и нашим «я»? Почему же мир делится на две стороны? Даже если узнать главное слово и занять главную переправу⁸, это еще не значит предоставить всему быть как оно есть. Если не предоставить всему быть как оно есть, целый мир не будет стоить того, чтобы за него держаться. Но где же таится главное слово? Чтобы узнать это, приведу пример.

Пример

Юньмэнь показал свой посох и дал собравшимся такое наставление: «Этот посох превратился в дракона и проглотил вселенную. Горы, реки, вся огромная земля — где они теперь?»

Наставление

Рыбачьи сети между шестами видят только обладающие острым зрением. Смысл за пределами образцовых суждений доступен только посвященным. Но скажите, что такое сети между шестами? Что такое смысл за пределами образцовых суждений? Чтобы узнать это, приведу пример.

Пример

Монах спросил Далуна: «Физическое тело разрушается. А что такое неуничтожимое тело реальности?»

Далун сказал: «Горные цветы горят, как узор на парче. Потоки в долинах блещут голубизной, как индиго».

Пример

Юньмэнь дал монахам следующее наставление: «Древние будды и основания колонн сливаются в одно. Какое это состояние сознания?» И сам же ответил: «На южных горах собираются облака, на северных горах идет дождь».

Наставление

Его объятия широки, как вселенная, — и из них ничего не ускользает⁹. Он разрезает все потоки — и не держивает ни капли. Откроешь рот — и ты в заблуждении. Постараешься подумать — и ты совершишь промах. Но скажите мне, что такое вспроницающий глаз мудрости? Чтобы это узнать, приведу пример.

Пример

Юньмэнь однажды дал следующее наставление: «В каждом есть свет. Когда же вы смотрите на него, он темен, и вы не видите его. Что такое свет в каждом?»¹⁰. И сам ответил: «Кухонная полка и главные ворота». Он также сказал: «Хороший человек не сравнится с ничто».

Наставление

Ясновидец не имеет пристанища, иногда он подобен буйной поросли на вершине одинокого пика, иногда он наг и празден среди городской суеты. Порой он является как разгневанный демон с тремя головами и шестью руками. Порой он излучает безмерное сострадание, как Будда солнечного лика и Будда лунного лика. Из одной пылинки он извлекает все формы мира. Он смешивается с водой и грязью, чтобы спасти все существа. Если он вдруг воспарит ввысь, даже око Будды не узреет его. И пусть явятся хоть тысячи мудрецов — все равно они отстанут от него на тысячи ли. Есть ли кто-нибудь, кто этого достиг? Чтобы это проверить, приведу пример.

Пример

Юньмэнь дал следующее наставление: «Лекарство и болезнь уничтожают друг друга. Вся земля — лекарство. А что такое ваше „я“?»

Наставление

Будь безмятежен, ни за что не держись: на железном дереве распустиятся цветы. Есть ли что-нибудь в том, что

есть? Умный парень не отягощен заботами. Даже если он свободен на семь путей вверх и вниз и на восемь путей вправо и влево, найдется кто-нибудь, кто проткнет ему ноздри. Но скажите, в чем его ошибка? Приведу пример, чтобы каждый смог увидеть сам.

Пример

Господин Лу Сюань, беседуя с Наньцюанем, сказал: «Есть такое изречение: «У Неба-Земли и у нашего я — один корень, вся тьма вещей и наше я — одно тело». Какие прекрасные слова! Наньцюань указал на цветок во дворе и сказал: «В наше время этот цветок люди видят словно во сне».

УМЭНЬ. ЗАСТАВА БЕЗ ВОРОТ

АВТОРСКОЕ ПРЕДИСЛОВИЕ

В словах Будды главное — опыт сердца. Отсутствие ворот — вот врата истины. Как же пройти через заставу, в которой нет ворот? Не говорят ли мужи, изведавшие истину, что входящее в ворота не есть наше достояние ¹, а полученное от других непременно потеряется? ² Но даже так рассуждать — все равно что поднимать волны в безветренную погоду или делать операцию на здоровом теле. А тот, кто привязан к чужим словам и ищет ответ в толкованиях, подобен глупцу, который хочет палкой сбить луну с неба или почесать мозоль, не снимая туфли.

В лето года моуцзы эры правления Шаодин я наставлял послушников в монастыре Лунсян, что в Дунцзя, и по их просьбе пересказал образцовые суждения старых учителей. Мои рассказы были подобны черепкам, которыми стучат в ворота, а когда ворота открываются, выбрасывают. Так хотел я наставить тех, кто предан учению. Понемногу у меня собралось сорок восемь примеров, и я дал им название «Застава без ворот».

Если читающий мои записки не убоится опасностей и будет идти прямо, как по лезвию ножа, его не остановит даже восьмирукый ната ³, его будут молить о пощаде все патриархи Запада и Востока. Но если он поддастся сомнениям, он уподобится человеку, который смотрит из узкого окошка на скачущего мимо всадника: не успеет он глазом моргнуть, а истины уж и след простынет.

Великий путь не имеет ворот,
Тысячи дорог ведут к нему.
Тот, кто пройдет через эту заставу,
Будет жить вольно — один в целом мире.

1. Собака Чжаочжоу

Один монах спросил Чжаочжоу: «Обладает ли собака природой Будды?»

Чжаочжоу ответил: «Нет!» ⁴.

Умэнь заметит: Тот, кто посвятил себя истине чань, должен миновать заставу патриархов. Прозрение приходит после того, как мысль исчерпает себя и дорога оборвется. Если ты не пройдешь через заставу патриархов и дорога мысли не оборвется, ты будешь томиться, как рыскающие среди трав души мертвецов. Что же такое правда? Это заставка патриархов. Одно-единственное слово: «Нет!» Вот что такое «застава без ворот учения чань». Тот, кто пройдет сквозь нее, не только встретится лицом к лицу с Чжаочжоу, но и сможет идти рука об руку с учителями всех времен. Он увидит то, что видели они, и услышит то, что слышали они. Если ты хочешь пройти через их заставу, восчувствуй всеми своими членами, всеми порами тела одно слово «Нет!» и носи его с собой день и ночь. Не думай, что это есть «пустотная полнота»⁵, что это есть нечто или ничто. Думать о нем — все равно что держать во рту раскаленный железный шар, который нестерпимо хочется выплюнуть, да выплюнуть нельзя. Если ты решишься до конца пронести его, твое прежнее вредное знание и вредное сознание постепенно очистятся, внутреннее и внешнее сойдутся воедино. Это подобно тому, как немой видит сон. Он знает о своем сне, но не может о нем рассказать. Тот, кто проникнется этим словом, возымеет силу потрясать Небо и двигать Землю. Он уподобится ратоборцу с отточенным мечом в руках. Если на пути его встанет Будда, он убьет Будду. Если дорогу ему преградит патриарх, он убьет патриарха⁶. Он выйдет из круга смертей и рождений. Он будет привольно скитаться в шести сферах мироздания⁷ и освободится от четырех способов рождения⁸. Вложи всю силу духа в слово «Нет!» и ни на миг не отступай от него. Тогда ты уподобишься светильнику, озаряющему целый мир.

В собаке природа Будды?

Ответ дан в самом вопросе.

Если ты скажешь «да» или «нет»,

Ты погубишь себя и лишишься жизни.

2. Байчжан и лиса

Как-то на проповедях Байчжана⁹ стал появляться некий старик. Однажды, когда наставления были окончены, он не ушел из зала вместе с другими. Байчжан

спросил его, что он за человек. «Ныне я не принадлежу к человеческому роду, — ответил старик. — Но когда-то, во времена будды Кашьяпы, я жил на этой горе и наставлял истине. Однажды меня спросили: "Подвластен ли прозревший истину человек закону причинности существования?"¹⁰ Я ответил: «Не подвластен», и за это был превращен в лису на пятьсот перерождений¹¹. Прошу вас, о монах, своим мудрым словом помочь мне избавиться от лисьего облика. Осмелюсь спросить: "Подвластен ли прозревший истину человек закону причинности существования?"»

«Прозревший истину человек не отличает себя от причинности существования», — ответил Байчжан. Услыхав эти слова, старик достиг просветления. Он отвесил поклон и сказал: «Теперь я освободился от лисьего облика и должен покинуть свое тело, которое находится на горе. Прошу вас похоронить меня по монашескому чину». С этими словами он исчез.

На следующий день Байчжан велел изготовиться к похоронам. «Вокруг все спокойно, и в монастыре нет больных. Что бы это значило?» — недоумевали монахи. После еды Байчжан повел монахов на гору. В пещере на склоне горы он нашел лисий труп¹² и распорядился предать его огню. Вечером он рассказал монахам о старике, превращенном в лису. Хуанпо спросил: «Давным-давно некий человек был превращен в лису на пятьсот перерождений за то, что дал неверный ответ. Ну а если ответы наставника будут правильными, что тогда?»

«Подойди поближе, и я поведаю тебе истину», — сказал Байчжан. Хуанпо подошел к учителю и ударил его по лицу. Байчжан захлопал в ладоши и сказал со смехом: «Я думал, ты был рыжая борода варвара, а теперь вижу, что ты рыжебородый варвар!»¹³.

Умэнь заметит: «Мудрый не подвластен закону причинности». Как можно из-за этого превратиться в лису? «Мудрый не отличает себя от причинности». Как можно из-за этого освободиться от лисьего облика? Смотри на это «одним глазом»¹⁴, и поймешь свободу пятисот перерождений на горе Байчжан.

«Не быть подвластным» и «не отличать себя»:
Две стороны одной монеты.

«Не отличать себя» и «не быть подвластным»:
Тысяча промахов, десять тысяч ошибок.

3. Цзюйди выставляет палец

Всякий раз, когда наставника Цзюйди спрашивали, что такое чань, он в ответ поднимал палец. Один юный послушник в подражание ему тоже стал поднимать палец, когда его спрашивали, чему учит его учитель. Услышав об этом, Цзюйди взял нож и отрубил послушнику палец. Тот закричал от боли и побежал прочь. Цзюйди окликнул его и, когда он обернулся, снова поднял палец. В этот миг послушник внезапно достиг просветления.

Когда Цзюйди покидал этот мир, он позвал учеников и сказал: «Я получил "чань одного пальца" от моего учителя Тяньлуна и за всю свою жизнь не смог исчерпать его смысл». С этими словами он ушел из жизни.

Умэнь заметит: Просветление Цзюйди и послушника пребывает совсем не на кончике пальца. Если кто-нибудь найдет его там, Тяньлун одним ударом отсечет и Цзюйди, и послушника, и себя самого!

Цзюйди унизил старого Тяньлуна,
Взмахом ножа заставив прозреть юношу.
Бог Цзюйлин, не мудрствуя, взмахнул рукой
И рассек надвое громаду горы Хуашань¹⁵.

4. Безбородый варвар

Увидев портрет бородатого бодхисаттвы, Хоань сказал: «Отчего этот парень из Западных краев такой безбородый?»¹⁶

Умэнь заметит: Если вы что-то делаете, делайте по-настоящему. Просветление должно быть пережито воистину. Лик бодхисаттвы нужно прозреть в самом себе. Одного взгляда на него довольно для того, чтобы удостовериться в его подлинности. Но если вы станете утверждать, что видели этот лик, вы тут же потеряете его.

Вступив в беседу с простаком,
Не расскажешь о заветных снах.
Бодхисаттва без бороды?
Навели тень в ясный день!

5. Сянъянь, висящий на дереве

Наставник Сянъянь говорил: «Вообразите человека, который висит на дереве, уцепившись за ветку зубами. Он не может ухватиться за ветки руками, а под ногами его нет опоры. В это время внизу кто-нибудь спрашивает его: "Почему Бодхидхарма пришел с Запада?"¹⁷ Если висящий на дереве человек промолчит, он обнаружит свою неспособность ответить на вопрос. Если он откроет рот, он упадет и разобьется насмерть. Что же ему делать?»

Умэнь заметит: В такой момент самое изощренное красноречие оказывается бесполезным. Даже если вы выучите на зубок все слова Канона, они тоже будут бесполезны. Когда вы сможете ответить на этот вопрос, вы придете к жизни, если прежде шли дорогой смерти, и придете к смерти, идя дорогой жизни. Если вы не сможете ответить, вам остается только дожидаться пришествия Майтреи и спросить у него.

Сянъянь — воистину редкостный злодей.
Его яд отравляет весь мир.
Он запечатывает уста монахов
И заставляет их смотреть глазами мертвецов.

6. Будда, держащий цветок

Когда Будда проповедовал на Божественной горе¹⁸, он взял в руку цветок и показал его собравшимся. Все промолчали, и только Махакашьяпа чуть заметно улыбнулся в ответ. Будда сказал: «Я обладаю глазом истинного учения, сознанием нирваны¹⁹. Все это нельзя выразить словами и передается вне поучений²⁰. Отныне это принадлежит Махакашьяпе».

Умэнь заметит: Золотоликий Гаутама бесстыдно солгал и опорочил добрых слушателей. Он «вывешивал

баранью голову, а продавал собачье мясо» ²¹, да еще сам себя расхваливал. Если бы все вокруг рассмеялись, как бы смог он передать свою мудрость? И опять-таки: если бы Махакашьяпа не улыбнулся, как бы смог он передать свою мудрость? Этот золотикикий старец просто надувает простаков. Если мудрость не передается, то как мог завладеть ею Махакашьяпа?

Пока он держал в руке цветок,
Вся тайна вышла наружу.
О чем догадался Махакашьяпа,
Не разгадает никто ни на земле, ни на небе.

7. Чжаочжоу приказывает вымыть чашку
Некий монах обратился к Чжаочжоу с такими словами: «Я только что пришел в эту обитель. Дайте мне наставление». Чжаочжоу спросил: «Ты уже ел сегодня похлебку?»

Монах ответил: «Да, ел».

Чжаочжоу сказал: «Тогда пойд и вымой свою чашку».

В этот момент монах прозрел.

Умэнь заметит: Чжаочжоу из тех, которые, открыв рот, обнажают сердце. Сомнительно, что монах правильно расслышал его наставление и не принял колокол за кувшин.

На свете нет ничего очевиднее,
И потому это очень трудно увидеть.
Если бы знать, что горящий фонарь и есть огонь,
Рис уж давно был бы сварен ²².

8. Повозка Цзичжуна

Наставник Юэань однажды спросил монахов: «Цзичжун построил повозку с двумя колесами и сотней спиц. Если из нее вынуть ось, что станет с колесами?»

Умэнь заметит: У того, кто ответит на этот вопрос, глаз Дхармы будет подобен блеску падающей звезды, а свет разума ²³ — вспышке молнии.

Там, где сходятся спицы колеса ²⁴,
Мудреца уже не отличить от невежды.
Это точка охватывает Небо и Землю,
Юг и север, запад и восток.

9. Предвечный Будда

Один монах спросил наставника Синъян Цинжана: «Будда Великого постижения и Всепобеждающей мудрости ²⁵ пребывал в медитации в течение десяти кальп ²⁶, но не смог претворить высшую истину и не смог обрести истинное освобождение. Почему?»

Цинжан ответил: «Твой вопрос говорит сам за себя».

Монах спросил: «Если Будда пребывал в медитации, почему же он не достиг освобождения?»

Цинжан ответил: «Он не был Буддой».

Умэнь заметит: Признавайте знание Старого Варвара ²⁷, но не думайте, что он все знал. Простой человек, обретший знание, — это мудрец. Мудрец, решивший, что он знает, — это простой человек.

Чем владеть телом, лучше владейте сознанием.
Когда покойно сознание, тело не доставит хлопот.
Владей и телом, и сознанием,
Тогда не будешь мечтать о знатном титуле.

10. Циншуй сир и беден

Монах по имени Циншуй сказал Цаошаню: «Циншуй сир и беден. Не соблаговолит ли учитель помочь ему?»

Цаошань спросил: «Циншуй?»

«Он самый», — ответил Циншуй.

Тогда Цаошань сказал: «Циншуй уже выпил три чары отборного вина и все еще не замочил губ!»

Умэнь заметит: Циншуй проиграл единоборство, а почему? У Цаошаня был острый глаз, и он знал, с кем имеет дело. Но даже если это так, нельзя все же не спросить: «Когда Циншуй успел выпить три чары вина?»

Нищий, как Фань Чуань.
Храбрый, как Сян Юй.
Он не владеет даже собственной жизнью,
Но не уступит всем богачам мира.

11. Чжаочжоу испытывает затворника

Чжаочжоу пошел к некоему монаху, медитировавшему в затворничестве, и спросил его: «Что есть то, что есть?»

Монах поднял кулак.

Чжаочжоу сказал: «На мелководье корабли не смогут причалить». С этими словами он ушел. Позже он вновь посетил затворника и спросил его: «Что есть то, что есть?»

Монах поднял кулак.

Чжаочжоу сказал: «Кто может отдать, может забрать. Кто может убить, может спасти жизнь». С этими словами он поклонился монаху.

Умэнь заметит: Поднятый кулак был один и тот же. Почему же Чжаочжоу не признал его в первый раз и признал во второй? Кто найдет ответ на этот вопрос, узнает, что у Чжаочжоу язык без костей и он молот им как попало. А может быть, неправ был Чжаочжоу и он понял свою ошибку благодаря затворнику. Слеп тот, кто думает, что мудрость одного превосходит мудрость другого.

Блеск просветленного oka — как падающая звезда.
Светоч мудрости — как вспышка молнии.
Нож, свершающий убийство,
Это меч, возвращающий жизнь.

12. Жуйянь называет себя господином

Жуйянь каждый день обращался к самому себе, говоря: «Господин!» И сам отвечал: «Слушаю». После этого он вновь говорил себе: «Протрезвись!» И опять отвечал: «Слушаю».

«А потом, — продолжал он, — не позволяй другим обманывать себя».

«Слушаю, слушаю», — вновь говорил он сам себе.

Умэнь заметит: Старина Жуйянь покупает то, что сам продает. Он устраивает представление в масках. Одна маска — тот, кто спрашивает. Другая — тот, кто отвечает. Одна говорит: «Протрезвись». Другая говорит: «Не позволяй другим обманывать себя». Ни одной из этих масок нельзя верить, а тот, кто вздумает подражать Жуйяню, сам уподобится лисе-оборотню²⁸.

Есть ищущие Путь, не ведающие подлинного лика,
Ведь они считают истинным лишь собственный ум.
Это сознание — корень жизни и смерти

в круговороте кальп,

А невежды называют его изначальным человеком.

13. Дэшань приносит чашку

Однажды Дэшань пришел на кухню с чашкой в руках. Сюэфэн, распорядившийся на кухне в тот день, сказал ему: «Час обеда еще не настал. Куда это вы направились?» Дэшань вернулся в свою келью.

Сюэфэн рассказал о случившемся Яньтоу, и тот сказал: «Видно, наш Дэшань не понимает истину последней строки»²⁹. Услыхав про это, Дэшань велел слуге привести к нему Яньтоу и спросил: «Ты не одобряешь старого монаха?» Яньтоу дал ему понять, что это так.

На следующий день Дэшань вышел проповедовать и говорил совсем не то, что раньше. Яньтоу, пришедший послушать проповедь, захлопал в ладоши, рассмеялся и сказал: «А все же наш старик понимает высшую истину. Во всей Поднебесной никто с ним не сравнится!»

Умэнь заметил: Если говорить о высшей истине, то она даже не снилась ни Яньтоу, ни Дэшаню. Если хорошенько поразмыслить, и тот, и другой — только куклы.

Тот, кто поймет истину первой строки,
Поймет истину последней строки.
Последняя строка, первая строка,
Не одно ли это и то же?

14. Наньцюань разрубает кошку

Наньцюань узнал, что монахи Западного и Восточ-

ного залов монастыря заспорили о том, кому принадлежит монастырская кошка. Он схватил кошку и сказал монахам: «Тот из вас, кто скажет правду, спасет кошку». Все промолчали, и тогда Наньцюань разрубил кошку пополам.

Вечером в монастырь вернулся Чжаочжоу. Наньцюань рассказал ему о случившемся и спросил его, что бы он сделал на месте монахов. Чжаочжоу снял сандалии, положил их себе на голову и пошел прочь.

«Если бы ты был там, кошка была бы спасена!» — воскликнул Наньцюань.

Умэнь заметит: Зачем Чжаочжоу положил сандалии на голову? Если кто-нибудь знает ответ, он поймет, что Наньцюань не впустую давал свое обещание. А тот, кто не знает, пусть поостережется.

Если бы Чжаочжоу был на месте,
Все получилось бы наоборот:
Чжаочжоу выхватил бы нож,
И Наньцюань просил бы о пощаде ³⁰.

15. Три удара Дуншаня

Дуншань пришел к Юньмэню, и тот спросил его, откуда он.

«Я из Чаду» ³¹, — ответил Дуншань.

«В каком храме останавливались вы на лето?» — спросил Юньмэнь.

«В храме Баоцзы, что в Хунани» ³², — ответил Дуншань.

«А когда вы покинули его?» — продолжал Юньмэнь.

«В восьмую луну, 25-го числа», — последовал ответ.

Юньмэнь сказал: «Я должен дать тебе три удара палками, но я тебя прощаю».

На следующий день Дуншань поклонился Юньмэню и спросил его: «Вчера вы освободили меня от трех ударов палками, но я даже не знаю, в чем моя вина».

«Да ты просто набитый рисом мешок, который таскается с места на место», — закричал Юньмэнь.

В это мгновение Дуншань прозрел.

Умэнь заметит: Юньмэнь задал Дуншаню много корма, так что тот смог скакать дальше, и дом Юньмэня не захирел. Вечером Дуншань скитался в море «истин-

ного» и «ложного», но на рассвете он пробил свою скорлупу. Дуншань одним махом прозрел истину — ведь он не отличался щепетильностью. Но позволительно спросить: заслуживал ли Дуншань три удара палками? Если да, то их заслуживает каждое дерево в лесу. Если нет, то Юньмэнь просто лжец. Тот, кто узнает ответ, будет дышать с Дуншанем одним воздухом.

Львица обучает детенышей без церемоний,
Львята прыгают, а львица сбивает их наземь.
Мудрый встретился с ограниченным человеком:
Первая стрела ударила вскользь, вторая стрела
вошла глубоко.

16. Колокола и монашеская тога

Юньмэнь сказал: «Мир так велик. Что же мы все вслушиваемся в удары колокола и надеваем монашескую тогу?»

Умэнь заметит: Тот, кто постигает истину чань, должен отрешиться от всех звуков и презреть все образы. Хотя случалось и так, что просветления достигали, внимая звукам и созерцая образы, это обычай невежд. Монахах, искушенный в мудрости, держит в узде звуки, отстраняет от себя образы и охраняет сокровенную истину в том, что известно каждому. Звук воздействует на ухо, ухо откликается звуку. Но когда забыты и звук, и смысл, что мы понимаем? Слушая ушами, трудно постичь истину. Чтобы понять воистину, нужно научиться видеть звук глазами ³³.

Когда ты понимаешь, ты живешь среди родни.
Когда ты не понимаешь, ты всем чужой.
Тот, кто не понимает, живет среди родни.
А тот, кто понимает, — всем чужой.

17. Три зова Учителя Государства

Хуэйчжун, носивший титул Учителя Государства, трижды звал своего слугу, и тот трижды откликнулся. Тогда Хуэйчжун сказал: «Я должен был бы просить у тебя прощения, но по правде ты должен просить прощения у меня».

известным и не принадлежит к вещам неизвестным. Знание — это обманчивое представление. Незнаемое — это просто несуществующее. Если ты хочешь постичь истину, которая рассеивает все сомнения, будь безбрежен и всеобъятен, как Великая Пустота³⁷. Тогда ты будешь вне "истинного" и "ложного"».

Услыхав эти слова, Чжаочжоу достиг внезапного просветления.

Умэнь заметит: Когда Чжаочжоу задал вопрос, Наньцюань сумел тут же растопить лед в кувшине. Но все-таки Чжаочжоу понадобилось бы тридцать лет, чтобы достичь просветления³⁸.

Весной — сотни цветов, осенью — луна.
Летом прохладный ветер, зимой — снега.
Если не будешь ум зря утруждать пустяками,
Всякое время станет прекрасной порой.

20. Великий силач

Наставник Сунъюань говорил: «Великий силач не может оторвать ногу от земли». И еще он говорил: «Речь не находится на кончике языка».

Умэнь заметит: Сунъюань, можно сказать, выложил все без утайки, но не нашлось человека, который смог бы понять его. Тот, кто его поймет, пусть придет ко мне и отведает моего посоха. А почему? Чтобы узнать, чистое ли нам дано золото, нужно пронести его через огонь.

Если сдвинется нога просветления, опрокинется
великий океан.
Если склонится голова прозрения, обрушатся небеса.
Этому необозримому телу не в чем пребывать...
Пусть кто-нибудь допишет строку.

21. Палочка-подтирка Юньмэня

Один монах спросил Юньмэня: «Что такое Будда?»
Юньмэнь ответил: «Палочка с засохшим дерьмом».

Умэнь заметит: О Юньмэне можно сказать: так голоден, что глотает еду, не замечая ее вкуса, и так торо-

пится, что не успеваешь написать разборчиво. Он хотел подпереть свой дом палочкой-подтиркой. С таким же успехом можно пытаться предотвратить упадок закона Будды³⁹.

Вспышка молнии в небе,
Искра, высеченная из камня:
Не успеешь глазом моргнуть —
И они уже бесследно исчезли.

22. Флаг наставника у Кашьяпы

Ананда спросил Кашьяпу: «Будда завещал тебе золототканое одеяние учителя. Что передал он тебе помимо этого?»

Кашьяпа сказал: «Ананда!»

«Я здесь», — последовал ответ.

«Теперь ты можешь взять мой флаг наставника»⁴⁰, — сказал Кашьяпа.

Умэнь заметит: Тот, кто уразумеет смысл этих слов, поймет, что братство Божественной горы⁴¹ все еще живо. А тот, кто не уразумеет, не постигнет сокровенную мудрость, хотя бы он искал ее с незапамятных времен.

Вопрос простой, да ответ глубокий.
Скольким людям он раскроет глаза?
Старший брат зовет, младший откликается:
Помимо всех времен года есть еще
другая весна.

23. Не думай о добре, не думай о зле

Некий монах по имени Хуэймин преследовал Шестого патриарха с намерением отобрать у него одеяние и чашу учителя⁴². Увидев это, патриарх положил одеяние и чашу на камень и сказал Хуэймину: «Эти вещи — только свидетельства веры. Разве можно завладеть ими силой? Возьми их, если можешь». Хуэймин попытался поднять одеяние и чашу, но они были тяжелы, как гора. Сгорбившись от стыда, Хуэймин сказал: «Я пришел за истиной, а не одеждой. Прошу вас, откройте мне ее».

Шестой патриарх сказал: «Когда ты не думаешь о добре и не думаешь о зле — это и есть твой изначальный облик»⁴³. Услышав эти слова, Хуэймин достиг просветления. Тут его прошиб пот, из глаз полились слезы, и он сказал с поклоном: «Вы открыли мне сокровенные слова и сокровенный смысл. Есть ли в учении что-нибудь более глубокое?»

«То, что я поведал тебе, — ответил Шестой патриарх, — вовсе не тайна. Если ты постигнешь свой изначальный облик, тайна всегда будет с тобой».

Хуэймин сказал: «Хотя я много лет учился у Хуанмэя, я не смог уразуметь свой облик. Ныне же я, получив от вас наставление, уподобился человеку, который пьет воду и сам знает, холодная она или теплая. Могу ли я назвать вас своим учителем?»

«Мы оба ученики Хуанмэя, — ответил Шестой патриарх. — Но ты должен ценить то, чего достиг сам».

Умэнь заметит: Шестой патриарх, можно сказать, по-матерински заботился о семье, попавшей в беду. Он снял с плода кожуру, вынул из него косточку и положил его ученику в рот. Тому оставалось только проглотить его.

Такое не опишешь, не нарисуешь,
Не восславишь и не сможешь испытать.
Изначальный облик ни в чем не прячется,
Даже если исчезнет весь мир, он не придет.

24. Бессловесный разговор

Один монах спросил наставника Фэнъяня: «Ни словом, ни молчанием не выразить смысла бытия. Как же поведать истину?»

Фэнъянь ответил: «Мне все видится весна на южном берегу Янцзы. Стайки птиц щебечут среди ароматных цветов»⁴⁴.

Умэнь заметит: Поучения Фэнъяня подобны вспышкам молний, освещающим путнику дорогу. Зачем же прибег он к словам человека, жившего прежде него? Если вы поймете их смысл, вы пойдете своим собственным путем. Тогда, перестав говорить о самадхи⁴⁵, вы выразите истину в одной фразе.

Не разглашая заветной строки,
Он высказал истину чужими словами.
Если бы он болтал так и дальше,
Он бы вконец всех запутал.

25. Проповедь с третьего сиденья

Наставнику Яншаню приснилось, что он попал в царство Майтрейи и сидел там на третьем сиденье. Вдруг один святой объявил: «Сегодня проповедь прочтет тот, кто сидит на третьем сиденье». Яншань выхватил у святого посох и сказал: «Истина Махаяны вне четырех тезисов и сотни отрицаний⁴⁶. Внемлите же! Внемлите же!»

Умэнь заметит: Была ли это проповедь или нет? Если откроешь рот — солжешь. Если промолчишь, тоже погубишь истину. А тот, кто не говорит и не молчит, будет еще в тысячу раз дальше от правды.

Белым днем, под голубым небом
Он во сне ведет речь о сне.
Чудовище из чудовищ,
Он хотел обмануть всех вокруг.

26. Два монаха свертывают занавес

Фаянь, настоятель монастыря Цинлянь, перед началом проповеди приказал поднять бамбуковый занавес у входа в зал. Два монаха принялись его сворачивать. Фаянь сказал, указав на монахов: «Один из них прав, другой ошибается».

Умэнь заметит: Кто в постижении истины прав, а кто ошибается? Тот, кто может взглянуть на это одним глазом мудрости, поймет, где дал промах настоятель монастыря Цинлянь. Но даже если это случится, не вздумайте искать меру правоты и заблуждения.

Когда поднят занавес, открывается чистое небо,
Но небеса не стараются угодить нашей школе.
Не спорь с небесами и не пытайся им подражать,
Скройся там, куда не проникает ни одно веяние.

27. Это не сознание и не Будда

Один монах спросил Наньцюаня: «Существует ли истина, которой никто прежде не учил?»

«Да, существует», — сказал Наньцюань.

«Что это за истина?», — вновь спросил монах.

Наньцюань ответил: «Не это сознание, не этот Будда, не эти вещи»⁴⁷.

Умэнь заметит: Отвечая на один вопрос, Наньцюань растратил все свое состояние. Какая непомерная расточительность!

Своей словоохотливостью Наньцюань все испортил.
В безмолвии скрывается подлинная заслуга.
Даже если высохнут все моря,
Слова не приведут к настоящему пониманию.

28. Наставления Лунтаня

Когда Дэшань пришел за наставлениями к Лунтаню, они беседовали до глубокой ночи. Наконец Лунтань сказал: «Уже поздно. Что ты не уходишь?» Приподняв полог, Дэшань выглянул наружу и увидел, что вокруг было темным-темно. «На улице совсем темно», — сказал он. Лунтань зажег для него свечу, но едва Дэшань взял свечу в руки, как Лунтань задул ее. В этот момент Дэшань постиг истину.

«Что же ты понял?» — спросил Лунтань.

«Отныне я не буду сомневаться в правдивости слов старых учителей», — сказал Дэшань.

На следующий день во время проповеди Лунтань сказал монахам: «Среди вас есть один человек. Его зубы — как кончики мечей, торчащие из дерева. Его рот — как чаша, наполненная кровью. Если ударить его палкой, он даже не оглянется. Когда-нибудь он дойдет до вершины горы и вознесет туда светоч моего учения».

В тот день Дэшань бросил в огонь свои толкования на сутры, сказав: «Как бы ни были глубоки записанные здесь мысли, перед истиной они точно кончик волоска под небом. Объяснять с их помощью мир — все равно что добавлять каплю воды в океан». С этими словами Дэшань ушел из монастыря.

Умэнь заметит: Когда Дэшань еще жил в своих родных местах, он не скрывал недовольства. Он отправился на юг с намерением опровергнуть учение южных монахов о передаче истины помимо наставлений. По дороге он встретил старую женщину, которая спросила его: «Что за сочинения ты несешь с собой?» — «Я несу свои толкования на Алмазную сутру»⁴⁸, — ответил Дэшань. Женщина сказала: «Я слышала, что в этой сутре говорится: "Прошедшее сознание нельзя задержать. Будущее сознание нельзя задержать". Какое же сознание вы ищете?» Услыхав этот вопрос, Дэшань словно язык проглотил. Наконец он спросил у женщины, кто из наставников чань проповедует в ее округе. Женщина ответила, что в пяти ли от места их встречи живет учитель Лунтань. Вконец растерянный, позабыв и думать о своих прежних намерениях, Дэшань отправился к Лунтаню, а тот обласкал его, как увечного ребенка, который еще не знает о своем уродстве. А потом он словно вылил ушат грязной воды на разгоряченного юнца. Если хорошенько подумать, все это смахивает на балаган.

Лучше увидеть воочию, чем слышать о славе.
Но, раз увидев, вновь полагайся на слух.
Он задрал свой нос высоко,
Но глаза его были слепы.

29. Не ветер и не флаг

Шестой патриарх услышал, как спорили два монаха. Один монах говорил: «Двигается флаг». Другой говорил: «Двигается ветер». Шестой патриарх подошел и сказал: «Двигается не флаг и не ветер, а сознание». Монахи согласились.

Умэнь заметит: «Двигается не ветер, не флаг, а сознание». Что хотел сказать патриарх? Вдумайтесь хорошенько, и вы поймете, что два монаха покупали железо, а хотели приобрести золото. Шестой патриарх не мог на это смотреть и сам устроил такую сделку.

Ветер, флаг и сознание движутся,
Повсюду — одно и то же.

Но стоит раскрыть рот —
И наши слова изменяют нам.

30. Это сознание и есть Будда
Дамэй спросил Ма-цзу: «Что такое Будда?»
Ма-цзу ответил: «Это сознание и есть Будда».

Умэнь заметит: Тот, кто поймет эти слова, будет носить одежду Будды, есть пищу Будды, произносить слова Будды, совершать деяния Будды. Он будет Буддой. Все же Дамэй многих ввел в заблуждение. Воистину взыскующий истины, произнеся имя Будды, три дня полощет рот, а услышав, как кто-нибудь говорит: «Это сознание и есть Будда», убегает, заткнув уши.

31. Чжаочжоу испытывает женщину

Один монах попросил некую женщину, встретившуюся ему на дороге, указать ему путь на гору Утайшань⁴⁹. «Иди прямо», — сказала женщина. Когда монах сделал несколько шагов, она крикнула ему вслед: «Достопочтенный монах, зачем вы туда идете?» Монах рассказал об этой женщине Чжаочжоу, и тот решил испытать ее. На следующий день Чжаочжоу пошел к той женщине, задал ей такой же вопрос и получил такой же ответ. Вернувшись в монастырь, Чжаочжоу сказал монахам: «Теперь я раскусил эту женщину».

Умэнь заметит: Женщина умела только отсиживать-ся за стенами крепости и не знала, что старый Чжаочжоу ловко возвел таранные башни. Однако и тот не был великим стратегом, так что обе воюющие стороны имели свои недостатки. И потом, в чем же испытывал женщину Чжаочжоу?

Когда вопрос обыкновенный,
Ответ похож на него.
На горсть песка в рисе —
Палка, торчащая в грязи.

34. Неверующий спрашивает Будду
Один неверующий философ попросил Будду: «Пове-

дайте мне истину, не говоря и не безмолвствуя». Будда сидел в молчании.

Философ поклонился и сказал: «Вы, Высокочтимый, своей любовью и состраданием развеяли мои заблуждения и наставили меня на путь истины».

Когда философ ушел, Ананда спросил Будду, что же тот постиг? Будда ответил: «Добрый конь пускается вскачь, завидев тень от плетки».

Умэнь заметит: Ананда был учеником Будды, но понимал еще меньше, чем неверующий. Насколько же велико различие между неверующими и учениками Будды?

Тот, кто идет по лезвию меча
И ступает по гладкому льду,
Не ищет проторенных троп.
Он с пустыми руками шагает за гребни гор⁵⁰.

33. Нет сознания, нет Будды
Один монах спросил Ма-цзу: «Что такое Будда?»
Ма-цзу ответил: «Нет сознания, нет Будды»⁵¹.

Умэнь заметит: Тот, кто поймет эти слова, может считать, что он постиг нашу науку.

Повстречав фехтовальщика, дай ему меч.
Не встретив поэта, не дари стихов.
Кого ни встретишь, делись малой толикой.
Никогда не выкладывай разом всего.

34. Многознайство — это не мудрость
Наньцюань сказал: «Сознание — это не Будда.
Многознайство — это не мудрость».

Умэнь заметит: Наньцюань, можно сказать, на старости лет потерял стыд. Он изрыгал хулу и выставлял напоказ свое уродство. Немногие, однако, оценят его щедрость.

Когда небо прояснится, ярко светит солнце.
После дождя земля залита водой.
Когда открываешь свои чувства,
Боишься только, что тебе не поверят.

35. Цинню и ее душа

Наставник Уцзу задал монахам вопрос: «Душа Цинню жила отдельно от нее⁵². Какая из двух Цинню была настоящей?»

Умэнь заметит: Тот, кто поймет, какая из двух Цинню была настоящей, узнает, что выходить из скорлупы и в скорлупу возвращаться — все равно что останавливаться на постоялом дворе. Но тот, кто не поймет этого, будет скитаться без руля и без ветрил. Когда же придет его смертный час, он будет подобен крабу, который, угодив в кипящую воду, отчаянно шевелит всеми клешнями и лапами. Тогда-то он заговорит об истине, да будет поздно.

Луна за облаками — та же самая луна.
В горах каждый ручей непохож на другие.
Радость едина для всех, но у каждого своя.
Она и одна, она и не одна.

36. Встреча с прозревшим

Наставник Уцзу говорил: «Когда вы встречаете на дороге человека, прозревшего истину, вы не можете обратиться к нему со словами и вы не можете ответить ему молчанием. Что вам делать?»

Умэнь заметит: Если вы поймете скрытый смысл этих слов, никто не сможет помешать вашему счастью. А если вы не поймете его, вы будете смотреть по сторонам широко раскрытыми глазами.

Встретив прозревшего на дороге,
Не говорите с ним и не молчите.
Не раздумывая, ударьте его посильней,
И то, что нужно понять, будет понято.

37. Кипарис во дворе

Один монах спросил Чжаочжоу: «Что означал приход Бодхидхармы с Запада?»

Чжаочжоу ответил: «Кипарис во дворе».

Умэнь заметит: Тот, кто поймет ответ Чжаочжоу, узнает, что прежде не было Шакьямуни, в будущем не будет Майтрейи.

В словах не опишешь все разнообразие мира.

В речах не выскажешь всей глубины мудрости.

Тот, кто судит по словам, погубит себя.

Тот, кто привязан к словам, собьется с пути.

38. Буйвол, рвущийся из ограды

Наставник Уцзу сказал: «Когда буйвол рвется из ограды, его голова и копыта вылезают наружу. Но почему не вылезает и его хвост?»⁵³.

Умэнь заметит: Если кто-нибудь, услышав эти слова, откроет один глаз истины и скажет одно слово истины, он сможет воздать по справедливости всем святым и спасти все существа. В противном случае пусть смотрит на свой хвост.

Если выйдешь за ограду, свалишься в канаву.

Если вернешься в загон, попадешь под нож.

Этот тонкий хвостик

Самое удивительное, что есть в мире.

39. Завравшийся монах

Один монах заговорил с Юньмэнем и сказал: «Сиятельная пустота озаряет целый мир». Тут Юньмэнь прервал его, спросив: «А не повторяешь ли ты чужие слова?» Монах подтвердил, что он действительно произнес слова сюцая Чжан Чжо⁵⁴.

«Ты заврался», — сказал Юньмэнь.

Умэнь заметит: Юньмэнь знал, в каком месте заврался монах. Тот, кто сумеет оценить его проница-

тельность, станет наставником людей и небожителей. А тот, кто не сможет этого понять, не спасет даже себя.

Выставь на рыб крючок —
И поймашь самых жадных из них.
Стоит раскрыть рот,
И жизнь уже погублена.

40. Опрокинутый кувшин

Наставник Гуйшань поначалу был главным по хозяйству при Байчжане. Однажды Байчжан решил выбрать настоятеля для нового монастыря и объявил, что им станет тот, кто сможет ответить на его вопрос. Затем он поставил на землю кувшин с водой и сказал: «Кто может сказать, что это такое, не называя это кувшином?»

Старший монах монастыря сказал: «Это, что ни говори, нельзя назвать деревянными сандалиями».

Тогда Байчжан спросил Гуйшаня. Тот сшиб ногой кувшин и пошел прочь. Байчжан рассмеялся и сказал: «Старший монах проиграл». И Гуйшань был назначен настоятелем нового монастыря.

Умэнь заметит: Гуйшань был очень смел, но он не сумел обойти западню, устроенную Байчжаном. Он отказался от легкого дела и взялся за тяжелую работу. Зачем же он снял с себя удобную шапку и надел на себя железную кангу?

Отбросив прочь шумовку и половник,
Он одним ударом сокрушил все препоны.
Хоть он не одолел преграды, воздвигнутой
Байчжаном,
Он отшвырнет ногой все на пути — даже Будду.

41. Дамо успокаивает сознание

Дамо сидел лицом к стене. Второй патриарх, стоя в снегу, протягивал ему свою отрубленную руку⁵⁵ и молил: «В моем сознании все еще нет покоя. Прошу вас, о наставник, успокойте мое сознание!»

Дамо сказал: «Дай мне твое сознание, и я успокою его».

«Всякий раз, когда я ищу мое сознание, — ответил Второй патриарх, — я не могу изловить его».

«Значит, твое сознание уже успокоено», — сказал Дамо.

Умэнь заметит: Этот беззубый варвар по имени Дамо проделал путь в сотню тысяч ли, словно он хотел сообщить что-то очень важное. Он уподобился волне в безветренную погоду. В конце концов он приобрел только одного ученика, да и тот был калека. А последующие продолжатели его дела и вовсе ни бельмеса не смыслили.

Он пришел с Запада, чтобы «указывать прямо»⁵⁶,
С этого началась вся путаница.
Дремучий лес ученых толкований
Вырос от встречи Дамо с Вторым патриархом.

42. Девушка выходит из состояния медитации

Во времена Будды Шакьямуни Манджушри отправился на собрание всех будд. Однако ко времени его прибытия все будды уже разошлись. Только одна девушка все еще находилась в состоянии самадхи. Манджушри спросил у Будды, как смогла девушка достичь такой просветленности, которая даже ему была недоступна. «А ты верни девушку в чувство и спроси у нее сам», — ответил Будда.

Манджушри трижды обошел вокруг девушки и щелкнул пальцами, но безрезультатно. Он вознес ее на вершину небес и употребил все свои божественные силы, но так ничего и не добился. Шакьямуни сказал: «Даже сто тысяч Манджушри не смогли бы вывести девушку из медитации. Но внизу, за пределами двенадцати сотен миллионов миров, находится бодхисаттва Неведения⁵⁷. Он сможет сделать это». В тот же миг бодхисаттва Неведения вырос из-под земли и отвесил поклон Шакьямуни, а тот велел ему пробудить девушку. Бодхисаттва Неведения подошел к девушке, щелкнул пальцами, и девушка тотчас очнулась.

Умэнь заметит: Старик Шакьямуни разыграл плутовскую сцену и был не слишком разборчив в средствах. Спрошу вас: если Манджушри, наставник семи будд,

не смог вывести девушку из состояния самадхи, то как удалось это сделать бодхисаттве Неведения, самому низкому из бодхисаттв? Тот, кто поймет скрытый смысл этого рассказа, сможет войти в царство великого сосредоточения духа, живя в мире суетного.

Один пробудил, другой не смог пробудить:
Ни один не изведал истинной воли.
Божественный лик рядом с гримасой демона:
Оба осрамились — и это в правилах игры⁵⁸.

43. Палка Шоушаня

Однажды наставник Шоушань выставил перед монахами свою палку-указку и дал им такое наставление: «Если вы назовете это палкой, вы обнаружите свою привязанность к иллюзии. Если вы не назовете это палкой, вы отвернетесь от действительности. Как вы теперь назовете это?»

Умэнь заметит: Если вы назовете это палкой, вы обнаружите свою привязанность к иллюзии. Если вы не назовете это палкой, вы отвернетесь от действительности. Вы не можете сказать и не можете не сказать. Говорите немедленно! Говорите немедленно!

Выставив напоказ свою палку,
Он предавал смерти и спасал жизнь.
Иллюзия и действительность сплетены воедино,
Будды и патриархи молят о пощаде.

44. Посох Бацзяо

Бацзяо дал ученикам такое наставление: «Если у вас есть посох, я дам вам его. Если у вас нет посоха, я отниму его у вас».

Умэнь заметит: Это помогает «перейти поток, когда нет моста», «вернуться домой в безлунную ночь»⁵⁹. Но если вы назовете это посохом, вы стрелой полетите в ад.

То, чем можно измерить глубину всех вещей,
Мы держим в наших руках.
Мы подпираем этим небеса и опираемся на землю
И всюду возвещаем об истинном учении.

45. Кто это такой?

Наставник Уцзу сказал: «Будда минувшего и Будда будущего — его слуги. Кто это такой?»

Умэнь заметит: Оpoznать его — все равно что по-встречать отца на людном перекрестке. Тебе не понадобится спрашивать других, не обознался ли ты.

Из чужого лука не стреляй.
На чужую лошадь не садись.
Не суди проступков других.
Не допытывайся о чужих делах.

46. Иди за вершину

Наставник Шисян спросил: «Как может идти дальше тот, кто добрался до вершины шеста высотой в сотню локтей?»

Другой старый учитель говорил: «Тот, кто сидит на вершине шеста высотой в сотню локтей, кое-чего достиг в учении, но все-таки не понял главного. От вершины шеста нужно идти дальше и быть самим собой во всех десяти пределах света»⁶⁰.

Умэнь заметит: Идти дальше за вершину шеста и притом вернуться к самому себе: тогда не будет места, где ты не был бы в чести. Но позволительно спросить: как же идти дальше вершины? Берегитесь!

Тот, у кого слеп глаз мудрости,
Мнит, что прочно сидит на вершине шеста.
Он свалится вниз и уьется насмерть —
Ведь он слепец, ведущий толпу слепцов.

47. Три испытания Доушо

Наставник Доушо, испытывая учеников, задавал им три вопроса⁶¹. Первый был таков: «Взявшись искать сокровенную истину, вы хотите лишь увидеть свою природу. Где же ваша природа?»

Второе испытание было таким: «Когда вы постигли вашу природу, вы становитесь свободны от жизни и

смерти. Но если вы держите глаза закрытыми, как можете вы освободиться?»

Третье испытание было таким: «Если вы освободились от жизни и смерти, вы знаете, куда вы попали. Но если все четыре элемента⁶² вашего тела распались, куда вы можете попасть?»

Умэнь заметит: Тот, кто ответит на эти три вопроса, будет повелителем всего мира. А тот, кто не ответит, пусть глотает побыстрее, чтобы наесться досыта, и жует помедленнее, чтобы побороть голод.

В одном мгновении прозреваешь
вечность всех кальп,
Вечность всех кальп — как одно мгновение.
Если прозреешь бездну одного мгновения,
Постигнешь и того, кто видит ее.

48. Единый путь Ганьфэна

Один монах спросил Ганьфэна: «Будды всех десяти пределов света идут единым путем нирваны. Где начало этого пути?»

Ганьфэн поднял свой посох, прочертил им в воздухе знак «один» и сказал: «Вот оно».

Монах пошел к Юньмэню и задал ему тот же вопрос. Юньмэнь поднял над головой свой веер и сказал: «Этот веер достигает тридцать третьего неба⁶³ и бьет по носу бога Диши. Он подобен карпу в Восточном море, который бьет хвостом по радуге, раскинувшейся в поднебесьи».

Умэнь заметит: Один учитель опускается на дно моря и там вытирает грязь и подметает пыль. Другой учитель восходит на вершину горы и там поднимает волны до самого неба. Один хватает, другой отбрасывает, но оба поддерживают истинное учение одной рукой. Они подобны наездникам, которые стараются выбросить друг друга из седла. Но найти в мире достойного соперника для них нелегко. Если взглянуть на этих старцев оком истины, то поймешь, что они так и не знали, где начало пути.

Прежде чем сделать первый шаг, ты уже у цели.
Прежде чем открыть рот, ты уже все сказал.
Прозрение приходит прежде, чем успеешь понять.
Так ты узнаешь, что всему есть исток.

Послесловие Аньваня

Почтенный наставник чань Умэнь составил сорок восемь рассказов и высказал свои суждения об образцовых примерах древних мудрецов. Он уподобился торговцу лепешками, который силком закидывает свои изделия в рот прохожим, а те не могут ни проглотить их, ни выплюнуть. И хотя занятие это докучливое, Аньвань хотел бы бросить на раскаленную жаровню еще одну лепешку, доведя их число до «великого изобилия»⁶⁴, а потом, подобно всем прочим, предложить ее свету. Не знаю, окажется ли она по зубам почтенному наставнику. Если он сможет разжевать ее, свет сойдет с небес и земля содрогнется⁶⁵. А если нет, пусть он снова положит ее к остальным сорока восьми и поджаривает до тех пор, пока она обуглится. Пусть говорит скорей! Пусть говорит скорей!

Сорок девятый рассказ

В сутре⁶⁶ сказано: «Прекрати, прекрати — об этом не скажешь. О моей утонченной истине нельзя даже помыслить».

Аньвань заметит: Откуда берется истина? Где скрывается утонченность? А если кто-нибудь назовет их, что случится? Разве один Фэнгань⁶⁷ распускал свой язык? Ведь и сам Будда был болтлив. Прodelки этого старика сбили с толку не одну сотню поколений его потомков. Истину его причудливых речей ни ложкой не выловишь, ни в котелке не сварить. Как ни старайся их понять, ошибки не избежишь. Люди вокруг спрашивают, как же нам быть в конце концов? Аньвань, смиренно сложив ладони, отвечает: «Прекрати, прекрати — об этом не скажешь. О моей утонченной истине нельзя даже помыслить». А теперь я выделю кружками⁶⁸ слова

«нельзя помыслить» и покажу их каждому. Все пять тысяч свитков канона и врата недвойственности Вима-лакирти⁶⁹ сходятся в них.

Если тебе скажут, что огонь в фонаре,
Отвернись и не соглашайся.
Только вор сразу узнает вора:
Он все поймет с одного вопроса.

**ИЗБРАННЫЕ
ЧАНЬСКИЕ
ИЗРЕЧЕНИЯ**

В котле с кипящей водой нет холодного места.

Лягушка прыгает, а из корзины не выпрыгнет.

В хорошем разговоре не все говорится.

Искусный мастер не оставляет следов.

Что невыразимо в словах, неистоцимо в действии.

Зачерпни воду, и луна будет в твоей руке. Прикоснись к цветам, и их аромат пропитает твою одежду.

Когда ищешь огонь, находишь его вместе с дымом. Когда зачерпываешь воду из колодца, уносишь с собой луну.

Кто знает о том, что далеко за туманными волнами есть прекрасный мир мечты?

Десять лет я не мог найти дорогу назад, а теперь позабыл, откуда пришел.

Журчанье ручья в ночи становится слышнее. Краски гор на закате становятся ярче.

Там, куда не проникают ни свет, ни мрак, повсюду один прекрасный вид.

Я полностью сбросил свою кожу. Осталось одно подлинное естество.

Встречаюсь с ним, но не знаю, кто он. Говорю с ним, но не знаю его имени.

Глупо упрямый — упрямо глуп.

Прямые речи лучше покрасневшего лица.

Сердитый кулак не бьет по улыбающемуся лицу.

На флейте, не имеющей отверстий, играть всего труднее.

Три человека удостоверяют, что черепаха — это черепаха¹.

Густой туман не скрывает благоухания цветов.

Хороший торговец прячет свои богатства и кажется нищим.

Тот, кто думает, что обладает сиятельной мудростью, едет впереди осла и позади лошади.

Сверху — ни куска черепицы, чтобы прикрыть голову. Снизу — ни вершка земли, чтобы поставить ногу.

Стоит устам захотеть рассказать — и речь погибает. Стоит разуму захотеть понять свой исток — и мысль умирает.

Когда добрый человек проповедует ложное учение, оно становится истинным. Когда дурной человек проповедует истинное учение, оно становится ложным.

Солнце и луна не могут осветить это полностью. Небо и земля не могут покрыть это целиком.

Охотящийся за оленем не видит горы. Охочий до золота не видит людей.

Небожителям, разбрасывающим цветы², некуда идти. Неверующим, хотящим подглядеть, не на что смотреть.

Слива в прошлом году, ива в нынешнем: их краски и ароматы все те же, что и в старину.

У края небес встает солнце и заходит луна. За перилами террасы горы глубоки и воды холодны.

Он видит только, как петляет река и вьется тропинка, и не знает, что он уже в стране Персикового источника ³.

Дикий гусь не имеет намерения оставить след в воде. Вода не имеет желания удержать отражение гуся.

Когда птицы не поют, гора еще покойнее.

Высохшее дерево, распустившийся цветок: такова весна за пределами этого мира.

Вторая попытка не стоит и половины медяка.

Когда чистое золото объято огнем, оно блестит еще ярче.

Раскаты моего смеха сотрясают Небо и Землю.

Мышь, забравшаяся в трубку для денег ⁴, не найдет выхода.

Вечность безбрежных просторов: один день ветра и луны.

С незапамятной древности и во веки веков оно выставляет себя на обозрение всех.

Когда откупоривают кувшин с соленой рыбой, вокруг с жужжанием роятся мухи. Когда кувшин опорожнен и вымыт, он тихо лежит в холодке.

Есть такие, которые, находясь в дороге, не покидают дома. И есть такие, которые, покинув дом, не находятся в дороге.

Утки, вышитые на ковре, можно показать другим. Но игла, которой их вышивали, бесследно ушла из вышивки.

Перед моим окном всегда одна и та же луна. Но расцветут сливы — и луна уже другая.

Для покоя и сосредоточенности не нужны горы и воды. Когда сознание умерло, даже огонь приносит прохладу.

Когда ты воодушевлен, воодушевись еще больше. Там, где нет одухотворенности, — там одухотворенность есть.

В корзине Бездонного покоится ясная луна. В чаше Безмыслия собирается чистый ветер.

Не ищи волос на панцире черепахи и рогов на голове зайца.

Правда не скроет собой лжи. Кривое не заслонит прямое.

Простаки и мудрецы живут вместе. Драконы и змеи обитают вперемешку.

По закону не дозволяется пронести иголку. Частным образом проедет целый экипаж.

Не завидуй мудрецам. Не гордись своим умом.

Чтобы написать такие стихи, нужно прежде иметь такое сердце. Чтобы нарисовать такой портрет, нужно прежде постичь такой облик.

Великий муж мечтает подняться выше неба. Он не будет идти там, где уже прошел Будда.

Не взять то, что даровано Небом, значит себя наказать. Не действовать, когда приходит время, значит себя погубить.

Речь — клевета. Молчание — ложь. За пределами речи и молчания есть выход.

В гуще белых облаков не видно белых облаков. В журчанье ручья не слышно, как журчит ручей.

Слепота — ясность зрения, глухота — чуткость слуха, опасность — это покой, удача — это несчастье.

В весенний день, лунную ночь кваканье лягушки оглашает целый мир и объединяет всех в одну семью.

Есть нечто, существующее прежде Неба и Земли, не имеющее формы, погребенное в безмолвии. Оно — господин всех явлений и не подвластно смене времен года.

Когда наступит великая смерть, осуществится великая жизнь.

Где много глины, будды велики. На большой воде корабли высоки.

Чтобы пересечь этот суетный мир, нужно знать дорогу. Чтобы прописать лекарство, нужно знать причину болезни.

Без угломера и циркуля не установишь квадратное и круглое. Без отвеса не определишь прямое и кривое.

Над ветками, не имеющими почек, кружат золотые фениксы. Под деревом, не отбрасывающим тени, бродят яшмовые слоны.

Одна стрела сбивает одного орла. Две стрелы — это уже слишком много.

На Пути нет хоженных троп. Тот, кто им идет, одинок и в опасности.

Когда поднимается одна пылинка, в ней содержится вся земля. Когда распускается один цветок, раскрывается целый мир.

Когда дерево сохнет, листья опадают.

Принимая наставления, ты должен постигать их исток. Не меряй их собственными мерками.

Когда проплывает рыба, вода мутнеет. Когда пролетают птицы, падают перья.

Пошевелись — и появится тень. Осознай — и родится лед. Но если не двигаться и не сознать, неминуемо окажешься в норе дикой лисы.

Тот, кто, сидя у тигра на шее, хватается за тигриный хвост, не годится даже в ученики. Когда голова буйвола исчезает и показывается голова лошади — это не удивительно.

Где кончаются дороги мысли — там начинай внимать. Где слова перестают выражать — там начинай созерцать.

Утверждением ничего нельзя утвердить. Отрицанием ничего нельзя отвергнуть.

Одну фразу, существующую до слов, не передадут и тысячи мудрецов. Одна нить перед нашими глазами не прервется целую вечность.

Золотой Будда не переправится через плавильный котел. Деревянный Будда не переправится через огонь. Глиняный Будда не переправится через реку.

Весь мир не спрячешь, близкое и далекое друг друга выявляют, прошлое и настоящее ясно различаются.

В одной фразе — жизнь и погибель, в одном поступке — свобода и рабство.

На вершине священной горы травы растут без корней. Не ведая о весеннем ветре, цветы цветут сами по себе.

В десяти пределах света нет стен. В четырех стенах крепости нет ворот.

Вдыхая, он не пребывает в мире теней. Выдыхая, он не касается мира вещей.

Каждый голос — голос Будды. Каждая форма — форма Будды.

В сухом дереве рев дракона. В древнем черепе ясный зрачок.

Мой путь лежит за краем голубых небес, — там, где белые облака плывут неостановимо.

Когда курам холодно, они взлетают на дерево. Когда уткам холодно, они бросаются в воду.

У хорошего кузнеца скапливаются горы необработанного железа. У дверей искусного лекаря собирается толпа больных.

На вершине одинокой скалы он свистит при луне и грезит среди облаков. В пучине великого океана он вздымает бурю и скользит по волнам.

Прими слепоту за ясность зрения, а глухоту за острый слух. Восприми опасность как обещание покоя, а удачу — как вестницу несчастья.

Искать мудрость вне себя — вот верх глупости.

ХУН ЦЗЫЧЭН. ВКУС КОРНЕЙ

СОБРАНИЕ ПЕРВОЕ

Для того, кто в себе хранит правду, жизнь сжимается в мгновение. Для того, кто жаждет власти над другими, жизнь тянется вечно. Постигший истину человек взыскует вещи, коих нет в мире вещей, и думает о том, кем он будет, когда его не будет. Он примет бег мгновения и отвергнет оцепенение вечности¹.

Если не привязываться прочно к миру, то и мирская грязь не пристанет к тебе. Если глубоко вникать в дела мира, то механический ум² глубоко войдет в тебя. Поэтому благородный муж в своих устремлениях более всего привержен безыскусному, а в деяниях своих превыше всего ценит непосредственное.

Помыслы благородного мужа — как голубизна небес и блеск солнца: не заметить их невозможно. Талант благородного мужа — как яшма в скале и жемчужина в морской пучине³: разглядеть его непросто.

Власть и выгода, блеск и слава: кто не касается их, тот воистину чист. Но тот, кто касается, а не имеет на себе грязи, тот чист вдвойне. Многознайство и хитрость, сметливость и проницательность: кто лишен их, тот воистину возвышен. Но тот, кто ими наделен, а не пользуется, тот возвышен вдвойне.

В жизни часто приходится слышать неугодные нам речи и заниматься делами, которые доставляют неудовольствие. Но только так мы найдем оселок, на котором отточится наша добродетель. А если слушать лишь то, что угодно слышать, и думать лишь о том, о чем приятно думать, то всю жизнь проживешь, словно одурманенный ядовитым зельем⁴.

Когда дует свирепый ветер и льет проливной дождь, зверью и птицам неуютно. Когда ярко светит солнце и веет ласковый ветерок, деревья и травы дышат бодростью. Но надо понять: не бывает дня, чтобы в жизни природы не было согласия; не бывает дня, чтобы сердце человека не наполнялось радостью⁵.

Ни в кислом, ни в соленом, ни в горьком, ни в сладком нет настоящего вкуса. Настоящий же вкус неосятимо. Ни незаурядный ум, ни поразительный талант не есть достоинства настоящего человека. Достоинства настоящего человека неприметны.

Небо и Земля вовек недвижимы, а эфир⁶ меж ними ни на миг не приходит к покою. Солнце и луна днем и ночью бегут друг за другом, а в бездне времен ничего не меняется. Поэтому благородный муж в час досуга должен думать о том, что не терпит промедления, а в минуту решительных действий должен быть празден.

Когда глубокой ночью покойно сидишь в одиночестве и внимаешь своему сердцу, постигаешь тщету всех мнений и тебе открывается твоя подлинная природа. В такие моменты прозреваешь в себе великую силу бытия⁷ и вдруг понимаешь, что, даже обретя в себе правду, трудно избавиться от суетных мыслей. И тогда тебя охватывает великий стыд.

Добротой часто можно причинить вред, поэтому, когда хочешь сделать добро, тщательно все обдумай. Из неудачи нередко можно извлечь полезный урок, поэтому промахи — лучшее подспорье делу.

Среди тех, кто питается отрубями, много людей чистых, как лед, и благородных, как яшма. Среди тех, кто носит платье, расшитое драконами, и ест из яшмовой посуды⁸, много таких, которые готовы рабски гнуть спину и угождать другим. Тот, кто хранит чистоту помыслов, должен уметь отказываться от сладкого куска.

Если поля перед нашим взором расстилаются широко, вид их не забудется. Если добро, которое мы оставляем после себя, распространится далеко, память о нем не оскудеет.

На узкой тропе придержи шаг и дай пройти путнику, идущему навстречу. За едой возьми себе третью часть, а остальное отдай ближнему. Вот секрет того, как всегда быть счастливым в этом мире.

Каким бы великим делом ты ни был занят, если ты прогнал суетные мысли, — значит, ты достиг совершенства. Как бы ни преуспевал ты в учении, если ты освободился от власти вещей, — значит, ты познал, что такое мудрость.

Друзьям оставь втрое больше, чем себе. Для себя сохрани хотя бы крупицу первоизданной чистоты сердца.

В получении наград не будь впереди других. В совершении добрых дел не будь позади других. Получая от других, не бери больше положенного тебе. В добрых делах не делай меньше доступного тебе.

В круговороте мирской жизни отступить на шаг не зазорно. Отступление — залог продвижения вперед. Позволить другому взять твою долю — вот счастье. Помощью другим держится подлинная помощь себе.

Величайшая победа в этом мире не заслуживает и слова похвалы. Величайшее преступление в этом мире не заслуживает и слова порицания.

Громким именем и доброй славой не нужно пользоваться одному. Поделившись ими с людьми, можно избежать неприятностей и сполна прожить свою жизнь. Постыдные поступки и дурную репутацию не нужно целиком приписывать другим. Взяв часть их на себя, можно, сокрыв свет своих доблестей, возвращать в себе правду.

Если уметь в каждом деле прозревать нечто вовсе неосуществимое, то и сам творец всего сущего⁹ не сможет меня покарать, и даже боги и духи не смогут ничего отнять у меня. Если же стараться каждое дело непременно доводить до совершенства и во всем добиваться полного удовлетворения, тогда душа зачерствеет, а вокруг все будет нагонять тоску.

В каждой семье есть истинный Будда. В сутолоке каждого дня есть истинный Путь. Когда люди могут, не кривя душой, жить в согласии и с радостью говорить друг другу приветливые слова, когда родители и дети любят друг друга и живут душа в душу, то это в тысячу раз выше «регулирования дыхания» и «созерцания сердца»¹⁰.

Есть люди от рождения живые и деятельные. Они — как молния в тучах или пламя свечи на ветру. Есть люди, от природы пребывающие в покое. Они — как «мертвый пепел и высохшее дерево»¹¹. Но нужно вообразить облако, которое замерло в как будто застывшем водном потоке, а в них парит коршун и плещутся рыбы — вот это и будет образ сознания, обладающего дао¹².

Не следует слишком горячо укорять других за их недостатки. Думай о том, чему хорошему эти люди могут научиться. Воспитывая других своими добрыми делами, не следует непременно проявлять чудеса добродетели. Делай лишь то, чему и другие могут последовать.

Навозные личинки утопают в нечистотах, но, превратившись в цикад, пьют росу под осенним ветром. Гнилушка не испускает света, но, превратившись в светляка¹³, горит под осенней луной. Нельзя не знать: чистое всегда выходит из грязи, светлое всякий раз рождается из тьмы.

Честолюбие и гордыня — обманчивое возбуждение духа. Стоит это возбуждение унять, как проступают

истинные свойства природы. Страсти и заботы проистекают из суетности сознания. Побори суетное сознание в себе, и в тебе проявится сознание истинное.

Если, наевшись досыта, думать о пище, то даже изысканнейшие яства не пробудят аппетита. Если, удовлетворив похоть, думать о любовных утехах, не возникнет охоты предаваться им. Оттого-то люди часто сожалеют о своих поступках после того, как они их совершили. Но стоит отрешиться от соблазна того, что мы предвосхищаем в своем воображении, как наши помыслы станут непоколебимыми, а наши поступки — безупречными.

Сидя в коляске вельможи, нельзя не мечтать о лесах на горных вершинах. Живя у лесного ручья, нельзя не думать о хлопотах тех, кто служит во дворце государя.

Не жажди успеха в мире. Не впасть в заблуждение — это уже успех. Не ищи милости людей. Не заслужить их ненависти — это уже милость.

Трудиться, не страшась лишений, — вот великая доблесть. Но если чересчур истязать себя, не будешь знать ни настоящего отдохновения, ни настоящей радости. Хранить целомудрие — вот великая добродетель. Но если чересчур заботиться о своей репутации, не сможешь помогать людям.

Оценивая тех, кто находится в затруднительных обстоятельствах, смотри, о чем они мечтают. Оценивая тех, кто добились почета и славы, смотри, как они проводят остаток своих дней.

Любям богатым и знатым следует быть великодушными и милостивыми, а они, наоборот, завистливы и бессердечны. Выходит, люди они богатые и знатные,

а поведением своим обкрадывают и унижают себя. Как же им быть счастливыми? Просвещенные люди должны прятать свою мудрость, а они, наоборот, выставляют ее напоказ всему свету. Выходит, люди они просвещенные, а страдают скудоумием и тупостью. Как же им не остаться в дураках?

Лишь пожив внизу, узнаешь, как опасно карабкаться наверх. Лишь побывав в темноте, узнаешь, как яростен солнечный свет. Лишь храня покой¹⁴, узнаешь, как много сил тратят те, кто находятся в движении. Лишь пестуя молчание, понимаешь, как суетно многословие.

Лишь отрешившись от мыслей о славе, богатстве и власти, можешь освободиться от пошлости. Лишь отрешившись от мыслей о добре, гуманности и долге, можешь приобщиться к мудрости¹⁵.

Жажда приобретений не безнадежно ранит разум. Наши замыслы и воображение — вот главные враги разума. Звук и цвет не обязательно скрывают правду. Наш рассудок — вот что наглухо загоразживает от нас правду.

Людям свойственно колебаться и менять свои решения. Мирские пути запутанны и опасны. Там, где нельзя пройти, нужно уметь отступить на шаг. Там, где можно пройти, пропусти вперед других.

При встрече с низким человеком нетрудно быть резким, а трудно не питать отвращения. При встрече с благородным мужем нетрудно быть почтительным, а трудно быть безупречно вежливым.

Лучше сохранять младенческое целомудрие духа и гнать прочь хитроумие: по крайней мере после смерти возвратишь Небу и Земле частицу неиспорченной жиз-

ненной силы ¹⁶. Лучше отречься от роскоши и находить удовольствие в малом: по крайней мере после смерти оставишь миру свое чистое имя.

Тот, кто покоряется демонам, прежде пасует перед своим сердцем. Обуздай свое сердце, и все демоны твоей души рассеятся ¹⁷. Тот, кто увлечен соблазнами мира, прежде дает увлечь себя своим страстям. Когда страсти подвластны человеку, соблазны мира не тронут его сердце.

Круг учеников должно отбирать с тем же тщанием, что и круг знакомств благонравных девиц. Один беспутный человек в нем подобен сорной траве, проросшей среди ухоженных всходов: с такого поля уж никогда не добудешь отборное зерно.

Давая волю желаниям ¹⁸, не радуйся красивым вещам и не позволяй себе увлечься ими. Стоит хотя бы раз возжелать их, и ты увязнешь вглубь на тысячу сажень. Предаваясь думам о правде, не страшись трудностей и не отступай перед ними. Стоит отступить перед ними хотя бы на шаг, и ты будешь отброшен назад за тысячу гор.

Хлопотливый человек беспокоится и о себе, и о других, никогда не оставаясь безучастным. Человек равнодушный не заботится ни о себе, ни о других, будучи ко всему безразличен. Благородный муж умеет соблюдать меру. Он не слишком хлопотлив и не слишком безучастен.

Он богат, а я возвышен духом. У него высокий чин, а я следую долгу ¹⁹. Благородный муж никогда не позволит сильным мира сего связать себя. Человеческое упорство одержит верх даже над Небом. Постоянство помыслов перевернет целый мир. Благородный муж от самого творца всего сущего не примет обличья помимо своей воли.

Если не стараться хотя бы немного возвыситься над собой, всю жизнь будешь чистить одежду в пыли и мыть ноги в грязи. Как же тут стать чистым? Если хотя бы немного не отстраниться от мира, то уподобишься мотыльку, летящему в огонь, и барану, бодающему ворота. Как же тут найти покой и счастье?

В учении главное — хранить постоянство помыслов и идти прямо, никуда не сворачивая. Если, возвращая в себе добродетель, не отказываться от мыслей о заслугах и славе, никогда не достигнешь цели. Если, читая книги, думать о том, как лучше показать свою ученость, в душе не будет покоя.

В каждом человеке живут великая любовь и великое милосердие. Нет разницы между сердцем Вэймо²⁰ и сердцами мясника или преступника. Повсюду есть место для подлинного переживания. Нет разницы между дворцом из золота и камышовой хижинкой. Но стоит стеснить свои чувства и отвернуться от своего сердца, как промах на вершок уведет от истины на тысячу ли²¹.

Чтобы продвигаться по стезе добродетели и возвращать в себе правду, нужно быть бесстрастным, как дерево или камень. Стоит лишь единожды что-либо возжелать, и ты окажешься в плену мира страстей. Чтобы приносить пользу миру и водворять порядок в государстве, нужно быть безучастным, как плывущее облако и водная гладь. Стоит лишь единожды увлечься чем-либо, и ты погрязнешь в мире суеты.

Удачливые люди не рассуждают о том, как быть спокойными и счастливыми. Даже видя во сне духов, они не теряют самообладания. Неудачники не замечают, как у них все валится из рук. Они даже в веселой шутке усматривают козни.

Если заболит печень, испортится зрение. Если заболит почки, ослабнет слух²². Болезнь гнездится там, где

она не видна, а проявляется в том, что всем заметно. Благородный муж, стремясь не иметь видимых прегрешений, прежде не совершает прегрешений там, где их никто не может заметить.

Среди вещей приятных нет ничего приятнее пренебрежения делами. Среди вещей неприятных нет ничего неприятнее отягощенности заботами. Только те, кто изнемогают от забот, знают, что праздность — счастье. Только те, кто не ведают волнений, знают, что отягощенность заботами — горе.

В просвещенный век нужно быть прямым. В смутный век нужно быть искривленным. А в наше время можно быть и прямым и искривленным. С хорошими людьми нужно быть радушным. С дурными людьми нужно быть строгим. С обыкновенными людьми можно быть и радушным и строгим.

О своих заслугах перед другими не нужно помнить. О своих проступках перед другими нельзя не помнить. О милости других к себе нельзя забывать. А об обидах, нанесенных вам, нельзя не забыть.

Когда, делая добро, не думаешь ни о себе, ни о других, горсть зерен одарит милостью за тысячу пудов хлеба. Когда, помогая другим, бахвалишься своей щедростью и требуешь от людей благодарности, то сотня золотых не принесет тебе пользы даже и на половину медяка.

Люди между собой и ладят и не ладят, но можно ли сделать так, чтобы все угождали одному? Каждому что-то нравится, а что-то не нравится, но может ли быть так, чтобы всем нравилось то, что нравится одному? Сравнивай свои желания с желаниями других и делай для себя выводы — вот простой способ учиться мудрости в этом мире.

Только когда сердце очищено от скверны, можно браться за чтение книг и изучение древности. Иначе, узнав про один добрый поступок, захочешь извлечь из него пользу для себя, а услышав одно умное слово, захочешь оправдать им свои пороки. Учиться с такими мыслями в голове — все равно что «дарить оружие врагу и посылать провиант разбойникам»²³.

Скряги, даже если они богаты, думают, что им не хватает. Им не понять, отчего бессребреники хоть и бедны, а всего имеют в избытке. Люди честолюбивые трудятся, а удовлетворения не получают. Им не понять, отчего люди, не хвастающие способностями, праздны и живут в свое удовольствие.

В учении не равняться на великих мудрецов — значит быть рабом грифеля и доски для письма. На государственной службе не любить народ — значит укрывать платье и шапку чиновника. Вести ученые разговоры и не заботиться о своем поведении — значит предаваться пустословию. Ведать важным делом и не думать об укреплении добродетели — значит пускать пыль в глаза²⁴.

В сердце каждого человека хранится одно правдивое послание, но оно погребено под обрывками обветшалых книг. В сердце каждого человека звучит один правдивый напев, но его заглушают распутные песенки и буйные крики. Тот, кто предан учению, должен отменить все внешнее и в круговороте бытия узреть изначальное. Только тогда он поймет, что в жизни есть нечто подлинное.

В страдании сердцу часто открывается утешение. А когда вдруг покажется, что ты поймал истину, тут же становится горько, что не смог ее удержать.

Когда богатство, знатность и слава приобретаются добродетелью, они подобны лесным цветам, пышно цветущим на воле. Когда они приобретаются заслугами,

они подобны цветам, выращенным на клумбе. Когда они приобретаются властью, они подобны цветам в вазе, отрезанным от корня и обреченным на увядание.

Когда весной наступают ясные и теплые дни, цветы расцветают многокрасочным ковром и птицы отовсюду льют сладкие звуки. Добродетельный муж дорожит тем, что он принадлежит к кругу избранных и живет в тепле и сытости. Он не старается щегольнуть красивым словом и блеснуть красивым поступком. Даже если он пробыл в мире сотню лет, кажется, что он не прожил и дня.

В учении важно быть сосредоточенным, но нужно уметь иной раз быть беспечным. Если вечно отказывать себе в радостях и утехах, то для окружающих ты будешь подобен мертвящему дыханию осени. Как же тогда помогать жизни вещей?

Подлинное бескорыстие не выставляется напоказ. Тот, кто хочет прослыть бескорыстным, делает это из жадности. Великое мастерство кажется безыскусным. Тот, кто щеголяет своим искусством, выказывает свое неумение.

Когда жертвенный сосуд полон, он опрокидывается. Копилка цела, когда она пуста. Благородный муж предпочтет отсутствующее наличному. Он примет то, в чем чего-то недостает, и отвергнет то, что закончено.

Пока ты не вырвешь из сердца ростки тщеславия, то, даже презирая богатства удельного владыки и довольствуясь тыквой-горлянкой²⁵, ты не сможешь избавиться от пошлых мыслей. Пока ты не приведешь к покою свой дух, то, даже радуя за счастье всей земли и творя благо для всех времен, ты не будешь счастлив.

Когда на сердце светло, в темном подземелье блещут небеса. Когда в мыслях мрак, при свете солнца плодятся демоны.

Люди считают, что обладать славой и высоким положением радостно, а не знают, что радость отсутствия славы и высокого положения — самая настоящая. Люди считают, что терпеть голод и холод прискорбно, а не знают, что скорбеть, не страдая от голода и холода, тяжелее всего.

Когда, содеяв зло, человек боится, что о том узнают люди, он еще может найти путь к добру. Когда, сделав добро, человек старается, чтобы о том узнали люди, он порождает зло.

Движущая сила Небес непостижима. Она сгибает и расправляет, расправляет и сгибает. Она играет героями и ломает богатырей. Благородный муж покорен даже невзгодам. Он живет в покое и готов к превращениям судьбы. И Небо ничего не может с ним поделать.

Мучимые страстями души пышут огнем. Такие испепелят любого на своем пути. Лишенные милосердия холодны, как лед. Такие заморозят каждого, кто им встретится. Те, кто привязаны к вещам, подобны тухлой воде и гнилому дереву: жизнь уже ушла из них. Такие никогда не смогут сотворить добро или сделать другого счастливым.

Счастья никакими ухищрениями не добьешься. Учись находить в жизни радость — вот лучший способ привлечь счастье. Беды никакими стараниями не избегнешь. Гони от себя злобу — вот лучший способ держаться вдали от беды.

Если из десяти слов девять правдивы, не считай это достижением. Достаточно одному слову не быть правдивым, как оно соберет вокруг себя тучу лжи. Если из десяти замыслов девять удались, не считай это успехом. Достаточно одному замыслу остаться неосуществленным, как вокруг вырастет лес попреков. Поэтому благородный муж ценит молчание и отвергает суетность. Он ценит безыскусность и отвергает хитроумие.

В теплую погоду все живое растет, в холодную — все умирает. Те, кто холодны душой, не смогут познать радость, даже если их осенит милость Небес. Только те, у кого горячее сердце, способны изведать беспредельное счастье и вечную любовь.

Путь небесной истины невообразимо широк. Стоит лишь немного помечтать о нем, и на сердце становится легко и просторно. Путь людских страстей поразительно узок. Стоит вступить на него, и перед глазами вечно будут колючие травы да грязные лужи.

Беды и радости притираются друг к другу. Когда они притрутся друг к другу без остатка, родится счастье. Такое счастье будет нерушимым. Сомнение и вера друг друга поправляют. Когда они полностью поправят друг друга, появится знание. Такое знание будет подлинным.

Сознание не может не быть пустым. Когда оно пусто, в нем поселяется истина. Сознание не может не быть наполненным. Когда оно полно, в нем нет места желанию обладать вещами ²⁶.

Там, где грязь, кишит жизнь. Где вода чиста, не бывает рыбы ²⁷. Благородный муж не должен чураться мирской грязи и не должен слепо подражать образцам непорочного поведения.

Необъезженную лошадь можно приучить к упряжке. Металлу, плавящемуся в тигле, можно придать нужную форму. Только из скучающего бездельника до конца жизни ничего не выйдет. Байша ²⁸ говорил: «Иметь много болезней не зазорно. Если за всю жизнь ничем не переболел, — это беда». Вот поистине мудрое суждение.

Если у человека появится хотя бы одна корыстная мысль, его твердость обернется малодушием, его знание — безрассудством, его милосердие — жестокостью,

а чистота — порочностью. Вся жизнь его будет загублена. Вот почему древние считали бескорыстие величайшим достоянием. Тот, кто обладает им, вознесется над целым миром.

Зрение и слух — внешние разбойники. Желания и замыслы — разбойники внутренние. Нужно, чтобы Хозяин²⁹ не позволял себя усыпить и покойно восседал в главном зале дома. Тогда разбойники превратятся в слуг.

Лучше оберегать уже достигнутое, чем мечтать о еще не свершенном. Лучше предотвратить будущую ошибку, чем сожалеть о прошлом прегрешении.

Поведение должно быть возвышенным, но не причудливым. Мысли должны быть тонкими, но не мелочными. Характер должен быть уравновешенным, но не безвольным. Манеры должны быть воспитанными, но не жеманными.

Налетит ветер — и бамбук зашумит. Умчится ветер, и бамбук смолкнет. Летящий гусь отразится на поверхности замерзшего пруда. Улетит гусь, и на льду не останется его тени. Благородный муж размышляет о делах по мере того, как они встают перед ним. Дела пройдут, и сознание его становится пустым³⁰.

Целомудренный человек всем приятен. Гуманный человек мудро уладит спор. Разумный человек не станет докучать своим любопытством. Честный человек не возгордится. Такие люди подобны меду, который не приторен, и соли, которая в меру положена в пищу. Вот это и есть высшая добродетель.

В бедном доме чисто метут пол. Женщина, познавшая нужду, тщательно укладывает волосы. Где красота не порождена роскошью, прекрасно целомудрие духа.

Добродетельный муж, даже живя в нищете и забвении, не придет в отчаяние и не изменит своим идеалам.

Будь сосредоточен в час досуга — это пригодится тебе, когда ты будешь спешить. Не расслабляйся в час покоя — это пригодится тебе, когда ты будешь действовать. Не обманывай в темноте³¹ — это пригодится тебе, когда ты будешь на виду.

Когда сознание пробуждается, понимаешь, что, даже вступив на стезю страстей, можно выйти на путь истины. Пробуждение дарует способность все увидеть заново. Вот загадка³² того, как беда приносит счастье, а смерть возвращает к жизни. Решить ее нелегко.

В покое очищаются мысли, и ты видишь истинную суть сердца. В праздности дух становится податливым, и ты познаешь истинный исток сердца. В безмятежности помыслы становятся глубокими, и ты постигаешь истинную основу сердца. Для того чтобы узреть свое сердце и прикоснуться к подлинному, нет ничего лучше этих трех состояний.

Покой среди покоя — не истинный покой. Лишь когда обрешь покой в движении, воистину постигнешь небесную природу³³. Веселье среди веселья — не истинная радость. Лишь когда постигнешь радость в печали, поймешь, чем живет сердце.

Отказываясь жить для себя, не поддавайся сомнениям. Если позволишь сомнениям завладеть тобой, будешь стыдиться своих возвышенных намерений. Деля добро людям, не требуй от них благодарности. Если будешь требовать от них благодарности, твое желание сделать добро причинит вред.

Если Небо обделит меня счастьем, я восполню это величием своей добродетели. Если Небо заставит меня до изнеможения трудиться, я противопоставлю этому

возвышенность своего сердца. Если Небо не даст мне удачи, я пробьюсь к ней, идя своим путем. Что может Небо поделать со мной?

Благонравный человек не мечтает о лучшей доле. И Небо в благодарность за его бескорыстие одаривает его счастьем. Низкий человек старается избежать беды. И Небо в отместку за его суетность лишает его разума. Нельзя не видеть: воля Небес всего мудрее. Что может против нее человеческое разумение?

Певичка из веселого дома на склоне лет обращается к добродетели. И то, что она целый век распутничала, тому не помеха. Женщина из хорошей семьи, посевев, забывает о приличиях. И то, что она всю жизнь жила в строгости, оказывается напрасным. В народе говорят: «Суди о человеке по тому, как он оканчивает свои дни». Вот поистине замечательные слова.

Когда простолюдин пестует добродетель и оказывает благодеяния, он — канцлер, не имеющий титула. Когда вельможа пользуется властью в корыстных целях и торгует милостями, он в конце концов становится нищим, наделенным высоким рангом.

Добродетель предков — это то, что я получил от них в наследство. Надо помнить о том, как трудно было ее накопить. Благополучие потомков — это то, что зачинается мной. Надо помнить о том, как легко его растерять.

Благородный муж, который неискренне делает добро, не отличается от низкого человека, который творит зло. Благородный муж, который изменил своим принципам, хуже низкого человека, который решил измениться к лучшему.

Когда кто-нибудь из домашних совершает проступок, не нужно набрасываться на него с попреками, но не следует и делать вид, будто ничего не произошло. Если

об этом проступке неудобно говорить напрямик, скажите намеком, приведя подходящий к случаю пример. Если вас не поймут сразу, повторяйте свои наставления день за днем, и они возымеют действие подобно тому, как весенний ветер разгоняет холод и теплый воздух топит лед. Вот как нужно вести себя в семейной жизни.

Если ты доволен в душе, в Поднебесном мире не окажется ничего, что имело бы недостаток. Если в душе царит безмятежность, в Поднебесном мире ничто не покажется враждебным.

Непорочный муж отвергает излишества. Человек благовоспитанный не дает волю страстям. Благородный муж, следуя этим правилам, не может ни в малейшей мере пренебрегать своим долгом и не может чересчур выказывать свою непреклонность.

Когда жизнь складывается наперекор нашим желаниям, мир вокруг нас подобен лечебным иглам и целебным снадобьям: он незаметно врачует нас. Когда мы не встречаем сопротивления, мир вокруг нас подобен наточенным топорам и острым пикам: он исподволь ранит и убивает нас.

В тех, кто выросли в богатстве и почете, страсти полыхают, как пламя, а жажда власти подобна раскаленному очагу. Если таких не остудить воздухом чистоты, они сожгут других или сгорят сами.

От одного искреннего движения души летом выпадет иней³⁴, обрушатся стены города³⁵, расплавятся металл и камень. У лживого человека, даже если он здоров телом, разум все равно погиб. В обществе он всем неприятен. Наедине он сам себе противен.

Когда литературное произведение совершенно, оно красиво и без прикрас. Когда человек совершенен, он велик и без выдающихся достоинств.

В мире обманчивой видимости не только заслуги и слава, богатство и знатность, но и всякое тело — это форма, лишь на время полученная взаймы³⁶. В мире подлинного не только родители и братья, но и все десять тысяч вещей составляют со мной одно тело. Когда человек рассеет обман и познает подлинное, он сделает своей опорой целый мир и освободится от пут света.

Яства, приятные на вкус, — это отравы, от которой портится желудок и размягчаются кости. Откажись от них, и ты избежешь многих тягот. Пустые развлечения вредны для здоровья и губительны для добродетели. Покончи с ними, и тебе не о чем будет сожалеть.

Не пеняй другим за мелкие проступки. Не уличай других в злом умысле. Не припоминай другим старых обид. Если следовать этим трем правилам, можно взрастить в себе добродетель и избежать неприятностей.

Благородный муж не может поступать легкомысленно. Если я буду легкомыслен в поступках, мир опутает меня и во мне не будет ни стойкости, ни постоянства. В размышлениях нельзя быть мелочным. Если я буду мелочен в мыслях, вещи запачкают меня и во мне не будет ни мужества, ни свежести духа.

Небо и Земля пребудут вечно, а мое тело второй раз не родится. Человеческий век не превышает сотни лет, а мой день промелькнет в мгновение ока. Те, кому посчастливилось жить в этом мире, не могут не знать радости обладания жизнью и не ведать печали ее быстротечности.

Злоба крадется за добротой, как тень за телом. Поэтому, вместо того чтобы заботиться о своей доброй славе, забудь и о доброте, и о злобе. Ненависть появляется там, где есть милосердие. Поэтому, вместо того чтобы стараться прослыть милосердным, отринь и ненависть, и милосердие.

Болезни старости зарождаются в молодые годы. Пороки закатной поры жизни закладываются в пору расцвета сил. Поэтому благородный муж особенно осмотрителен в те времена, когда у него всего в достатке.

Лучше заботиться об общем благе, чем добиваться милостей для одного себя. Лучше хранить верность старым друзьям, чем завязывать новые знакомства. Лучше втайне творить добро, чем стремиться прославить свое имя. Лучше ничем не выделяться, чем прослыть высоко нравственным поведением.

Справедливому мнению нельзя идти наперекор. Раз воспротивившись ему, опозоришься на всю жизнь. Не следует служить корыстным интересам власть имущих. Раз послужив им, до конца жизни покроешь себя грязью.

Лучше упорствовать в своих заблуждениях и заслужить неприязнь людей, чем изменить своим идеалам и завоевать людское восхищение. Лучше, не сделав зла, быть осужденным людьми, чем, не сделав добра, удостоиться их похвалы.

Если родственники сделают что-то неуютное вам, нужно смириться с этим, не следует выказывать свое недовольство. Если друзья поступят с вами нехорошо, нужно строго судить их, не следует относиться к этому беспечно.

Тот, кто и в мелочах не допустит небрежности, кто не станет обманывать и в темноте, кто не падает духом даже в безнадежном положении, — тот и есть настоящий герой.

За тысячу золотых трудно купить даже минутную радость. За одно угощение можно снискать благодарность на всю жизнь. Когда любовь выставляют напоказ, она порождает в ответ ненависть. Когда любовь не выказывают, на душе легко.

Спрячь свое искусство под покровом неумения³⁷; используй его тайно, но делай его явным. Помести чистое в грязном; сверни чистоту в себе, но распространи ее широко. Тогда этот хрупкий сосуд, в котором нам суждено плыть в океане жизни, станет нашим надежным убежищем.

Расцвет и изобилие предвещают упадок и гибель. Семена новой жизни таятся в увядании и смерти. Богородный муж, наслаждаясь покоем, должен готовиться к заботам и лишениям, а терпя невзгоды, должен хранить стойкость и твердо верить в то, что успех придет к нему.

Изумляться редкостному, восхищаться необычным — это не от большого ума. Изнурять себя благочестием, стараться превзойти всех в добродетели — это не от хорошего воспитания.

Когда в груди у нас бушует жаркое пламя и бурлит кипящая вода, мы ясно сознаем, что с нами происходит, и с таким же ясным сознанием преступаем приличия. Но кто в нас сознает и кто преступает? В том, кто будет неотступно об этом размышлять, бес в душе превратится в Истинного Господина³⁸.

Если ты пользуешься доверием, не обманывай даже злодея. Если ты наделен силой, не кичись своим превосходством. Если у тебя есть достоинства, не обнажай недостатков других. Если у тебя нет способностей, не завидуй умению других.

Чужие пороки нужно исправлять молча. Если выставять их всем напоказ, ты будешь порок изгонять пороком. Человеческое упрямство нужно побеждать поучениями. Если же нападать на него в открытую, ты будешь упрямство понапрасну исправлять упрямством.

С человеком скрытным и молчаливым нельзя быть откровенным. С человеком злым и самовлюбленным нужно держать язык за зубами.

Когда мысли разбросаны, надо знать, как собрать их воедино. Когда мысли сошлись в одной точке, надо знать, как их рассеять. Если не уметь этого, то, даже если одолеть помраченность, в сердце поселится беспокойство.

Ясный день и голубое небо внезапно сменяются вспышками молний и раскатами грома. Пронзительный ветер и яростный ливень вдруг уступают место светлой луне и прозрачным небесам. В круговращении природы³⁹ нет ничего постоянного — вот ее постоянство. В Великой Пустоте⁴⁰ нет ничего покойного — вот ее покой. Таким же должно быть и человеческое сердце.

Когда заходит речь о победе над собой и обуздании своих страстей, одни говорят: «Если прежде не будет должного знания, никакое подвижничество не поможет». Другие говорят: «Когда разобьешь знание, упорство само по себе будет безошибочным». Знание — это светлая жемчужина, сиянием своим рассеивающая мрак соблазнов. Подвижничество — это меч мудрости, отсекающий преграды соблазнов. Ни то, ни другое нельзя недооценивать.

Распознав обман, не разоблачай его. Подвергнувшись унижению, не гневайся. В таком поведении заключены беспредельный смысл и беспредельная польза.

Невзгоды и тяготы — это горнило, в котором закаливается великий человек. У того, кто получил его закалку, душа с телом живут в согласии. У того, кто не прошел его закалку, душа и тело друг другу помеха.

Тело каждого из нас — маленькие Небо и Земля. Когда радость и гнев в нем не нарушают меры, а при-

страстия и неприязнь не изменяют должному, во мне осуществляется мировое согласие. Небо и Земля — наши великие отец-мать⁴¹. Когда люди не ведают недовольства и все сущее не терпит нужды, в мире воцаряется родственная любовь.

Нельзя желать зла другому и нельзя не желать защитить другого от беды. Вот что предохраняет нас от бездушия. Лучше быть оклеветанным другими, чем протестовать против чужого обмана. Вот что оберегает нас от жестокости.

Нельзя в угоду всеобщему заблуждению отречься от своей правды. Нельзя, полагаясь на личное мнение, опровергать слова других. Нельзя ради собственной выгоды наносить урон общему благу. Нельзя, ссылаясь на общее мнение, искать преимуществ для одного себя.

Даже если у человека хорошая репутация, не следует хвалить его, пока судьба не сведет тебя с ним. Он может оказаться скрывающим свое истинное лицо негодяем. Даже если у человека плохая репутация, не следует бранить его, пока судьба не разлучит тебя с ним. Может статься, ты возведешь на него напраслину.

Благородство, подобное сверкающему небосводу и яркому солнцу, возвращается в темном углу дома. Могущество, движущее небесами и землей, доступно лишь тому, кто живет так, словно он вечно стоит над бездной и ступает по тонкому льду.

Когда любовь отца, почтительность сыновей и взаимное уважение братьев достигают совершенства, они воспринимаются как нечто естественное и о них никто даже не задумывается. Когда человек, сделавший добро, бескорыстен, а тот, кто воспользовался милостью, искренне благодарен ему, они подобны двум незнакомцам, которые случайно сторговались на дороге и разошлись.

Если есть красота, то против нее неизбежно появится уродство. Если я не славлю красоту, кто сможет приписать мне уродство? Если есть чистота, в отместку ей неизбежно появится грязь. Если я не добиваюсь чистоты, разве кто-нибудь сможет вымазать меня грязью?

У богатых и знатных людей смятения в душе больше, чем у бедных и презренных. Родственникам завидуют больше, чем чужим. Если не противопоставить этому умиротворенность сердца и равновесие духа, то дня не проживешь без душевных мук.

Заслуги и прегрешения нельзя смешивать. Если их смешать, в сердцах людей начнется разброд. Милость и ненависть нельзя высвечивать слишком ярко. Если они будут очевидны, люди перестанут стараться быть лучше.

Чинами и званиями не следует чересчур выделяться. Если ты будешь слишком выделяться своим положением, подвергнешь себя опасности. В искусстве не следует добиваться полного совершенства. Если искусство будет до конца совершенно, неизбежно его растеряешь. Поведение не должно быть чрезмерно возвышенным. Если оно будет слишком возвышенным, ты навлечешь на себя хулу и погибнешь.

В зле страшна секретность. В добре страшно стремление быть на виду. Поэтому вред, причиненный видимым злом, поверхностен, а причиненный злом скрытым — глубок. Когда добро очевидно, польза от него мала, а когда оно скрыто — велика.

Добродетель — господин таланта. Талант — слуга добродетели. Если в доме нет хозяина и всем распоряжается слуга, то разве не воцарятся в нем бесовщина и помрачение?

Воюя с негодьями, оставляй им пути к отступлению. Быть к ним беспощадным — все равно что закупоривать мышиную нору: мыши, сдохшие в норе, отравят все вокруг.

Вину за промахи нужно брать на себя наравне с другими, но не нужно претендовать на равные с другими заслуги. Когда у людей заслуги равны, между ними вспыхивает вражда. Можно разделять с другими их тяготы, но не следует делить с ними их радости. Тот, кто разделяет чужую радость, возбуждает ненависть к себе.

Добротельный муж может по бедности не быть в состоянии помочь другим, но, встретив заблудившегося человека, одним словом откроет ему глаза, а встретив человека в затруднительном положении, одним словом избавит его от трудностей. Вот высочайшая добродетель.

Голодные льнут друг к другу, сытые — разбредаются. К теплу тянутся, холода избегают. Вот беда всех людей. Благородный муж должен хранить целомудренный покой и никогда не изменять себе.

Добротель зависит от широты кругозора, а кругозор растет благодаря знанию. Поэтому тот, кто хочет упрочить свою добродетель, не может не расширять свой кругозор. А чтобы расширять свой кругозор, нужно увеличивать свое знание.

Огонек во мраке ночи, безмолвие флейты, поющей на десять тысяч ладов⁴²: так впервые открывается нам незаблемый покой бытия. Пробуждение от снов наяву, ни единого шороха во всей вселенной: так впервые открывается нам первозданный Хаос бытия⁴³. Если в такие мгновения «пролить свет на себя самого»⁴⁴, то понимаешь, что слух и зрение, вкус и обоняние — все это путы, а желания и страсти — все это суета.

Того, кто требователен к себе, всякое дело излечивает как целебное снадобье. Того, кто ищет недостатки в других, всякая мысль ранит как острие копья. Первый открывает всем путь к добру. Второй увлекает всех в пучину зла. Они далеки друг от друга, как облака в небе и грязь на земле.

Наши деяния и ученость уйдут вместе с нами, а дух целую вечность юн. Заслуги и слава, богатство и знатность меняются вместе с веком, а в океане жизни тысяча лет — как один день. Благородный муж никогда не променяет вечное на брренное.

Ставят невод на рыб, а попадает в него дикий гусь. Богомол, хватая добычу, не замечает, как сзади к нему подкрадывается воробей. На каждую хитрость найдется другая хитрость. Всякое происшествие ведет к еще неведомым событиям. Так можно ли уповать на свое знание и разумение?

Если у человека нет ни одной искренней мысли, он подобен нищему, который отовсюду уходит с пустыми руками. Если у человека нет ни одного подлинного увлечения, он подобен деревянному идолу, который стоит там, где его поставили.

Если воду не мутить, она сама по себе отстоится. Если зеркало не пачкать, оно само по себе будет отражать свет. Человеческое сердце нельзя своей волей сделать чистым. Устраните то, что его загрязняет, и его чистота сама по себе проявится. Радость не нужно искать вовне себя. Устраните то, что доставляет вам беспокойство, и радость сама собой воцарится в вашей душе.

Одной мыслью можно преступить законы богов. Одним словом можно разрушить согласие Неба и Земли. Одним поступком можно навлечь беду на потомков. Вот о чем следует особенно хорошо помнить.

Человека, бездействующего в решительный момент, лучше оставить в покое, и тогда он сам все сообразит. Не нужно его торопить, вызывая в нем раздражение. Человека, не следующего доброму примеру, лучше предоставить самому себе, и тогда он исправится сам. Не нужно попрекать его, порождая в нем упрямство.

Если манеры, возвышенные, как облака в небесах, и ученость, прославленное мелодии «белый снег»⁴⁵, не закалены в горниле добродетели, то в конце концов первое станет средством потешить тщеславие, а второе — ничтожным ремесленничеством.

Уходя со службы, уходи в расцвете сил. Живя на покое, не ставь себя выше окружающих. Стремясь к добродетели, будь добродетелен в мелочах. Оказывая милость, оказывай ее тому, кто не сможет тебя отблагодарить.

Лучше быть другом старца, живущего в горах, чем приятелем рыночного торговца. Лучше проводить дни в тростниковой хижине, чем быть вхожим в дом с красными воротами⁴⁶. Лучше слушать песни дровосеков и пастухов, чем прислушиваться к уличным разговорам. Лучше помнить о великих словах и славных делах древних, чем сокрушаться об испорченности современных нравов.

Добродетель — фундамент всякого дела. Не бывает, чтобы фундамент был неустойчив, а здание простояло долго. Сердце — корень всего порожденного нами. Не бывает, чтобы корень был не прочен, а ветви выросли могучими.

Когда-то один человек сказал: «Есть люди, которые просят по домам подавание, не замечая неисчислимых богатств в собственном доме»⁴⁷. Говорят и так: «Внезапно разбогатевший бедняк бахвалится своим богатством. В каком доме огонь горит без дыма?» Первое

изречение говорит о неспособности увидеть то, чем обладаешь, второе — об ослепленности тем, чем владеешь. И того, и другого следует остерегаться.

Путь истины — это общее достояние. Он расстилается перед каждым из нас. Учение — это наша повседневная пища. Никто не может им пренебречь.

Великодушные мысли подобны благотворному весеннему ветру: когда он веет, все в природе оживает. Злобные мысли подобны морозному инею: когда он выпадает, все живое гибнет.

Не ищи в содеянном тобой добре пользы. Пусть оно будет как тыква, скрытая листвой от посторонних взоров. Не ищи в зле, причиненном тебе другими, вреда. Пусть оно будет как снег в весеннюю пору, незаметно тающий во дворе.

Когда встречают старого друга, чувства переживают особенно зримо. Когда делают что-нибудь скрытно, намерения становятся особенно явными. Когда встречаются с благородным мужем, правила вежливости соблюдаются особенно строго.

Подвижник трудится ради истины и добра, а люди в миру смотрят на труд как на средство разбогатеть. Бескорыстный человек равнодушен к приобретениям, а люди в миру считают бескорыстие средством заработать почет. То, что для благородного мужа — святой долг, для низкого человека — средство удовлетворения своих корыстных желаний. Как это прискорбно!

Тот, кто живет, повинуюсь настроению, то принимается за дело, то забрасывает его. Может ли он править «колесницей, не поворачивающей вспять»? ⁴⁸ Для того, кто ищет просветление, потворствуя своим чувствам, прозрение неотделимо от заблуждения. У такого в душе никогда не загорится «вечно сияющий светильник» ⁴⁹.

Ошибки других нужно прощать, а собственные ошибки прощать не надо. Собственные лишения можно стерпеть, но вид чужих лишений /терпеть нельзя.

Преодоление всего пошлого — вот в чем человеческое величие. Но нарочитое стремление к величию делает человека не великим, а вздорным. Не быть запачканным грязью пошлого света — вот в чем чистота души. Но тот, кто добивается чистоты, отворачиваясь от мира, станет не чистым, а суетным.

Милость должна проистекать из безучастия, а быть щедрой. Если она прежде щедра, а потом обнаруживает безучастие, люди забудут добро, которое им сделали. Власть должна проистекать из строгости, а быть великодушной. Если она прежде великодушна, а потом строга, люди будут недовольны ее стеснениями.

Когда сознание пусто, природа человека проявляется воочию. Пытаться узреть природу, не сделав сознание покойным, — все равно что ловить отражение луны в волнах. Когда помыслы безмятежны, сердце становится чистым. Пытаться раскрыть свет сердца, не овладев своими помыслами, — все равно что чистить зеркало, покрывая его пылью.

Я знатен — и люди чтут меня. Но то, что они чтут, — это высокая шапка и широкий пояс⁵⁰. Я унижен — и люди презирают меня. Но то, что они презирают, — это холщовый халат и соломенные сандалии. Но ведь в действительности люди меня не чтут — чему же мне радоваться? Они в действительности меня не презирают — чему же мне огорчаться?

«Когда ем, всякий раз оставляю еду для мышей. Из жалости к мотылькам, не жгу ночами лучину»⁵¹. Такие мысли древних поддерживают в нас жизнь. Без них мы будем тем, что зовется «телом из дерева и земли», только и всего.

Естество сердца — это естество самого Неба. Радость в сердце — веселый блеск звезд и ликующее сияние облачных высей. Гнев в сердце — ярость грозы и неистовство ливня. Любовь в сердце — ласковый ветер и сладкая роса. Одержимость в сердце — палящее солнце и морозный иней. Можно ли обойтись без сердца? Следуй всему, что в сердце возникает и исчезает, будь безмятежен, ничему не препятствуй, и тогда сольешься с Великой Пустотой.

В часы безделья ум тупеет. Используй покой, дабы постичь светоч разума. В часы поглощенности делами ум теряется. Используй светоч разума, дабы достичь покоя.

Когда судишь о чужих делах, думай прежде всего о пользе и вреде. Когда решаешь собственные, прежде всего отбрось мысли о пользе и вреде.

Благородный муж, занимая высокий пост, в поступках должен блюсти приличия, а в мыслях должен быть невозмутим. Он не должен никому потворствовать и не должен приближать к себе корыстолюбцев. Но он также не должен быть резок и жалить, подобно пчелам и скорпионам.

Тот, кто являет образцы благопристойного поведения, из-за своей благопристойности непременно станет жертвой злословия. Тот, кто более других преуспел в учении, из-за своей учености неизбежно попадет в беду. Поэтому благородный муж сторонится дурных дел, но и не мечтает о славе. Без усилий всегда быть безмятежным — вот истинное сокровище в этой жизни.

Встретив лжеца, попробуй тронуть его сердце искренностью. Встретив злого человека, попробуй смягчить его добротой. Встретив скрягу, попробуй исправить его бескорыстием. Ничто в Поднебесной не избежит нашего правильного котла⁵².

Одна добрая мысль водворит согласие в целом мире. Одна крупица чистоты сердца будет благоухать сотню веков.

Многомудрые и возвышенные манеры, геройские поступки и выдающееся мастерство — все это источник несчастий на свете. Только обыкновенные добродетели и обыкновенное поведение могут возвратить нас к первоизданной полноте бытия и водворить мир в нашей душе.

Есть одно изречение, гласящее: «Поднимаясь в гору, имей мужество пройти по обрывистой тропе. Идя по снегу, имей мужество пройти по скользкому мосту». В слове «мужество» заключен глубочайший смысл. Если на опасных поворотах жизни и на ухабах мирских путей тебе не хватает мужества, ты непременно застрянешь в какой-нибудь заросшей бурьяном яме.

Те, кто гордятся своими заслугами и блистают ученостью, живут, ища опору вовне себя. Они не знают, что сердце само по себе сияет, словно драгоценная яшма. Тот, кто сохранил в себе первоизданный свет сердца, воистину велик, даже если он не имеет ни одной заслуги и не прочтет ни одного иероглифа.

Если хочешь быть безмятежным в минуту волнений, прежде научись владеть собой в час покоя. Если хочешь быть невозмутимым среди суеты, прежде научись воздавать должное Истинному Господину⁵³ в минуты праздности.

Не затемняй своего сердца. Не обнажай чувств других. Не истощай силу вещей. Следуя трем этим правилам, можно жить одной жизнью с Небом и Землей, дать покой людям, принести счастье потомкам.

Находясь на службе, помни две истины: «Только беспристрастность излучает свет мудрости. Только бес-

корыстие рождает авторитет». Вернувшись в свой дом, помни две истины: «Только радушие приносит покой. Только от бережливости бывает недостаток».

Живя в богатстве и почете, надо помнить о тяготах бедных и униженных. Будучи молодым и сильным, помни о горестях старых и дряхлых.

В жизни не нужно изо всех сил блюсти чистоту. Грязь всякого оскорбления можно отряхнуть с себя. В отношениях с людьми не нужно быть слишком педантичным. Добро и зло, ученость и невежество надо принимать равнодушно.

Не враждуй с низким человеком, ведь он имеет врагов лишь среди ему подобных. Не угождай благородному мужу, ведь он не оказывает услуг из корысти.

Самодурство излечить легче, чем пристрастие к резонерству. Препрады в делах устранить проще, чем отгороженность от истины.

Наш дух должен быть прочным, как металл, закаленный сотню раз. Не имеющие терпения этого не добьются. Наша доброта должна быть полновесной, как самострел весом в тысячу цзюней⁵⁴. Привыкшие стрелять, не прилагая усилий, не смогут воспользоваться таким оружием.

Лучше услышать от низких людей брань, чем услышать от них похвалу. Лучше заслужить от благородного мужа упрек, чем увидеть его безразличие.

Человек корыстный далеко отстоит от правды. Вред от него очевиден и поверхностен. Человек тщеславный прикрывается правдой. Вред от него неприметен и глубок.

Не отблагодарить человека за оказанную им большую милость, но отомстить за нанесенную им маленькую обиду; услышав о пороках других, не сомневаться в их существовании, даже если они не видны, но не верить в доброту человека, даже если она очевидна,— вот предел бездушия и вершина черствости.

Злопыхатели и клеветники — словно облачко, набежавшее на солнце: надолго затмить добродетель они не могут. Лъстецы и подхалимы — словно дуновение легкого ветерка: не замечаешь их исчезновения.

Высоко в горах нет деревьев, а на дне ущелий растет пышная поросль. В стремнине реки не бывает рыбы, а в глубоких вьмах рыба водится в изобилии. Таковы изъяны безупречного поведения и самозабвенной целеустремленности. Благородный муж должен всегда помнить о них.

Среди тех, кто блистает заслугами и окружен почетом, много пустых людей. Люди же неудачливые и нерасторопные не иначе как имеют свои заветные стремления.

Живя среди людей, не нужно все делать так, как принято, но и не нужно ничего не делать так, как принято. Своими действиями не нужно возбуждать в людях неприязнь, но и не нужно вызывать в них восторг.

В лучах закатного солнца небосклон горит особенно ярко. На исходе года мандариновое дерево благоухает особенно сильно. В конце жизненного пути, на склоне лет дух благородного мужа во сто крат прекраснее.

Ястреб сидит так, словно он спит. Тигр ходит так, словно он болен⁵⁵. Но именно поэтому они могут схватить и растерзать человека. Благородный муж не дол-

жен раскрывать свою мудрость и показывать свой талант. Только так возымеет он силу свершить великое дело.

Бережливость — великая добродетель. Но если не знать в ней меры, она превратится в обыкновенную скарденность и станет пороком. Уступчивость — превосходная черта характера. Но если не знать в ней меры, она превратится в угодничество и робость и сделает человека подхалимом.

Не злись на то, что противоречит твоим намерениям. Не радуйся тому, что тешит твою душу. Не старайся оградить себя от беспокойства. Не сдавайся при первой неудаче.

Если в доме много веселятся за трапезой, значит это нехорошая семья. Если изо всех сил добиваются славы, значит это нехорошие юноши. Если много думают о почестях и заслугах, значит это нехорошие подданные.

Люди в миру хотят жить весело, но из-за своего желания веселиться попадают в беду. Постигший истину не ищет радости, но в конце концов обретает ее в тяготах.

Тот, кто живет в полном достатке, подобен наполненной до краев чаше, из которой вот-вот прольется вода. Такой страшится и одной лишней капли. Тот, кто погряз в суете, подобен сгнившему дереву, которое вот-вот рухнет. Такой боится даже малейшего толчка.

Хладнокровно смотри на других. Хладнокровно слушай других. Хладнокровно размышляй. Хладнокровно переживай.

Честный человек душой возвышен, поэтому его счастье глубоко и неизменно. На всех делах его лежит печать свободы. Подлый человек душой низок, поэтому радость его мелка и скоротечна. Все содеянное им выдает ущемленность.

Услыхав о чем-то дурном поступке, не спеши осуждать этого человека. Может статься, что он порядочный человек, который пал жертвой клеветы. Услыхав о чем-то хорошем поступке, нельзя спешно искать дружбы с этим человеком. Может статься, что он негодяй, который набивает себе цену.

Если душа черства, а сердце загубело, ни в одном деле не добьешься удачи. Если сердце покойно, а дух уравновешен, счастье само придет к тебе.

С подчиненным не будь резок, иначе он не захочет служить у тебя. С друзьями не будь развязен, иначе в друзьях у тебя окажутся одни ничтожества.

Под свирепым ветром и проливным дождем нужно уметь прочно стоять на ногах. Там, где цветут пышные цветы и красуются ивы, нужно уметь обратить взор вверх. Вступив на гибельный путь, опасную тропу, нужно уметь повернуть назад.

Истинно благочестивые люди умеют ладить с другими и не позволяют вспыхнуть вражде. Люди, заслуженно почитаемые, умеют создать впечатление, что их добродетели принадлежат всем, и не позволяют зависти завладеть чьим-то сердцем.

Великий человек на службе не должен быть бесцеремонен и давать повод для легкомысленных поступков. Выйдя в отставку и вернувшись на родину, он не дол-

жен быть слишком церемонен. Ему следует проявлять радушие и не чураться старых друзей.

Великих людей нельзя не страшиться. Если их страшиться, не будешь развязен. Низких людей тоже нельзя не страшиться. Если их страшиться, не прослынешь заносчивым.

Если тебя преследуют неудачи, подумай о тех, кто неудачливей тебя, и твои обиды рассеятся. Если в твое сердце закрадется нерадивость, подумай о тех, кто преуспел больше тебя, и ты воспрянешь духом.

Не давай обещаний сгоряча. Не сердись во хмелю. Не строй планы в радостном возбуждении. Не думай о предстоящих делах уставшим.

Тот, кто искусен в чтении, вкушает радость познания, не отбрасывая «верши и силков»⁵⁶. Тот, кто искусен в созерцании, прозревает тайны сердца и духа, не отворачиваясь от видимых образов.

Небо одаривает мудростью одного человека, чтобы рассеять невежество всей толпы. А в мире, наоборот, используют свои достоинства для того, чтобы пенять другим за их недостатки. Небо одаривает богатством одного человека, чтобы вызволить из нищеты всю толпу. А в мире, наоборот, держатся за то, что имеют, и заставляют бедных терпеть лишения. Вот поистине люди, заслужившие кару Небес!⁵⁷

Прозревший человек «ни о чем не размышляет, ни о чем не беспокоится»⁵⁸. Темный человек ничего не знает, ни о чем не ведает. Эти двое могут сговориться и действовать заодно. Посредственности много рассуждают и много хлопочут, о многом любопытствуют и строят много планов. Оттого они относятся друг к другу с подозрением, и заставить их действовать сообща нелегко.

Уста — ворота ума. Если держать их открытыми, ум ускользнет наружу. Воображение — ноги ума. Если его не обуздать, оно уведет ум с правильного пути.

Когда судишь других, ищи в их вине отсутствие вины. Тогда в людях будет согласие. Когда судишь себя, ищи вину там, где вины не видно. Тогда твои добродетели еще более упрочатся.

Наши потомки — это взрослые люди в утробе. Сюцай⁵⁹ — это царедворец в яйце. Если их в юную пору не очистить и не закалить их души, то в будущем, когда они выйдут в мир и поступят на службу, из них уж никогда не получится добротный материал.

Благородный муж, попав в беду, не горюет, а оказавшись на пирушке, не сторонится веселья. Он не робеет перед сильными мира сего и страдает убогим и сирым.

Персик и слива красивы на вид, но их красоте не дано обладать долговечностью сосны и кипариса⁶⁰. Груши и абрикосы сладки на вкус, но их сладости не дано обладать стойкостью аромата апельсинов и мандаринов. Можно ли сомневаться в том, что пышная, но быстротечная красота не сравнится с красотой скромной, но долговременной и что ранние цветы не сравнятся с поздними плодами?

В быстротечности покоя и мимолетности счастья прозреваешь подлинное в жизни. В отсутствии свойств и ненарушаемом безмолвии постигаешь естество сердца.

СОБРАНИЕ ВТОРОЕ

Тот, кто рассуждает о прелестях жизни в горах и лесах, не обязательно жаждет уединения в горах и лесах. Тот, кто не терпит разговоров о славе и выгоде, не обязательно перестал мечтать о славе и выгоде.

Рыбная ловля — беспечное занятие. Но в руках вы держите орудие, могущее лишить жизни. Игра в шахматы — безобидное развлечение. Но оно внушает мысли о смертельном поединке¹. Нельзя не видеть: из всех дел самое приятное — ничегонеделание, а безыскусность выше самой тонкой изощренности.

Пора цветения трав, когда поет иволга и склоны гор одеваются в зеленый наряд, — это обманчивая видимость нашего мира. Когда деревья обронят в воду свою листву и скалы будут стоять оголенными, тогда людскому взору воистину явится доподлинное естество Неба и Земли².

Годы и месяцы тянутся долго, а суетливый человек сам себя торопит. Небо и Земля простираются широко, а низкий человек сам себя стесняет. Времена года повинуются непреложному закону, а человек докучливый не перестает сомневаться и всю жизнь пребывает в суете.

Чтобы угодить человеку, не требуется многого. Сад на подносе³ может доставить нам удовольствие. Чтобы любоваться пейзажем, не нужно отправляться далеко. Луна, глядящая в окно, может повергнуть нас в восхищение.

Услышав удар колокола в ночной тишине, пробуждаешься от сна, в котором видишь сны⁴. Созерцая отражение луны на глади вод, прозреваешь себя вне себя⁵.

В щебете птиц и жужжании насекомых хранится тайна послания от сердца к сердцу⁶. В красках цветов и узорах трав проступают письма святой правды. Тот, кто предан учению, должен в самом себе постичь движущую силу Неба и душою стать, как чистая яшма, дабы сердцем откликаться каждому существу.

Люди умеют читать книги, состоящие из письмен, и не умеют читать книгу, не имеющую письмен. Им ведомы звуки лютни, имеющей струны, и не ведомы звуки лютни без струн⁷. Если жить мертвой видимостью вещей и не внимать жизни духа, поймешь ли, что такое книга без письмен и лютня без струн?

Сердце, в котором исчезло желание обладать чем-либо, — это бездонные небеса, прояснившиеся после ненастья. Если рядом оказываются лютня или книга, ты попадаешь в Каменные палаты Киноварной горы⁸.

Приятель и незнакомец сходятся на пир и без удержу предаются веселью. Но вдруг иссякает вода в часах, гаснут светильники, рассеиваются благовония и остывает чай, разлитый в чашках. Тогда в душу закрадывается грусть, и пропадает охота веселиться. Вот так мы живем в этом мире. Почему люди не оглянутся на свою жизнь пораньше?

У того, кто постигнет суть вещей, в одном вершке сердца сойдется лунная дымка Пяти озер⁹. Тот, кто прозреет исток всех превращений, заключит в объятия великих мужей всех времен.

Даже горы и реки и вся земля обратятся в прах. Что же говорить о прахе, рожденном от праха?¹⁰ Даже тело во плоти и крови — это тень. Что же говорить о тени, отбрасываемой тенью?¹¹ Если не стяжать высшего знания, не наступит и просветления в сердце.

Жизнь человека — что искра, высеченная из кремня. Как бы ни старался человек светить ярче других, мрак он все равно не рассеет. Мир людей — что рожки улитки¹². Как бы ни боролись за главенство его обитатели, разве дано им обладать вселенной?

Выгоревшая лампада не осветит тьму. Порванная одежда не согреет. И то, и другое — только видимость.

Когда тело подобно высохшему дереву, а сердце — мертвому пеплу, поневоле окажешься в плену пристрастия к пустоте¹³.

Решившись остановиться, остановись не медля. Ведь если ждать благоприятного часа, то и женитьба не уменьшит забот, и уход в монахи не прибавит мудрости. Когда-то один человек сказал: «Хочешь уйти — уходи не мешкая. Если дожидаться до времени, оно никогда не настанет». Вот воистину замечательное суждение!

Если хладнокровно смотреть на горячность, то узнаешь, что поспешность горячных людей бесполезна. Если от суеты обратиться к праздности, то узнаешь, что удовольствие праздной жизни самое прочное.

Тому, кто смотрит на богатство и знатность как на плывущие облака¹⁴, нет нужды скрываться в горных ущельях. Тот, кто не питает слабости к красивым пейзажам, часто во хмелю слагает стихи.

Тот, кто соперничает с другими и полагается на мнение других, не замечает всеобщего опьянения. Тот, кто дорожит бесстрашием и думает только о себе, не сможет стать одиноким трезвенником¹⁵. Говоря о таких людях, Будда учил не связывать себя вещами и не связывать себя пустотой. И тело, и сознание должны быть предоставлены самим себе.

Продолжительность времени определяется нашим восприятием. Размеры пространства обусловлены нашим сознанием. Поэтому, коли дух покоен, один день сравнится с тысячей веков, а коли помыслы широки, крохотная хижина вместит в себя целый мир¹⁶.

Потеряй, а потом потеряй желание потерять¹⁷. Тогда, выращивая цветы и сажая бамбук, станешь другом

Небывалого учителя¹⁸. Забудь то, что уже не забывается. Тогда, возжигая благовония и заваривая чай, не будешь ждать юношу в белых одеждах¹⁹.

Тот, кто умеет быть довольным судьбой, живет в мире блаженных, а тот, кто не умеет, — живет в мире обыкновенных людей. Тот, кто постиг исток всего сущего, несет в мир жизнь, а тот, кому он неведом, несет в мир смерть.

Если тянуться к сильным мира сего и искать покровительства власть имущих, то несчастье навлечешь на себя немалое и грянет оно скоро. Если хранить свой покой и оберегать свою свободу, то наслаждение получишь самое чистое и продлится оно долго.

Вдоль горного ручья, поросшего соснами, пройдишь в одиночестве с посохом в руке. Замрешь и почувствуешь: облака наполнили складки ветхого халата. Подремли с книгой у окна, заросшего бамбуком. Проснешься и увидишь: луна забралась в истертое одеяло.

Страсти обжигают, подобно пламени. Но стоит мелькнуть мысли о болезни, и душа уподобится холодному пеплу. Мечты о славе и наградах сладки, как мед. Но стоит подумать о смерти, и они покажутся безвкусными, как воск. Поэтому тот, кто всегда печалится о смерти и думает о болезнях, сможет отринуть иллюзии и вечно помнить о праведном пути.

Дорога, на которой люди соперничают друг с другом, узка. Отступить на ней один шаг, значит на шаг дать себе больше простора. Густой аромат недолговечен. Стоит сделать его чуть слабее, и он будет устойчивее.

Тот, кто в минуту волнения не поддается суете, несомненно, взрастил чистоту духа в часы покоя. Тот,

кто в свой смертный час не теряет самообладания, несомненно, постиг суть вещей при жизни.

Наслаждаясь уединенной жизнью в лесу, не ведаешь ни славы, ни позора. Идя стезею истины, не ведаешь ни пристрастия, ни отвращения.

Жару в доме не нужно устранять. Устраните раздраженность жарой, и ваше тело будет вечно находиться в прохладных покоях. Бедность не нужно гнать прочь. Прогоните обеспокоенность бедностью, и ваше сердце вечно будет пребывать в чертогах радости и довольства²⁰.

Сделав шаг вперед, подумай, сможешь ли ты отступить. Тогда избежишь участи бодливого барана, чьи рога застряли в стене²¹. Прежде чем начать какое-нибудь дело, прикинь, сможешь ли завершить его. Тогда не уподобишься тому, кто взялся проехать верхом на тигре.

Когда жадному человеку преподносят золото, он недоволен тем, что ему не поднесли яшму, а когда его производят в гуны, негодует на то, что ему не пожаловали титул хоу²². Хотя он могуществен и богат, ему нравится казаться нищим. Тому, кто знает, как жить в довольстве, похлебка из лебеды покажется слаще отборного риса, холщовый халат — теплее лисьей шубы, удел податного человека — завиднее судьбы царедворца.

Обладать славой хуже, чем держаться вдали от нее. Преуспевать в делах хуже, чем пренебрегать ими.

Те, кто жаждут покоя уединения, созерцают «белые облака над далекими вершинами»²³ и проникают в сокровенное²⁴. Те, кто увлечены блеском жизни, любят чарующие песни и соблазнительные танцы и за-

бывают об усталости. Но только мужи, познавшие себя, не жаждут покоя уединения и не увлечены блеском жизни. Они не делают ничего, что вносило бы разлад в их душу.

Взгляни на одинокое облако, вырастающее из горы: что ни предпринимай, а с пути его не свернуть. Взгляни на светлое зеркало, висящее в небе ²⁵: как ни старайся, а с места его не сдвинуть.

Непреходящий вкус таится не в душистых винах, а в горохе и воде. Печальные думы рождаются не в мертвой тишине, а среди звуков свирелей и струн. Надобно знать: густой аромат не продержится долго. Благоухание того, что лишено аромата, — единственно подлинное.

Чаньские наставники учили: «Если тебе хочется есть — ешь. Если тебе хочется спать — спи» ²⁶. О высшем смысле поэзии говорят: «Описывая то, что видишь перед собой, говори обычными словами». Самое возвышенное пребывает в самом обыденном. Самое трудное кроется в самом легком. Тот, кто одержим идеями, далек от истины, а тот, кто не умствует, близок к ней.

Воды реки бегут, не останавливаясь ни на миг, а на берегу не слышно ни звука. Так постигаешь безмолвие среди шума. Горы высоки, а облака минуют их, не встречая преград. Так открываешь тайну погружения в беспредельное.

Горные леса — место возвышенного уединения, но стоит принести туда страсти, и оно уподобится базарной площади или царскому двору. Каллиграфия и живопись — изысканные занятия, но стоит заразиться алчностью, и они уподобятся рыночному торгу. Когда сердце не запачкано, мир желаний — царство блаженных. Когда сердце опутано страстями, страна радости превратится в океан страданий.

Когда живешь в шуме и суете, забываешь даже о том, о чем нетрудно помнить. Когда погружаешься в тишину и покой, вспоминаешь даже то, что забыто за давностью лет. Нельзя не видеть: покой и суетность далеко отстоят друг от друга; помраченность и ясность ума ни в чем друг с другом не сходятся.

Завернувшись в рогожу, спать в горной хижине среди облаков и снегов: так можно сберечь бодрость духа. Осушая чашу вина с листочком бамбука, слушать шум ветра и любоваться луной: так можно отряхнуть от себя прах мира сего.

Знатного вельможу встреча со старцем, живущим в горах, сделает возвышеннее. Рыбаков или дровосеков встреча с именитым царедворцем сделает суетнее. Надобно знать: пышное не одолеет скромное; низменное не поднимется до возвышенного.

Мудрость отрешенности от мира заключена в умении жить в гуще этого мира. Чтобы убежать от света, не нужно рвать с людьми. Правда сердца в том, чтобы предоставить ему свободу. Не нужно подавлять желания и делать сердце подобным «мертвому пеплу».

Это тело всегда находит отдохновение в праздности. Кто может обременить нас почетом или позором, приобретениями или утратами? Это сердце всегда находит удовольствие в покое. Кто может смутить нас истиной или ложью, выгодой или ущербом?

Когда слышишь за бамбуковым пологом лай собак и крики петухов, чувствуешь себя в заоблачной стране²⁷. Когда слышишь за окном кабинета стрекот цикад и карканье ворон, познаешь мир безмолвия.

Если я не хочу славы, зачем мне отказываться от высоких чинов и наград? Если я не желаю карьеры, зачем мне страшиться превратностей службы?

Когда созерцаешь горные леса и бегущие по камням ручьи, сердце, замутненное мирской грязью, постепенно очищается. Когда вчитываешься в древние каноны и разглядываешь картины старинных мастеров, дух мирской пошлости мало-помалу рассеивается. Поэтому благородный муж, хотя и не предаётся легкомысленному любованию вещами, смотрится в мир, как в зеркало, и так исправляет свое сердце.

Весеннее цветение природы слишком волнует душу. Лучше внимать прохладному ветру и белым облакам осеннего дня, когда в воздухе носится аромат орхидей, а вода прозрачна и светла, как небосвод. В такую пору и душа, и тело становятся чище.

Тот, кто, не зная ни одного иероглифа, изведает поэтическое настроение, постиг истинный смысл поэзии. Тот, кто не выучил ни одной гатхи²⁸, но проникся духом чань, познал суть чаньского учения.

Когда сознание деятельно, оно может принять тень от лука за змею, а камень в траве за лежащего тигра²⁹. Все, воспринятое таким образом, не несет в себе жизни. Когда сознание покойно, каменный тигр может преобразиться в морскую чайку³⁰, а кваканье лягушек — в прекрасную музыку. Вот здесь и заключен подлинный исток всех явлений мира.

Пусть тело будет подобным отпущенной с привязи лодке, которая то плывет по течению, то застревает в затонах. Пусть сердце будет подобным засохшему дереву, которому не грозит, что его будут резать ножом или покрывать лаком.

Услыхав пение соловья, люди улыбаются, а услышав кваканье лягушек, морщатся. Когда они видят цветок, им хочется ухаживать за ним, а когда они видят чертополох, им хочется вырвать его. Это значит, что они судят о вещах по их видимому облику. Если смотреть

на все в свете Небесной природы, то какое существо не будет возвещать своим голосом о правде жизни в себе и не будет являть своим обликом красоту жизни?

Горевать о том, что выпадают волосы и редеют зубы, значит верить умиранию обманчивой видимости. Слышать, как поют птицы, и видеть, как распускаются цветы, значит постичь истинную природу всего сущего.

Когда тобой владеют страсти, волны будут вскипать даже на поверхности замерзшего пруда и ты, даже находясь в горах и лесах, не увидишь покоя вокруг тебя. Когда ты взрастил в себе пустоту, удушливая жара тебе будет прохладой и ты, находясь на рынке или при дворе, не услышишь окружающего тебя шума.

Тот, кто много накопил, многого лишится. Поэтому умудренность богача не сравнится с неведением бедняка. Тому, кто взобрался высоко, будет больно падать. Поэтому опытность знатного человека не сравнится с невозмутимостью простолюдина.

Когда читаешь «Книгу Перемен»³¹ у окна в рассветный час, видишь, как роса на соснах вспыхивает каплями киновари³². Когда беседуешь о канонах за столиком в полдень, слышишь, как звуки каменных пластин³³ откликаются шорохом ветра в зарослях бамбука.

Цветок, поставленный в вазу, уже не будет жить. Птица, посаженная в клетку, уже не насладится волей. А вот в горах цветы, как попало растущие на лугу, пленяют своей красотой, а птицы, привольно кружа в небесах, находят в этом неизбывную радость.

Люди в мире не сомневаются в том, что их «я» — это и есть они сами, поэтому они одержимы страстя-

ми и заботами. Когда-то один человек говорил: «Я больше не знаю себя самого. Откуда ж мне знать, в чем ценность вещей?»³⁴ Говорят и так: «Если знать, что это тело — не я, как смогут заботы мной овладеть?» Вот слова, прямо указывающие на истину.

Взгляни на молодость глазами старика, и в тебе поубавится жажда приобретений и побед. Взгляни на сияние славы глазами человека, разбитого болезнью, и тебя оставят мысли о роскошной и красивой жизни.

Превратности судьбы не нужно принимать слишком близко к сердцу. Яофу³⁵ говорил: «Тот, о ком прежде говорили, что это я, ныне уже другой. А я, о котором еще не знают сегодня, станет неизвестно кем в будущем». Тот, кто будет всегда помнить эти слова, сможет освободить свое сердце от всех нут и оков.

Если хотя бы раз оглядеться хладнокровно посреди горячности и суеты, ты избавишь себя от многих горьких раскаяний. Если посреди безразличия и разочарования появится хотя бы одно увлечение, ты познаешь истинный вкус многих вещей.

Если где-то есть счастливая страна, наперекор ей тут же появится страна несчастий. Если есть красивый вид, против него непременно возникнет уродливый пейзаж. Только если довольствоваться обыкновенной пищей и любоваться невидными красотами, можно жить в покое и радости.

Из высокого окна можно видеть, как облачная дымка кутает голубые горы и изумрудные потоки; так постигаешь совершенство мира. В бамбуковой роще можно слышать, как пение птиц приветствует и провожает времена года; так познаешь взаимное забвенье себя и мира³⁶.

Если знать, что успех сулит поражение, то жажда успеха не будет слишком сильной. Если помнить, что все живое смертно, потребность беречь себя не отнимет слишком много сил.

В старину один подвижник сказал: «Тень от бамбука подметает ступени, не сдвигая с места ни пылинки. Лунный луч достигает дна пруда, не оставляя в воде следа»³⁷. Конфуцианский ученый говорил: «Вода течет стремительно, а поток вечно покоен. Цветы опадают так быстро, а в помыслах нет смущения»³⁸. Если люди будут всегда помнить об истине, заключенной в этих словах, ничто не сможет потревожить их покой.

Когда в тишине до слуха доносится шум сосен в лесу и журчание ручья среди камней, постигаешь безыскусную музыку Неба и Земли. Когда видишь луг, утопающий в тумане, и облака, плывущие в воде, словно разворачиваешь живописный свиток природы.

Когда видишь бурьян на руинах цзиньской столицы³⁹, хочется обнажить меч и ринуться на бой. Когда ты зарыт в северном предместье⁴⁰ на съедение лисам, жалко денег, потраченных на похороны. В народе говорят: «Диких зверей можно укротить, человеческое сердце укротить трудно. Глубокое ущелье можно наполнить, человеческое сердце насытить трудно». Этому верится.

Если в сердце не гуляют ветер и волны, то, где бы ты ни был, тебя будут окружать голубые горы и зеленые рощи. Если ты поймешь, что небесная природа все поддерживает и вскармливает, то повсюду вокруг тебя будут плескаться рыбы и парить коршуны.

Если чиновник в высокой шапке и с широким поясом однажды увидит, что простолюдин в соломенной накидке и бамбуковой шляпе живет счастливо, он, верно, ему позавидует. Если богач, восседающий на толстых

коврах и широких подушках, однажды увидит, что ученый, сидящий за грубым столиком под бамбуковым навесом, живет в покое, он, наверное, захочет быть таким же. Для чего же люди «гонят огнем быков и пускают лошадей по воздуху?»⁴¹.

Рыбы резвятся в воде и там забывают друг о друге⁴². Птицы парят на ветру, но не знают, что такое ветер. Поняв это, можно сбросить с себя бремя вещей и до конца дней своих наслаждаться безыскусностью жизни.

Лиса спит в разбитом кувшине, зайцы бегают среди развалин: таким в конце концов станет место, где сегодня поют и пляшут. Роса блестит на пожухлых цветах, туман кутает увядшую траву: так выглядит ныне поле древней битвы. В расцвете и упадке нет постоянства, сила и слабость уходят без следа. Думы об этом могут сделать сердце человека подобным хладному пеплу.

Пусть тебя не смущают награды и унижения. Со спокойным сердцем смотри, как распускаются и опадают цветы в саду. Пусть появление и исчезновение не пробуждают в тебе дум. Безмятежно смотри, как плывут в небесах облака.

В ясную погоду при светлой луне всякой твари небесной вольно летать где угодно, но мотыльки бросаются в огонь свечи. У чистого родника среди зеленой травы вольно есть и пить всякому зверю, а совы кормятся тухлыми мышами. А сколько в мире людей, которые ведут себя подобно глупым мотылькам и совам?

Тот, кто, вступив на плот, думает о том, как сойти с него — прирожденный мудрец⁴³. Тот, кто, сидя верхом на осле, ищет осла, подобен чаньскому наставнику, не познавшему просветления⁴⁴.

Могущественные люди горделивы, как драконы. Честолюбивые люди воинственны, как тигры. Если хладнокровно взглянуть на них, они предстанут муравьями, суесящимися вокруг падали, или мухами, слетевшими на запах крови. Суждения о правде и неправде встают, как рой пчел. Мнения о приобретениях и утратах топорщатся, как иглы ежа. Хладнокровно отнесись к ним, их можно соединить, как металлы сплавляются в плавильном котле или снег растапливается в горячей воде.

Обуздывая желания, познаешь страдание жизни. Полагаясь на естественность, познаешь радость жизни. Когда узнаешь, что в жизни можно страдать, разбиваешь оковы грязных страстей. Когда узнаешь, что в жизни можно радоваться, зеркало мудрости само предстанет воочию. Так познается истинная ценность всех вещей в этом мире.

Да не останется в нашем сердце ни малейшей увлеченности вещами: пусть оно будет подобно огню, растопившему снег, и солнцу, растопившему лед. Да будет простираться перед нашим взором залитый светом необъятный простор: пусть он будет подобен сиянию луны в чистом небе, и волны будут хранить ее отражение.

Поэтическое настроение всего сильнее на мосту Ба-линцяо ⁴⁵. Едва начнешь там декламировать стихи, как лес и горы подхватывают напев. Дикая природа всего очаровательнее на берегах озера Цзинху ⁴⁶. Стоит прийти туда в одиночестве, как горы и потоки в дружеском согласии развертываются перед путником чередой прекрасных видов.

Птица, которая долго томилась на земле, непременно взлетит высоко. Цветок, который распустился первым, непременно рано отцветет. Поняв это, можно не переживать из-за неудач и не стараться всех опередить.

Когда от дерева остается только корень, видишь, что красота его кроны — брэнная слава. Когда человек лежит в гробу, понимаешь, что потомки и богатства — сущие пустяки.

Истинная пустота не пуста. Доверяться видимым образам неправильно. Отворачиваться от видимых образов тоже неправильно. Как же, спрашивается, Учитель мира ⁴⁷ поведал истину? «Будучи в мире, будь вне него. Потворствовать желаниям — страдание. Пресекать желания — тоже страдание». Эти наставления каждый из нас должен претворить в своей жизни.

Человек, жаждущий прослыть бескорыстным, откажется от владения царством с тысячью колесницами, а скряга будет биться за один медяк. Эти двое далеки друг от друга, как звезды от земных глубин, но страсть первого к славе не отличается от любви второго к богатству. Сын Неба погружен в заботы о государстве, нищий выпрашивает чашку похлебки. По своему положению они далеки друг от друга, как облака в небе и грязь на земле, но чем отличается волнение в мыслях от волнения в голосе?

Если сполна изведать сладость и горечь этого мира, то, какие бы бури ни бушевали вокруг, ты и бровью не поведешь. Если до конца проникнуть в человеческое сердце, то, даже если тебя назовут быком или лошастью ⁴⁸, ты будешь в ответ кивать головой.

В наше время люди всячески стараются устранить поток мыслей. Но в конце концов мысли устранить невозможно. Нужно лишь не держаться за прежние мысли, не стремиться навстречу мыслям приходящим, а постоянно продлевать свое настоящее. Тогда сам собою постепенно войдешь в царство Вечного Отсутствия ⁴⁹.

Когда мысли сами собой находят отклик в сердце, мы словно живем среди благоухающего сада. Только

та вещь подлинна, которая соответствует своему естеству. Стоит попытаться хотя бы немного улучшить то, что нас восхищает, и все очарование погибнет. Почтенный Бо⁵⁰ говорил: «Мысли доставляют удовольствие, когда они приходят внезапно. Ветер становится чист, когда он вольно гуляет на просторе».

Возвращать своей природе изначальную чистоту — все равно что есть, когда ты голоден, и пить, когда ты мучим жаждой. Так ты укрепишь и тело, и разум. Если же сердце погрязло в заблуждениях, то, даже рассуждая о сосредоточении и распевая гатхи⁵¹, ты будешь понапрасну расточать силы.

В сердце человека есть мир подлинного. В нем не слышишь звуков свирелей и струн, но всегда царит радость. В нем не обоняешь ароматы курительных свеч и чая, но всегда разлито чистое благоухание. Очисти разум и отрешись от вещей, забудь о мыслях и предоставь телу свободу — тогда сможешь туда проникнуть.

Золото добывают из руды. Яшму извлекают из камней. Не будь обманчивой видимости, было бы невозможно искать правду. Истину находят в кувшине с вином, блаженных встречают среди полевых цветов⁵². Даже самое возвышенное нельзя отделить от обыденного.

В мире десять тысяч вещей, в человеческой душе десять тысяч чувств, на земле десять тысяч дел. Если смотреть на них помраченным оком, они предстанут бессмысленной путаницей. А если смотреть на них прозревшим оком, во всем обнаружится незыблемый порядок. К чему беспокоиться о различиях? К чему выбирать да выгадывать?

Когда в душе царит безмятежность, то, даже кутаясь в холстину, вбираешь в себя жизненное дыхание Неба и Земли. Когда в сердце царит довольство, то, даже питаясь отрубями, знаешь подлинный вкус жизни.

Обремененность вещами и свобода от вещей коренятся в нашем сердце. Для прозревшего правду даже лавка мясника и придорожная харчевня — все равно что царство Чистой Земли⁵³. Не изведавший прозрения, даже окружая себя лютиками и журавлями, цветами и травами, не вырвет демонов из своего сердца. Одно изречение гласит: «Для того, кто прозрел истину, мир пыли — все равно что мир воистину существующего. Тот, кто не прозрел истину, даже уйдя в монахи, не отличается от мирянина». Верьте этим словам.

Если отрешиться от всех забот, то в убогой келье словно появятся расписные потолки с плывущими облаками и жемчужные занавеси протянутся, точно струи дождя. Если после третьей чары постигаешь смысл этой жизни, только и знаешь, что перебирать струны, осязая лунный свет, да пением свирели вторить шепчущему ветру.

Когда постигаешь безмолвие всех голосов, донесшийся до слуха щебет птицы рождает в душе ощущение недостижимой глубины. Когда мыслями пребываешь в пустыне, попавшийся на глаза свежий стебель заставляет поверить в беспредельную силу жизни. Нельзя не видеть: природа, данная нам небесами, не выносит оцепенения; нечаянная встреча более всего взбадривает наш дух.

Почтенный Бо говорил: «Лучше скрытно доверяться созидательной силе Небес, чем уповать на собственное своеволие»⁵⁴. Почтенный Чао говорил: «Лучше держаться постоянства пустоты, чем связывать свое тело и разум»⁵⁵. Тот, кто распушен, скатится к сумасбродству. Тот, кто пытается сдержать себя, закоснеет. Только тот, кто умеет воспитывать и тело и дух, может, не теряя самообладания, предоставить и стесненности и распушенности быть самим по себе.

В снежную ночь при ясной луне сердце становится чистым. С весенним ветром, в теплую погоду в

душе воцаряется мир. Жизнь природы и человеческий дух слиты неразделимо.

В словесности преуспеваешь благодаря безыскусности. В служении правде делаешь успехи благодаря безыскусности. В слове «безыскусность» заключен глубочайший смысл. «В деревне Персикового источника лаяли собаки, и среди тутовых деревьев кричали петухи»⁵⁶. Что может быть прелестнее этой картины? А когда мы доходим до изощренных фраз, вроде «луна в замерзшем пруду» или «голубь на засохшем дереве», мы словно наталкиваемся на безжизненную пустоту.

Когда вещи служат нам, мы равнодушны к приобретениям, не огорчаемся из-за неудач и всегда свободны душой. Когда мы сами служим вещам, мы гневаемся из-за неурядиц, любим, когда нам угождают, и связаны путами с ног до головы.

Если понять, что высшая истина пуста, то и все явления окажутся пустыми. Отвергать явления и держаться за «истинно-сущее» — все равно что отворачиваться от тени и признавать телесную форму. Когда сознание пусто, то и внешний мир пуст. Отвергать мир, но признавать образы, существующие в сознании, — все равно что собирать падаль и отгонять мух.

Отшельник в горах чист душой и все делает в свое удовольствие. Поэтому за вином он без усилия весел, в шахматной партии без борьбы побеждает, на флейте исполнит чарующую мелодию без знания музыкальных ладов, на лютне возьмет возвышенный аккорд, не зная порядка струн. Не уславливаясь о встрече заранее, он радушно встретит и проводит гостя. Стараясь соблюсти в его обществе обычные правила вежливости, чувствуешь себя погрязшим в мирской суете.

Заболеть и лишь после этого счесть здоровье сокровищем, окунуться в хлопоты и лишь после этого счесть покой счастьем — это не назовешь проницатель-

ностью. Жить в счастье и знать, что оно корень несчастья, держаться за жизнь и знать, что в ней причина смерти, — вот дальновидное мнение.

Актеры покрывают лица пудрой и раскрашивают их красками, изображая красавцев и уродов. Но когда представление окончено и сцена пустеет, где пребывать красоте и уродству? Игроки в шахматы стремятся к победе, разменивая одну за другой свои фигуры. Но когда все фигуры разменены, что станет с соперниками?

Очарование цветов, раскачиваемых ветром, и чистота снегов, озаряемых луной, понятны только людям, отрешившимся от мирской суеты. Прелесть свежей листвы и обнаженных ветвей над ручьем, красоту молодых побегов и старых стволов бамбука среди камней могут оценить лишь те, кто не ведают суетности.

Когда с простым крестьянином заговоришь о курятине и непроцеженном вине, он радостно подхватывает разговор. Когда его спросишь об изысканных яствах, он ничего не понимает. Если спросить его о халате, подбитом ватой, и грубой поддевке, он с готовностью отвечает. А спросишь об одеянии вельможи — он о нем и не ведает. Его натура целостна, поэтому желания его не идут далеко. Вот что самое возвышенное в человеческой жизни.

Сердце не есть то, чем оно является. Что же в нем созерцать? ⁵⁷. Будда говорил, что тот, кто занимается созерцанием своего сердца, воздвигает себе лишние преграды. Все вещи, по сути, — одна вещь. Зачем же доказывать их равенство? Чжуан-цзы говорил, что тот, кто рассуждает о равенстве вещей, разбивает их единство ⁵⁸.

Заслышав громкие звуки музыки и разгульные песни, бегу от них прочь, прикрываясь рукавом. Завидую прозревшему человеку, которому нипочем стра-

сти мира. На исходе суток, в полночный час брожу без усталости в темноте, сокрушаясь о том, что род людской ввергнут в океан страданий.

Когда в душе нет твердости, отвернись от красок и звуков мира, дабы мирские соблазны не смущали сердце. Когда в душе появится стойкость, окунись в скверну мира, дабы сердце знало мирские соблазны и не смущалось ими.

Тот, кто привержен молчанию и не выносит шума, избегает людей и стремится к покою. Он не понимает, что желание не быть с людьми создает обманчивую идею подлинности своего «я», а стремление к покою лишь рождает душевное волнение. Как же ему постичь мир подлинного, где «другие» и «я» суть одно, а движение и покой равно забыты?

Жизнь в горах наполняет нас чистой радостью, и каждая вещь рождает возвышенные думы. Вид одинокого облака и дикого журавля заставляет задуматься о недостижимом и беспредельном. Встретив камень, омываемый быстрым потоком, мечтаешь о белоснежной чистоте. Прикасаясь к старому можжевеловому или замерзшей сливе, думаешь о несокрушимой стойкости. Дружа с чайками и оленями, невольно забываешь о своем «я». Но стоит только войти в суетный мир, и все вокруг тотчас будет увлекать вас в пучину опасностей и тревог.

Когда чувства созвучны природе, гуляешь босиком по душистой траве и дикие птицы в твоём присутствии забывают об осторожности. Когда сердце откликается пейзажу, сидишь в запахнутом халате среди опадающих цветов и белые облака ведут с тобой безмолвный разговор.

Все радости и несчастья людей созданы их собственными мыслями. Поэтому Будда говорил: «Страсти

горят в душе, как печь огненная». Трясина алчности и вожделения — океан страданий. Одна мысль о чистоте превращает пылающий костер в прохладный пруд. Одна мысль о прозрении — это лодка, переправляющая нас на «другой берег». К расхождению в помыслах, к различию состояний духа, к разнице в понимании вещей невозможно относиться небрежно и легкомысленно.

Веревка, которой тянут ведро из колодца, перетрет колодезный сруб. Вода по капле точит камень. Те, кто хотят познать истину, должны быть упорны. Вода сама находит себе дорогу. Созревший плод сам падает наземь. Те, кто обрели истину, следуют лишь зову естества.

Когда разум приходит к покою, начинаешь ценить свет луны и дуновение ветра и понимаешь, что в заботах мирской жизни нет необходимости. Когда в сердце своем ты далек от мирской суеты и ты не чувствуешь потребности красоваться перед людьми, зачем тосковать по безлюдным горам?

Когда цветы опадают, обнажаются скрытые в них семена. Когда наступают холода, летящая зола предвещает возвращение теплых дней. Жизнь всегда одолеет увядание и смерть. Кто это поймет, постигнет душу Неба и Земли.

После дождя в горном пейзаже открываешь новую красоту. В ночной тишине звук колокола особенно чист.

Когда восходишь на высоты, на сердце становится легко. Когда стоишь над рекой, мысли уносятся далеко. Когда читаешь книгу в снежную ночь, душа очищается. Когда напеваешь мелодию на вершине холма, чувствуешь прилив сил.

Если в сердце просторно, на гору золотых будешь смотреть, как на глиняный кувшин. Если в сердце тесно, каждый волосок будет казаться огромным как тележная ось.

Вне ветра и луны, ив и цветов нет созидательной силы природы. Вне чувств и желаний нет жизни сердца. Нужно только чтобы вещи служили нам, а не мы им служили. Тогда всякое желание будет исходить от нашего естества, всякое чувство будет в согласии с истиной.

Тот, кто постиг в себе самого себя, может предоставить вещам быть тем, что они есть. Тот, кто возвратил Поднебесную Поднебесной⁵⁹, может пребывать вне мира, находясь в этом мире.

У человека праздного досужие мысли воруют жизнь. В человеке суетливом истинная природа не в силах проявить себя. Поэтому добродетельный муж не может не ведать страданий тела и души и не может не быть вольным, как ветер и луна.

Среди суеты человеческое сердце часто теряет свою непосредственность. Отрешись от мыслей, обрети покой — и ты будешь плыть вместе с облаками в небе, очищаться от пыли под струями дождя, радоваться, слушая пение птиц, и прозревать свое естество, созерцая опадающие цветы. Тогда для тебя не останется места, где бы не было дао, и не будет вещи, в которой не проявлялась бы вечная сила жизни.

Когда рождается ребенок, жизнь матери в опасности. Если ты скопил много денег, к тебе залезут воры. Нет радости, которая не сулила бы огорчений. Бедность научит воздержанию, болезнь — заботе о здоровье. Нет несчастья, которое не предвещало бы радости. Поэтому постигший истину человек не отделяет радость от огорчения, но забывает и о том, и о другом.

Если твой слух уподобится ущелью, которое вбирает в себя всякий ветер и никогда не задерживает его, то «истинное» и «ложное» перестанут существовать для тебя. Если твое сознание уподобится озаренному лунным светом пруду, который отражает все образы и ничего не удерживает, ты забудешь и о других, и о себе.

Обыкновенные люди опутаны мыслями о славе и выгоде, но в один голос клянут этот мир «грязным светом» и «океаном страданий». Им неведомы ни белизна облаков, ни синева гор, ни проворство ручья, ни твердость камня. Они не знают, как цветы улыбаются птичьему щебету, а долины подхватывают песни дровосеков. Они не знают, что мир не грязен и в океане жизни нет страданий, а лишь их собственное сердце покрыто грязью и отягощено заботами.

Созерцать наполовину раскрывшиеся цветы, а за чашей вина лишь слегка захмелеть доставляет удовольствие. Вид осыпающихся цветов и разнузданного пьянства неприятен. Ко всему законченному и доведенному до предела нельзя не относиться настороженно.

Горные травы никто нарочно не поливает. Диких птиц никто нарочно не кормит. Но на вкус они душисты и нежны. Когда мы научимся не связывать себя условностями светской жизни, разве не очистимся мы и от ее зловония?

Прежде чем растить цветы и сажать бамбук, любоваться журавлями и наблюдать за рыбами, сначала обрети в себе покой. А если просто переселиться в красивую местность, окружить себя прелестными вещами, судить понаслышке о конфуцианской мудрости и твердить со слов Будды о пустоте всего сущего, то что же тут изысканного?

Мужи горных лесов терпят лишения, но без усилий предаются возвышенным думам. Крестьяне, ра-

ботающие в поле, грубы и неотесанны, но не теряют природной непосредственности. Лучше умереть в глуши, сохранив чистоту духа и тела, чем потерять себя в обществе рыночных торговцев.

Непредназначенное тебе счастье, необоснованное приобретение, не уготовленная творцом всего сущего удача — это все западни, расставленные миром для людей. Если, натываясь на них, не задираешь кверху нос, непременно их обойдешь.

Наша жизнь, в сущности, кукольное представление. Нужно лишь держать нити в своих руках, не спутывать их, двигать ими по своей воле и самому решать, когда идти, а когда стоять, не позволять дергать за них другим, и тогда ты вознесешься над сценой.

Каждое совершенное нами дело наносит нам ущерб, оттого в Поднебесной не-делание всегда почиталось за счастье. Когда-то один человек сказал в своих стихах: «Дав совет государю, не проси себе знатный титул. Победа в одном сражении дается ценою гибели тысяч людей»⁶⁰. Говорится также: «Если в Поднебесной царит вечный мир, не жаль, коли в ножнах заржавеют мечи». Помните об этих словах, и тогда воинственные настроения в мире сами собой растают, как лед на солнце.

Похотливая женщина из-за любви к мужчинам становится монахиней. Пылкий человек из-за своей запальчивости уходит в монастырь. В благопристойном доме часто гнездится блуд и распутство. Так уж устроен мир.

Если среди вздымающихся до небес волн люди, сидящие в одной лодке, сохраняют спокойствие, то и те, кто оказались за бортом, не потеряют самообладания. Если среди веселья и довольства люди, сидящие за одним столом, кричат и бранятся, то и все вокруг по-

теряют стыд. Хотя благородный муж не чурается обыденных дел, сердцем он странствует вне людских путей.

Немного сократить человеческую жизнь — значит немного стать свободней от мира. К примеру, сократив свои визиты, сможешь избавиться от лишних волнений. Если будешь реже говорить, будешь реже ошибаться. Если будешь меньше размышлять, меньше будешь тратить душевных сил. Если обуздаешь свой рассудок, сможешь вернуться к первоизданной полноте жизни. Тот, кто хочет, чтобы дни были не короче, а длиннее, тот поистине навлекает на себя лишнюю обузу.

Морозу и жаре в природе противостоять легко, а горячность и холодность в человеке искоренить трудно. Даже если искоренить горячность и холодность в человеке легко, трудно устранить лед и пламя в собственном сердце. Когда устранишь лед и пламя внутри себя, не будешь знать недовольства и весна станет твоей вечной спутницей.

Не обязательно держать в доме лучший чай, но чайник не должен стоять без дела. Не обязательно искать свежее вино, но кувшин не должен быть пуст. Неукрашенная лютия, даже не имея струн, рождает гармонию⁶¹. Пастушья дудка, даже не имея отверстий, исторгает сладостный напев. Если тебе трудно превзойти Фу Си, ты можешь стать товарищем Цзи Кана и Жуань Цзи.

Буддисты говорят о зависимом характере существования⁶². Конфуцианцы толкуют об удовлетворенности своим положением⁶³. Эти принципы есть тот челн, на котором мы переправляемся через океан этой жизни. Путь наш необозрим. Если мы захотим заранее его высчитать, мы ввергнем себя в бесконечный хаос мыслей. Если мы будем спокойно принимать все, что с нами происходит, мы непременно доберемся до берега.

НАДПИСЬ К КНИГЕ «ВКУС КОРНЕЙ»

Тому, кто порвал узы света и избрал стезю одиноких, кто живет затворником в камышовой хижине, радостна встреча с понимающими мужами и не доставит радости общение с людьми чужими. Он не станет попусту спорить о книгах древних мудрецов, но не сочтет пустой жизнь в обществе простых людей среди волшебных красот облачных гор. На лоне вод и посреди зеленых долин он будет внимать напевам пахарей и рыбаков, но не пустит в свое сердце алчность и гордыню, не попадет в тенеты пагубных страстей. Так, держась вдали от многословных речей и изощренных рассуждений, он проживет свой век в довольстве.

Мой друг Хун Цзычэн принес мне свою книгу «Вкус корней» и попросил меня сделать к ней надпись. Сначала у меня не было желания ее читать. Но вот когда мне удалось отрешиться от суетных забот, я взял ее в руки и понял, что она прямо указывает на сокровенную истину жизни и открывает глубочайшие таинства человека. Слова ее не из тех досужих речей, что влетают в ухо, чтобы тут же слететь с языка. Для мира они подобны целительному уколу иглы, и они заставляют людей очнуться от сна. Название же книге дано: «Корни овощей». Видно, что писана она так же усердно и заботливо, как растят овощи в огороде. Почтенный Хун говорил: «Небо обременило меня немощью тела, а я поборю ее вольностью сердца. Небо послало мне тяжкие испытания, а я преодолею их, храня верностью возвышенной правде». Он черпал силы в невзгодах: вот о чем нельзя не задуматься. Пусть знают все: в корнях овощей таится истинный вкус!

Писал Юй Кунцзянь

**АФОРИЗМЫ
СЮЙ СЮЭМО
И ЧЭНЬ ЦЗИЖУ**

Сюй Сюэмо

**ИЗБРАННЫЕ АФОРИЗМЫ ИЗ КНИГИ
«НАЗИДАТЕЛЬНЫЕ РЕЧИ
ИЗ САДА ВОЗВРАЩЕНИЯ К СУЩЕМУ»**

Несчастья, причиняемые наводнениями, пожарами и разбойниками, обрушиваются первым делом на бедных. Беды, навлекаемые суетностью и тщеславием, обычно преследуют знатных и богатых.

Даже знатнейший из мужей государства раз в жизни получает унижительное извещение — когда его отсылают в родную деревню¹. Даже недостойнейший из простолюдинов раз в жизни удостоивается похвального слова — когда он возвращается в землю.

Если человек не умеет размышлять, то даже если он прочтет гору книг, он заслуживает лишь, чтобы его звали книжным шкафом. Если человек не очистился душой, то, даже если он заучит весь буддийский канон, он будет подобен деревянному идолу.

Человеку скрытному и молчаливому нельзя верить заветные мысли. С человеком злым и самовлюбленным нужно держать язык за зубами.

В загробном царстве не нуждаются в одежде и пище, но человек, лежащий на смертном одре, все еще обуреваем заботами. В глухой деревне чины и титулы не имеют значения, но чиновники, уволенные со службы, все еще толкуют о государственных делах.

Мужчина сильнее женщины, но перед сварливой женой у него опускаются руки. Родители внушают больше уважения, чем их дети, но перед непослушными детьми они теряют достоинство.

Бессребреников повсюду считают глупцами — вот отчего в мире так много мошенников. Неуступчивых людей повсюду считают тупицами — вот отчего при дворе так много льстецов.

Безыскусное сочинение подобно изделию из полированного сандала, подчеркивающему естественные свойства дерева. Высокопарные подражания в литературе подобны лакированной посуде, которая ярко блестит, но дурно пахнет.

Упражняться в совершении добрых дел нужно одному. Вот почему люди сами становятся добрыми. Чтобы творить зло, нужно находиться в сговоре. Вот почему грабитель всегда берет себе сообщника.

Бывает, что голод и нужда заставят возвышенного мужа просить помощи, но он сделает это с достоинством. В безвыходном положении погибали даже мудрейшие из мужей, но они оставляли о себе вечную память.

Когда жена скорбит о своем муже и муж скорбит вместе с ней, ее скорбь утихнет. Когда жена гневается на своего мужа и тот отвечает ей тем же, ее гнев разгорится еще пуще.

Тот, кто напускает на себя грозный вид, похож на взрослого, который пугает ребенка маской демона: стоит ему отвернуться, и он уже не будет страшен. Тот, кто разыгрывает скромность, похож на певичку, которая отказывается от угощения на людях, а придя домой, с жадностью набрасывается на еду.

Одни отказываются от крупных даров, но с радостью принимают ничтожные подачки: полевая мышь ворует сообразно своим аппетитам. Другие поначалу от всего отказываются, а потом забирают сразу много: старый тигр настигает добычу с одного прыжка.

Если одной рукой казнить преступника, а другой рукой преступника укрывать, то на месте казненного злодея появится еще один. Если сегодня карать блуд, а завтра подглядывать за блудливой женой, то одна блудница понесет кару, а другая блудница будет сеять разврат.

Слишком строгие законы напоминают чересчур натянутые струны, на которых еще можно играть. Слишком мягкие законы напоминают вконец распущенные струны, из которых уже невозможно извлечь звук.

Мужчина любит женщин, как путник, мучимый жаждой, тянется к воде. Оттого, удовлетворив страсть, он теряет интерес к предмету своих вожделений. Женщина любит мужчину, как путник, томимый жарой, стремится к прохладе. Оттого, даже достигнув желаемого, она не пресыщается любовью.

Глупый сын хуже, чем сын-гуляка, потому что он никогда не изменится к лучшему. Посредственность на государственной службе хуже плута, потому что он тянет вниз и других.

Слишком начитанный человек дуреет от книг. Стоит спросить его совета, и он ответит заемными словами.

Тот, кто изменяется в лице при виде десяти золотых, не может управлять даже маленьким городком. Тот, кто изменяется в лице при виде сотни золотых, не может вести за собой войско.

Скряга может скопить огромное богатство. Но случись с ним несчастье, и он будет как мышь, раздавленная на улице. Человек с широкой душой может разориться. Но даже если с ним случится несчастье, он будет похож на сороконожку, лишившуюся лишь нескольких ног.

Тот, кто учится с мыслью о карьере и славе, может провести невежду, но не сможет обмануть ученое общество. Тот, кто пишет стихи из тщеславия, может вызвать восхищение юнца, но не удостоится похвалы умудренного старца.

Если вы встретите человека, который смотрит в одну точку, значит он повредился в уме. Если вы встретите человека, одержимого одной идеей, значит он способен на подлость.

Буйный нрав может скрывать алчность. Уступчивость в обращении может скрывать безнравственность.

Богач, поддерживая знакомство с бедняком, может прославиться. Бедняк, поддерживая знакомство с богачом, может разбогатеть.

Скромность — большая добродетель, но чрезмерная скромность превращается в хитрость. Молчаливость — прекрасная черта характера. Но чрезмерная молчаливость выдает коварство.

Зависть страшнее среди богатых, чем среди бедных. Ненависть порой бывает сильнее среди братьев, чем среди посторонних людей.

Лучше хвалить человека не в его присутствии — такая похвала для каждого всего дороже.

Богатство и знатность не бегут за возвышенным мужем, потому что он сам не бежит за ними. Удача и слава непременно придут к людям целеустремленным, потому что они бьются за них, словно воины, прижатые к реке.

Лучше кормить людей зерном, чем потчевать их словами.

Чэнь Цзижу

ИЗБРАННЫЕ АФОРИЗМЫ ИЗ КНИГИ

«СКАЖУ ЛИ, КАК ПОДОБАЕТ СТАРШЕМУ?»

Посиди покойно, и ты поймешь, сколь суетны повседневные заботы. Помолчи немного, и ты поймешь, сколь пусты повседневные речи. Откажись от обычных хлопот, и ты поймешь, как много сил люди растрачивают зря. Затвори свои ворота, и ты поймешь, как обременительны узы знакомств. Имей мало желаний, и ты поймешь, почему столь многочисленны болезни рода людского. Будь человечнее, и ты поймешь, как бездушны обыкновенные люди.

Добродетель мужчины — его талант. Бесталанность женщины — ее добродетель.

Государственный муж должен печалиться о государстве в мыслях, но не должен изрекать слов, рождающих печаль в государстве.

Оценивая заурядного человека, смотри, как справляется он с большими делами. Оценивая выдающегося человека, смотри, насколько внимателен он к мелочам.

В управлении государством есть два правила: в моменты опасности будь невозмутим, в спокойное время будь осмотрителен.

Тот, кто, услышав доброе слово о человеке, не верит ему, а услышав о человеке плохое слово, подхватывает его, весь начинен ядом.

Я не знаю, что такое добро. То, что люди ценят во мне, и есть мои достоинства. Я не знаю, что такое зло. То, что люди не любят во мне, — вот это и есть мои пороки.

В ясный день люди чувствуют прилив бодрости и птицы весело поют в небесах. В ненастную пору птицы прячутся на деревьях, а люди сидят взаперти и тоскуют. Благородный же муж внемлет лишь великому согласию изначальной жизненной силы ².

Человек покорит даже небо. Если его воля сосредоточена, а дух деятелен, то ни судьба, ни знамения не имеют над ним власти.

Низкий человек домогается милостей других, а добившись желаемого, не чувствует благодарности. Благородный муж не принимает легкомысленно милостей от других, а приняв их, всегда помнит об оказанной ему услуге.

Когда вода прибывает, появляются дамбы. Когда тыква созревает, опадают листья. В этих словах — весь смысл жизни.

Медицина спасает человеческие жизни, но в руках невежды губит людей. Воины лишают людей жизни, но в руках мудрого возвращают людям жизнь.

Слова одухотворенных людей утонченны ³. Слова мудрых людей просты. Слова достойных людей ясны. Речи заурядных людей многословны. Речи низких людей суетны.

Люди строят высокие залы и носят роскошные одежды, полагая, что они прибавляют нечто к тому, чем они являются. Но чем выше кровля, тем дальше отстоит она от наших голов, и чем богаче одежда, тем дальше отстоит она от наших тел. Для кого же мы живем: для других или для себя?

Юноши, непочтительные к старшим, часто умирают преждевременно. Коль скоро они не ценят старость, зачем Небу давать им долгую жизнь?

Если человек в течение дня услышит одно доброе слово, увидит один добрый поступок и сделает одно доброе дело, он проживет этот день не напрасно.

Тот, кто в покое созерцает течение мыслей, подобен хозяину, принимающему в главной зале дома гостей: он лишь непроизвольно откликается на воздействие извне.

У того, кто всегда утверждает, что он прав, сердце зачерствело, а дух размягчился.

Не прощайте вашим слугам, если они обидели чужого человека. Прощайте вашим слугам, если они обидели вас.

Человека узнать нелегко. Но тот, кого легко узнать, не стоит того, чтобы с ним знаться.

Тот, кто собирает добрые наставления, подобен торговцу, который откладывает каждый медяк и в конце концов становится богачом.

Когда сознание влечется за вещами, это называется помрачением. Когда сознание следует должному, это называется просветлением.

Конфуцианцы и буддисты спорят друг с другом потому, что конфуцианцы не читают буддийских книг, а буддисты не читают конфуцианских книг. И те, и другие судят о том, чего они не знают.

Человек не должен быть снисходительным к себе и не должен требовать от других, чтобы они были снисходительными к нему.

Нельзя не искать правду, но нельзя действовать именем правды. Нельзя жить законами этого мира, но нельзя отворачиваться от жизни в этом мире.

Встречаясь с человеком богатым и знатным, нетрудно быть вежливым, а трудно быть радушным. Встречаясь с человеком бедным и сирым, нетрудно быть милостивым, а трудно быть вежливым.

Запрись в своем доме — и ты словно переносишься в далекие горы. Раскрой книгу — и ты словно попадаешь в царство Чистой Земли ⁴.

Читая книги, приходится терпеть ошибки печатников, подобно тому, как, поднимаясь в гору, приходится терпеть крутую тропинку, идя по снегу, приходится терпеть скользкий мостик, а живя в праздности, приходится терпеть пошлые речи.

ПРИМЕЧАНИЯ

Язык сердца: афоризм и китайская традиция

¹ Специальная литература о восточной афористике ограничивается одним-двумя названиями. См., например: Древнеиндийские афоризмы. Составление, перевод и предисловие А. Я. Сыркина М., 1975. Афористическое наследие Востока рассматривается также в книге: Федоренко Н. Т. Меткость слова (Афоризм как жанр словесного искусства). М., 1975. Опыт классификации афоризмов по лингвистическим признакам содержится в кандидатской диссертации М. Н. Еленевской. См. *Еленевская М. Н.* Структура и функции афоризма. Автореферат диссертации. Л., 1983.

² Цит. по: *Ито Кокан.* Дзэн то коан (Дзэн и коаны). Токио, 1970, с. 2.

³ Индивидуалистические тенденции в китайской культуре позднего средневековья не следует смешивать с формами индивидуализма (либерального, нигилистического и проч.), присущими европейской цивилизации Нового времени. Индивидуализм в старом Китае имел, скорее, элитарную и эстетическую природу и находил свое завершение в мотиве космизма человека и самопреодоления индивидуальности. Положительного вклада в развитие политических институтов он, по существу, не внес. Показателен пример того же Ли Чжи, у которого проповедь индивидуализма оборачивается утверждением права «просветленных мужей» на неограниченную диктатуру.

⁴ *Marias. J.* Philosophic Truth and the Metaphoric System.— Interpretation: The Poetry of Meaning. N. Y., 1967, с. 53.

⁵ Для обозначения такого состояния «свернутости» метафоры или внутренней, как бы вертикальной ассоциативной связи между элементами метафорического процесса Р. Алло предлагает пользоваться термином «анафора»: *Alleau. R.* La science des symboles. P., 1977, с. 122.

⁶ *Nietzsche. F.* Jenseits von Gut und Böse. Leipzig, 1895, с. 273.

⁷ В русской литературе выдающимся мастером такого слова был Розанов, который, по его собственным словам, ощущал себя «живущим с неправдой».

⁸ *Gombrich. E.* Art and Illusion. N. Y., 1960, с. 210.

⁹ *Schipper. K. M.* Le corps taoïste. P., 1982, с. 117.

¹⁰ О понятии «промежуток» в даосской философии см.: *В. В. Малявин.* Чжуан-цзы. М., 1985, с. 103. В последние годы появилась обширная японская литература, посвященная категории цзянь (яп. «ма») в культурной традиции Дальнего Востока. См. Нихондзин то «ма» (Японцы и «ма»). Токио, 1981; *Pilgrim. R. B.* Intervals (Ma) in Space and Time.— «History of Religions», vol. 25, 1986, № 3. Видно, и этот аспект китайской традиции европейцы снова — в который раз! — откроют через посредничество Японии.

¹¹ Цит. по: *Судзуки Дайсэцу*. Чань юй шэнхо (Чань и жизнь). Тайбэй, 1972, с. 137.

¹² Об оппозиции «говорения» и «поедания» на примере творчества Л. Кэролла см. *G. Deleuze*. *Logique du sens*. P., 1969, с. 36.

¹³ *Wang J. Ching-yu*. *Chin Sheng-t'an*. N. Y., 1972, с. 42.

¹⁴ Данный тезис наиболее подробно обоснован Р. Хегелем. См.: *Hegel R.* *The Novel in 17th Century China*. N. Y., 1981.

¹⁵ *Wang J. Ching-yu*, ук. соч., с. 27.

¹⁶ Цит. по: *Siren O.* *The Chinese on the Art of Painting*. N. Y., 1963, с. 167.

Из «Гуань Инь-цзы»

Данное апокрифическое сочинение приписывается начальнику пограничной заставы, которому, согласно легенде, родоначальник даосизма Лао-цзы вручил свою книгу «Даодэцзин», покидая Китай и направляясь в страны Западного края. Древние источники упоминают Гуань Инь-цзы в числе прочих даосских философов и даже приводят его отдельные высказывания. Но даже если трактат «Гуань Инь-цзы» действительно существовал в древности, он был впоследствии утерян. Нынешний текст «Гуань Инь-цзы» — по стилю и содержанию, несомненно, позднейшего происхождения — традиция относит к эпохе Тан и Пяти династий (VII—X вв.). Ссылки на эту книгу в китайской литературе появляются с XII в., а в XIII в. появились и первые комментарии на нее. По всей видимости, «Гуань Инь-цзы» в его дошедшем до нашего времени виде сложился в X в. Перевод избранных изречений осуществлен по тексту, изданному в серии «Сыбу бэйяо» (Шанхай, 1936 г.).

¹ Как было отмечено во вступительной статье, термин «помраченность» (мин) имеет отношение к самоскрывающейся природе просветленного сознания, которое интимно удостоверяет свою подлинность в акте самопреодоления. «Помраченность» в даосской литературе обозначает творческое начало мироздания как разрыв в длительности сознания, который не имеет опытного содержания, но делает возможным всякий опыт. Она соответствует первичному, имплицитному пониманию, «не-знанию» дао, которое не требует выражения и заявляет о себе в аномальной или, по-китайски, без-умственно безумной «осмысленной речи», в псевдовыразительных фигурах иронии и смеха.

² В оригинале употреблено словосочетание *и си*, означающее буквально «один перерыв». Речь идет о реальности как длящемся отсутствии — безусловном, не подготавливаемом прошлым опытом и отрицающем актуальное состояние моменте чистого творчества. Отметим, что знак *си* означает также дыхание, веяние.

³ В оригинале употреблен знак *мин*, переведенный выше словом «помраченность». Небытие в данном случае не имеет ничего общего с ничто как антитезой сущему. Оно представляет собой скорее вездесущую ускользаемость, которая отличается эстетическим и рефлексивным характером.

⁴ Цинь — один из древних струнных инструментов в Китае.

⁵ В книге древнего даосского философа Чжуан-цзы данная фраза приводится в качестве характеристики учения Лао-цзы, считающегося родоначальником даосской традиции.

⁶ Великая Чистота — одна из распространенных в древней китайской литературе даосских метафор дао как единения сознания и бытия в акте самовосполнения природы.

⁷ Восемь пустынь — весь земной мир.

⁸ Словом «воля» передан здесь термин *и*, имеющий широкий спектр значений: «смысл», «намерение», «ум» и т. д. В даосской традиции данный термин является распространенным обозначением природы дао как единения мышления и бытия, свободы и судьбы; жизненного импульса, динамизма бытия, выявляемого в «помраченности» дао-сознания. Примечательны часто встречающиеся в китайских текстах на эстетические и религиозно-философские темы словосочетания *шэи и* — «жизненная устремленность», *ю и* — «недостижимо-уединенная» воля. Даосская «воля» знаменует высвобождение бытия *и*, как таковая, равнозначна отказу от воздействия на вещи извне, от насилия. В даосских текстах можно прочесть о том, что «высшая воля — это отсутствие воли» (ср. совпадение предполагающего рефлексия должествования и жизненной свободы в русском слове «воля»). Речь идет, по существу, о безусловной открытости полноте бытийствования как Великой Пустоте, об открытости зиянию бытия, встрече «отсутствующего с отсутствующим», что и составляет действительное содержание со-бытийности дао. Эта «воля» напоминает «нулевую интенциональность», которая, по мнению французского философа Ж. Дювино, лежит в основе игрового начала в человеческом существовании. Ж. Дювино пишет в этой связи об интуиции, которая «предстает провалом в нашем опыте» и «бросает нас на один ускользающий миг вонне всякого устремления, всякой традиции и всякой упорядоченности». См. *Duvignaud. J. Le jeu du jeu. P., 1980, с. 51.* О понятии «воля» см. также с. 22 настоящей книги.

⁹ Философская и литературная традиция Китая нацеливала на соединение разумного и чувственного в человеке *и*, по сути дела, исключала противостояние того и другого. Идея приведения чувственной жизни человека в согласие с порядком мироздания (который является в конце концов Хаосом как бесконечным множеством порядков) свойственна всем направлениям традиционной китайской мысли.

Из сборника «Скрижали Лазурной скалы»

«Скрижали Лазурной скалы» (Би янь лу) — один из самых почитаемых в чаньской традиции сборников гунъань, включающий в себя сто сюжетов. Он был составлен монахом Сюэдоу Чунсянем (980—1052), жившим в эпоху царствования династии Сун. В ту пору чань-буддизм в Китае уже пережил свой наивысший расцвет и вступил в этап кодификации и сбережения достигнутого. Как раз с конца X в. один за другим стали появляться сборники жизнеописаний чаньских учителей, чаньские хроники, всевозможные компендиумы чань и т. д. Создатель «Скрижалей Лазурной скалы» Сюэдоу смолоду прославился своей ученостью и заслужил среди монахов прозвище «сосуд истины». По преданию, он достиг просветления благодаря встрече с известным чаньским наставником Чжимэнем Гуанцзо, который принадлежал к школе чань, основанной в X в. проповедником Юньмэнем. Рассказывают, что, встретив Чжимэ-

ня, Сюэдоу спросил его: «Если никаких представлений не существует, откуда взяться иллюзии?» Чжимэнь попросил Сюэдоу подойти поближе и, когда тот приблизился, ударил его по губам. Сюэдоу захотел что-то сказать, и тогда Чжимэнь снова что было силы ударил его. В этот момент Сюэдоу прозрел.

Сюэдоу прославился и как удачливый учитель, имевший, согласно традиции, 84 просветленных ученика, и как ученый, обладавший незаурядным литературным даром. Сборник «Скрижали Лазурной скалы» явился венцом его проповеднической деятельности. Сам Сюэдоу снабдил отобранные им «образцовые примеры» пояснениями и своеобразными стихотворными резюме (в переводе опущенными). Спустя приблизительно 60 лет после смерти Сюэдоу монах Юаньбу Кэцинъ (1063—1135) снабдил большинство сюжетов сборника наставлениями и субкомментариями (также опущенными в переводе).

В те времена вольный дух творцов чаньской традиции еще не угас окончательно, и усиление книжности в чань породило и острую реакцию на него со стороны наиболее радикальных чаньцев. Так, влиятельный преемник Юаньбу Кэцинъ, монах Дахуэй, даже предал огню доски, с которых печатали «Скрижали Лазурной скалы», опасаясь, что доступность чаньской мудрости каждому грамотному человеку обесценит ее. Дахуэй прославился тем, что он никогда не высказывал суждений по поводу «образцовых примеров», что, впрочем, не мешало ему выступать с многочисленными письменными разоблачениями пороков в современной ему практике чань. Тем не менее «Скрижали Лазурной скалы» и в дальнейшем сохранили свое значение авторитетнейшего сборника гунъань.

Перевод избранных сюжетов сборника выполнен по тексту, изданному в серии «Чаньсюэ дачэн». Т. I, Тайбэй, 1968.

¹ Ответы «патриарха Дамо» отмечают разные грани основной темы китайской традиции — темы самоскрывающегося «истинного владыки» мира, который, являя предел всех перспектив созерцания, пред-оставляет всему место быть. В китайской мысли эта символическая глубина всех фактов сознания осмыслялась одновременно как бесконечно-сложная сеть космических соответствий и как ускользающее присутствие реальности, говоря по-китайски, — «дракон в облаках». Тема сверхчеловеческого в человеке введена в китайскую традицию Чжуан-цзы, который говорил о «Великом Предке» каждого человека или о «подлинном облике» человека, который существует «прежде нашего рождения» (позднее эти слова Чжуан-цзы были подхвачены чаньскими наставниками). Вопрос о том, кто «присутствует в присутствии», «сознает в сознании», «прозревает в прозрении» и т. д. выдвинут на первый план во многих «Наставлениях», составленных Юаньбу.

² Чжаочжоу процитировал две начальные строки из раннего произведения чаньской словесности — «Надписи о вере в сознание», приписываемой третьему патриарху чань в Китае.

³ В мифологии буддизма считалось, что «Будда солнечного лика» живет в мире восемнадцать сотен лет, а «Будда лунного лика» — один день и одну ночь.

⁴ Лакированная локань — одно из традиционных в чаньской литературе обозначений непросветленного, пребывающего в неведении сознания. Соответственно «выбить дно» или «слопать» лакированную посуду на языке чаньских наставников означало достичь внезапного просветления.

⁵ В своем ответе Чжаочжоу обыграл то обстоятельство, что его прозвищем стало название города, где он проповедовал. Слова чаньского наставника, очевидно, намекают на абсолютную свободу духа в чаньском идеале «просветленности».

⁶ Имеется в виду высший, подлинно всеобъемлющий смысл буддийской доктрины, который, согласно представлениям буддистов Китая, Будда излагал в последний период своей жизни.

⁷ В этом сюжете вновь обыгрывается тот факт, что прозвище наставника Чжаочжоу произошло от названия города, в котором находился монастырь Чжаочжоу. Кроме того, в нем содержится намек на традиционное в буддийской литературе сравнение освобождения или спасения всех существ с «переправой на другой берег».

⁸ Т. е. постичь высший смысл учения Будды.

⁹ Эти слова напоминают изречение Лао-цзы: «Небесная сеть неощутимо-редка, но из нее ничего не ускользает».

¹⁰ Высказывание Юньмэня напоминает стихотворное поучение наставника Шитоу:

В глубине света есть мрак,
Но не ищите в нем мрак.
В глубине мрака есть свет,
Но не сильтесь увидеть в нем свет.

Умэнь Застава без ворот

Составитель сборника гунъянь «Застава без ворот», а также автор комментариев и стихотворных кадансов к ним чаньский монах Умэнь Хуэйкай (1182—1260) был одной из самых примечательных фигур среди чань-буддистов своего времени — эпохи царствования династии Южная Сун.

Уроженец столицы Южносунского царства, города Ханчжоу, Умэнь, постригшись в монахи, несколько лет странствовал по окрестным монастырям, ища просветления. Оно пришло к нему при обстоятельствах весьма неожиданных, но именно поэтому в своем роде классических для чаньской традиции: в тот момент, когда до слуха Умэня донесся удар гонга, созывающего монахов к обеду. «Ясным днем, при свете солнца — громовой раскат. У всех существ на земле раскрываются глаза...» — говорилось в написанной Умэнем гатхе, которую полагалось сочинять монаху, пережившему просветление. Учитель Умэня, Юэлинь Шигуань, уверовал в подлинность просветления монаха из Ханчжоу и передал ему свою печать наставника. С тех пор Умэнь до конца жизни проповедовал в окрестностях своего родного города, кочуя по монастырям и даже бывая по приглашению при императорском дворе. Чаньский иконоклазм как-то ненасилственно, даже органически уживался в этом человеке с книжностью. Его слава проповедника росла с каждым годом. «Тело наставника словно ссохлось, а дух его был ясен,— пишет биограф Умэня.— Его слова были безыскусны, но таили в себе глубокий смысл...» По обычаю, сложившемуся в Китае (но противоречившему исконным правилам буддистов), император в знак официального признания заслуг Умэня пожаловал ему почетное одеяние и титул. Имея многочисленных учеников и могущественных покровителей, Умэнь до конца своих дней жил в уединенной горной обители.

Венцом проповеднической деятельности Умэня стал сборник «Застава без ворот» — одно из наиболее популярных и авторитетных произведений в обширной литературе чань. Собственноручное предисловие Умэня к этой книге помечено 1228 годом. В следующем году она была преподнесена трону и получила одобрение императора Ли-цзуна, а еще спустя шестнадцать лет появилось первое ее печатное издание. Нормативным считается текст, включенный в буддийский канон.

Создавая свою книгу, Умэнь выступал в роли апологета «словесного» чань или, как говорили в Китае, «чань показа и разговора», противопоставляемого другой основной разновидности чаньской практики — «чань молчаливого созерцания». Комментарии и стихотворные резюме Умэня к отдельным гунъань являются данью уже устоявшейся к его времени традиции. Сам же отбор «образцовых примеров», сделанный на основании широкого круга источников и в целом весьма придирчивый, позволяет судить о том, что чаньцы южносунской эпохи считали в своем традиционном наследии наиболее ценным и значительным. Главными героями книги Умэня являются великие танские наставники в линии Ма-цзю Даои: Байчжан, Наньцюань и Чжаочжоу (двум последним учителям посвящены 11 гунъань), а также Гуйшань и его последователи, в меньшей степени — ученики Дэшаня, в особенности Юньмэнь. Присутствие в сборнике четырех гунъань из жизни сравнительно малоизвестного наставника Уцзу Фаяня объясняется, вероятно, тем, что сам Умэнь был преемником Уцзу в пятом поколении. В сборнике нет ни одного сюжета из житийной литературы о Линьцзи, основателя наиболее популярного толка в чань, который исповедовал и Умэнь, но ссылки и аллюзии на высказывания Линьцзи часто попадают в комментарии и стихах. Наконец, еще один примечательный факт: два сюжета в сборнике посвящены наставникам, жившим в одно время с Умэнем или несколько раньше. В позднейшей чаньской традиции подобные новшества уже не встречаются. Таким образом, книга Умэня практически завершила собой процесс канонизации чаньской литературы «образцовых примеров».

Перевод выполнен по изданию: Мумонкан (Застава без ворот). Ред. Хираты Такаси. — «Дзэн-но гороку». Т. 18. Токио. 1973.

¹ Здесь приводятся слова чаньского наставника IX в. Яньтоу. Под «входящим в ворота» подразумеваются данные чувственного восприятия.

² Согласно закону кармы, все, что имеет причину (т. е. получено от другого), неизбежно придет и к своему разрушению.

³ Ната — в индийской мифологии четырехголовые и восьмирукие драконы, вооруженные мечами.

⁴ К загадке о том, имеется ли у собаки природа Будды, Умэнь питал особенную симпатию. Недаром этот гунъань помещен в сборнике первым и сопровождается необычайно пространным комментарием, где он именуется «заставой всех патриархов», т. е. средоточием учения чань. Именно над ним медитировал Умэнь прежде чем достичь просветления, и им навеян принадлежащий Умэню экстравагантный стих, состоящий из одного слова:

Нет, нет, нет, нет, нет.

Первоначальная запись беседы Чжаочжоу включает в себя выражение его собеседника, который заметил: «Но ведь природа Будды пронизывает все существа от будд до муравьев. Как же можно сказать, что у собаки ее нет?» Чжаочжоу ответил: «Собаке свойственно проводить различия». В другой раз Чжаочжоу дал утвердительный ответ на тот же вопрос о том, есть ли у собаки природа Будды. «Отчего же существо, обладающее природой Будды, родилось в столь неприглядном обличье?» — спросил собеседник Чжаочжоу. «Оно приняло заблуждение за истину», — последовал ответ.

⁵ Пустотная полнота (*сюйу*) — даосский термин, обозначающий всеобъемлющую целостность бытия, несводимую к тому или иному актуальному состоянию, но делающую возможным существование каждой вещи. В древней даосской литературе такая «пустотная полнота» уподоблялась, в частности, материнской утробе, порождающей все сущее.

⁶ Суждение Умэня навеяно знаменитым высказыванием Линьцзи, с которым тот обращался к ученикам: «Если вы натолкнетесь на кого-нибудь, кто мешает вашему прозрению, быстрее освободитесь от него. Если вы встретите Будду, убейте Будду. Если вы встретите патриарха, убейте патриарха. Если вы встретите святого, убейте святого. Если вы натолкнетесь на отца и мать, убейте и их. Если вы натолкнетесь на своих родственников, убейте родственников. Только так вы можете достичь полного освобождения». Нет нужды пояснять, что наставление Линьцзи не имеет ничего общего с нигилистическим бунтом.

⁷ Шесть сфер мироздания, различаемые буддийской традицией, суть следующее: ад, соответствующий опыту страдания; мир голодных духов, соответствующий низменным желаниям в человеке; животное состояние; мир демона Асуры, соответствующий агрессивному началу в человеке; человеческое состояние как таковое; мир небожителей.

⁸ Четыре способа рождения включают в себя рождение из яйца, из утробы, из влаги и посредством метаморфозы.

⁹ В буддийском мире средневекового Китая была широко распространена практика произнесения публичных проповедей. Эпоха Тан стала временем расцвета искусства буддийской проповеди.

¹⁰ Закон причинности существования, определяющий судьбу всех живых существ, являлся одним из фундаментальных постулатов доктрины буддизма. Достижение же блаженства трактовалось буддистами как выход из цепи перерождений, круговорота причин и следствий.

¹¹ Ошибка собеседника Байчжана состояла в том, что он противопоставил состояние просветленности профаническому существованию и тем самым субстантивировал его.

¹² Следует заметить, что обожествление лисы и культ лисьих нор на горе были характерной чертой китайских народных верований вплоть до XX в. В отношениях между Байчжаном и стариком, обращенным в лиса, в какой-то мере отобразилось стремление буддизма доминировать над локальными культурами в Китае.

¹³ Среди чань-буддистов рыжебородым варваром было принято называть полубогородного основателя чаньской традиции, индийского проповедника Бодхидхарму или самого Будду. В целом данный гуньян является иллюстрацией к основополагающей для буддизма махаяны теме недуальности истины и заблуждения, нирваны и сансары, просветления и обыденного сознания. Поскольку реальность, по буддийским представлениям, лишена атрибутов, ее невоз-

можно отличить от иллюзии. Говоря словами Байчжана, различие между неведением и просветленностью подобно различию между знанием факта наличия «рыжей бороды» у варвара и бытием «рыжего варвара», как таковым.

¹⁴ Имеется в виду «глаз мудрости», который позволяет узреть подлинную реальность.

¹⁵ Выставленный палец (а также посох или палка) стал популярным в чань символом реальности как верховного единства. Рассказ «Цзюйди выставляет палец» в разных его версиях встречается в нескольких сборниках гунъань. В сборнике «Скрижали Лазурной скалы» он сопровождается следующими стихами:

За мудрый наказ глубоко чту старого Цзюйди.
Коли опустела вселенная — кто будет владеть ею?
По бурным волнам скитается легкая цепка.
В ночной мгле мы вместе встречаем слепых черепах.

¹⁶ Как уже говорилось выше, под «бородатым варваром» чань-буддисты обычно понимали Бодхидхарму или других индийских святых.

¹⁷ Традиционный в литературе чань вопрос, означающий: «В чем смысл чань?»

¹⁸ Божественная гора — китайское название горы Градхракута, на которой, по преданию, Будда перед смертью объявил своим преемником Махакашьяпу. Наставники чань в Китае считали это событие началом чаньской традиции «безмолвной передачи истины».

¹⁹ Нирвана — состояние полного покоя, соответствующее абсолютной реальности и высшему блаженству.

²⁰ См. примеч. 18.

²¹ Здесь цитируется распространенная в чаньской литературе поговорка. В старом Китае мясники вывешивали в своих лавках голову того животного, чьим мясом они торговали.

²² Данный сюжет помещен в нескольких классических собраниях гунъань. В сборнике «Записи мудрых деяний» (XII в.) он сопровождается следующим наставлением: «Когда вам дают есть, открывайте рот. Когда к вам приходит сон, закрывайте глаза. Когда вы умываете лицо, зажимайте нос. Когда перед вами сандалии, вдевайте в них ноги». Можно вспомнить и известную чаньскую сентенцию, гласящую: «Идти — это чань, сидеть — это тоже чань. Говоря или безмолвствуя, двигаясь или оставаясь неподвижным — пребывая в покое».

²³ В оригинале употреблен термин «цзи», означающий не только разумение, сообразительность, способность к пониманию, но и жизненный импульс, динамизм жизни в широком смысле.

²⁴ Данная фраза напоминает изречение Лао-цзы: «Тридцать спиц сходятся в ступе, образуя колесо, но полезно колесо пустотой в ступице» (Даодэцзин, XI).

²⁵ Будда Великого постижения и Всепобеждающей мудрости — одно из проявлений Будды, продолжавшееся бесконечно долгий период времени до появления Будды Гаутамы.

²⁶ Кальпа — в буддийской космологии — мировая эра.

²⁷ Имеется в виду Будда Гаутама.

²⁸ В китайском фольклоре лисе приписывалась способность превращаться в человека.

²⁹ Имеется в виду высшая, «окончательная» истина чань.

Данное выражение рождено обычаем чаньских монахов сочинять дидактические строфы, так называемые гатхи, состоящие из четырех строк.

³⁰ Данный гунъань приводится во всех важнейших собраниях коанов. В сборнике «Скрижали Лазурной скалы» он помещен в виде двух самостоятельных сюжетов: «Наньцюань убивает кошку» и «Чжаочжоу надевает на голову сандалии».

³¹ Чаду — родина Дуншаня.

³² Хунань — провинция в центральном Китае.

³³ Отождествление просветленности с состоянием, предшествующим функциональному разделению между органами чувств и равнозначным способности «внимать всем телом», восходит в Китае к древним даосам и было широко распространено среди последователей чань. В данном случае Умэнь повторяет слова известного наставника чань IX в. Дуншань Лянцзе.

³⁴ По китайским представлениям, гора, усеянная торчащими кверху острыми ножами, находилась в аду.

³⁵ Цзинь — китайская мера веса, равная приблизительно 0,6 кг. Предполагается, что Дуншань был занят взвешиванием льна в тот момент, когда к нему обратились за наставлением.

³⁶ В стихах, посвященных данному сюжету в «Скрижaliaх Лазурной скалы», говорится:

Солнечный ворон мчится, лунный заяц бежит.

В мудром ответе откуда быть легкомыслию?

Счесть, что Дуншань отвечает по обстоятельствам,

Это словно слепой черепахе вползти в пустое ущелье.

³⁷ Великая Пустота — идущее от древних даосов традиционное в китайской мысли обозначение «мира в целом».

³⁸ Умэнь подчеркивает, что постижение истины, о которой вел речь Наньцюань, не может быть лишь результатом беседы и требует долгих лет практики. Надо заметить, что формула «обыкновенное сознание — вот дао» встречается уже в записях бесед Ма-цзу, учителя Наньцюаня.

³⁹ Традиция махаянистского буддизма различает в истории учения Будды три стадии, последняя из которых, продолжающаяся поныне, именуется эрой «конца закона» (*мо фа*) и характеризуется прогрессирующим упадком дела Будды.

⁴⁰ Специальный флаг был одной из принадлежностей буддийского проповедника в древней Индии. Обычно его вывешивали у ворот монашеской обители.

⁴¹ Имеется в виду собрание учеников Будды, на котором тот объявил своим преемником Махакашьяпу.

⁴² Специальная чаша и тога были знаками патриаршего достоинства в ранней истории чань, от Бодхидхармы до Хуэйэна, и передавались патриархами избранным ими преемникам как знак «передачи истины помимо наставлений».

⁴³ Распространенный в литературе чань мотив неявленного и немислимого «изначального облика» человека, встречавшийся в четвертом гунъань сборника Умэня, имел прецеденты в китайской традиции, в частности — в древних даосских текстах. Так, один из персонажей книги древнего даосского философа Чжуан-цзы говорит, что он «показал свой изначальный образ — каким я был до своего рождения». Тот же Хуэйэн, по преданию, обратился к ученику с

таким требованием: «Покажи мне свой изначальный облик, каким ты был до появления твоих родителей!»

⁴⁴ В жизнеописании наставника Фэнъяня последний приносит эти стихи в ответ на вопрос: «Что означает состояние, когда и человек, и окружение не устраняются?» Данный вопрос навеян словами Линьцзи, разъяснившим путь к духовному просветлению в следующих словах: «Иногда я устраняю человека и оставляю окружение. Иногда я устраняю окружение и оставляю человека. Иногда я устраняю и человека, и окружение. И, наконец, иногда я оставляю на месте и человека и окружение».

⁴⁵ Самадхи — состояние духовной сосредоточенности и вместе с тем освобожденности, являющееся целью буддийской медитации.

⁴⁶ Четыре тезиса — принятые в махаянистской доктрине четыре основные отрицательные суждения, которые разворачиваются в 96 отрицаний.

⁴⁷ Следует учесть, что Ма-цзу, учителю Наньцюаня, принадлежали высказывания: «это сознание и есть Будда», «обыкновенное сознание — вот дао». Более пространная версия данного сюжета помещена в «Скрижалях Лазурной скалы», где она сопровождается следующими стихами:

Патриархи и Будды ничего не принесли людям,
Монахи древние и нынешние бегут наравне.
В ясном зеркале все образы различаются,
Каждый смотрит на юг, а видит Полярную звезду.

⁴⁸ Алмазная сутра — один из основополагающих трактатов буддизма махаяны.

⁴⁹ Утайшань — одна из священных гор китайского буддизма.

⁵⁰ Данный сюжет помещен в нескольких классических собраниях гунъянь. Для сравнения приведем стихи, которыми он сопровождается в «Скрижалях Лазурной скалы»:

Колесо истины никогда не вращалось,
А если бы повернулось, непременно пошло бы двумя путями.
Ясное зеркало вдруг появляется на подставке,
И возникает различие между уродством и красотой.
Когда уродство и красота разделены,
Собираются облака заблуждений.
Откуда быть пыли на вратах сострадания?
Помысли о лошади, видящей тень кнута:
Она пройдет за ветром тысячу ли
И с первого окрика возвратится назад.
Когда ж она вернется, щелкни пальцами трижды.

Об источниках данного сюжета и сложном процессе его формирования см: *Kazama T. Ein Anhänger einer fremden Lehre fragte den Buddha. Quelle und Entwicklung eines Kóans.* — «Nachrichten der Akademie des Wissenschaft in Göttingen». 1982, № 8.

⁵¹ Данное высказывание можно прочитать и следующим образом: «Нет сознания — нет Будды». В любом случае оно является как бы негативным слепком другой известной формулы Ма-цзу: «Это сознание и есть Будда».

⁵² Здесь имеется в виду легенда о девушке по имени Цинню, чья душа отделилась от ее тела, стала жить самостоятельной жизнью,

вышла замуж и т. д., в то время как сама Цинню лежала без чувств в постели.

⁵³ Данное высказывание, вероятно, имеет своим истоком сходную индийскую притчу о слоне.

⁵⁴ Известно приписываемое Чжан Чжо стихотворное изречение: «Сиятельная пуста озаряет целый мир. Мудрецы и невежды единую правду хранят».

Сючай — низшее ученое звание в старом Китае.

⁵⁵ По преданию, Бодхидхарма, придя в монастырь Шаолинь, целыми днями сидел в медитации перед стеной. Однажды в снежную ночь монах Хуэйкэ молил Бодхидхарму открыть ему истину, но тот не отвечал. Тогда Хуэйкэ в знак своей преданности учителю отсек себе левую руку.

⁵⁶ Имеется в виду одна из четырех заповедей чань, гласящих: «не воздвигать слова», «передать истину вне поучений», «прямо указывать на человеческое сердце», «прозревать свою природу и становиться Буддой».

⁵⁷ Бодхисаттва Неведения (Ванмин пуса) — бодхисаттва нижнего ранга, принадлежащий миру неведения (авидьи).

⁵⁸ Словом «игра» в данном случае переведен термин «фэнлю» (букв.: ветер и поток), который обозначает в литературе средневекового Китая состояние раскованности и свободы духа, постигаемых в чистом динамизме бытия.

⁵⁹ Здесь цитируются слова наставника чань Цзыцаюа.

⁶⁰ Десять пределов света включают в себя восемь направлений компаса, надир и зенит. Данный гунъянь — еще одно напоминание о том, что реальность в чань пребывает по ту сторону интеллектуально постигаемого единства формы форм.

⁶¹ В чань-буддизме было принято описывать продвижение к истине в категориях трех «преград» или «застав» (гуань). В литературе чань существует до десятка вариаций этой темы.

⁶² Имеются в виду различаемые в индийской мысли четыре элемента мироздания: земля, вода, огонь, ветер.

⁶³ Тридцать третье небо — высшее небо в буддийской мифологии. Его правителем считалось божество Диши.

⁶⁴ «Великим изобилием» названо в древнекитайском каноне «Книга Перемен» число 49.

⁶⁵ Здесь содержится намек на проповедь Будды, которая сопрождалась сошествием света с небес и содроганием земли.

⁶⁶ Имеется в виду «Лотосовая сутра», одна из популярнейших сутр китайских буддистов.

⁶⁷ Фэнгань или Тяньтай Фэнгань — чаньский наставник эпохи Тан, обитавший на горе Тяньтай и снискавший репутацию «премудрого безумца».

⁶⁸ В Китае было принято выделять особо значимые иероглифы в тексте, представляя рядом с ними маленькие кружки.

⁶⁹ Недвойственность нирваны и сансары, просветления и заблуждения является главной темой «Сутры, поведенной Вималакирти». Обратившись к разным бодхисаттвам с вопросом о том, как войти во врата недвойственности, Вималакирти сам отвечает на него «великим молчанием».

Первоначальный вариант данной антологии был составлен в XV в. японским наставником чань Тоё Эйтё и носил название «Книга изречений» (*Кю дзо си*). Он включал в себя около пяти тысяч сентенций, извлеченных из буддийских сутр, наследия китайских учителей чань, а также конфуцианских и даосских книг и стихов китайских поэтов. Эти сентенции были сгруппированы по числу составлявших их иероглифов, начиная с односложных слов. Антология Тоё Эйтё в несколько расширенном виде была впервые отпечатана в 1688 г. под ее современным названием «Собрание чаньских изречений» (Дзэнрин кюсю). С тех пор она стала одним из самых популярных в Японии компендиумов чань.

Перевод выполнен по изданию: Дзэнрин кюсю. Ред. и коммент. Сибаямы Дзэнкэйя. Киото, 1952.

¹ Т. е. если два человека спорят, только третий может разрешить их спор.

² Подношение цветов — распространенный обряд в буддизме, символизирующий распространение благодати Будды.

³ Имеется в виду блаженная страна, о которой рассказывается в классической литературной утопии Китая — «Балладе о персиковом источнике» поэта Тао Юаньмина.

⁴ В старом Китае деньги хранили в специальных бамбуковых пеналах, запечатанных с одного конца.

*Хун Цзычэн
Вкус корней*

Об авторе сборника афоризмов, озаглавленного «Вкус корней», сохранились весьма скудные и притом лишь косвенные сведения, которые ограничиваются несколькими брошенными вскользь замечаниями в предисловиях и аннотациях к его сочинениям. Так, в аннотированном указателе к одному из крупнейших книжных сводов старого Китая, «Полному собранию книг по четырем хранилищам» (XVIII в.), Хун Цзычэн, он же Хун Инмин, упоминается как автор сборника жизнеописаний даосских и буддийских святых под названием «Чудесные деяния бессмертных и будд». Там же сообщается, что Хун Цзычэн жил во времена правления императора Ваньли (1573—1619) и что он носил прозвище «Человек дао, возвратившийся к Изначальному». Это прозвище свидетельствует о принадлежности Хун Цзычэна к даосской традиции или, по крайней мере, о его симпатиях к даосизму. Надо заметить, впрочем, что термин «человек дао» (дао жэнь) было также традиционным самоназванием буддийских монахов в Китае, а во времена Хун Цзычэна вошел также в обиход приверженцев народных сект, не принимавших формально монашеского сана, но придерживавшихся монашеского образа жизни в миру.

Уже составители каталога «Полного собрания книг» не знали, откуда был родом Хун Цзычэн. Некоторые косвенные свидетельства позволяют предположить, что Хун Цзычэн был уроженцем провинции Сычуань, на юго-западе Китая, а впоследствии поселился в низовьях Янцзы — центре культурной жизни тогдашнего Китая. По-видимому, в молодости Хун Цзычэн пытался сделать карьеру конфуцианского ученого и лишь в зрелую пору своей жизни обратился к даосизму и буддизму. Во всяком случае, в аннотации к буддийскому разделу «Чудесных деяний бессмертных и будд» некий поклонник религии Будды по

имени Фэн Мэнчжэнь сообщает: «Господин Хун Цзычэн в юные годы мечтал о суетной славе, на склоне же лет занялся созерцанием пустотности». Все же симпатии Хун Цзычэна были отданы прежде всего даосизму. Известно, что его учителем был даос Юань Хуан по прозвищу «Человек дао, постигший Обыкновенное». Разочарованность миром официозной конфуцианской учености, блестящим издаелека и нестерпимо пошлым вблизи, ощущается во многих изречениях «Вкуса корней». Таким образом, в творчестве Хун Цзычэна отобразилась весьма типичная судьба среди литераторов старого Китая: быть конфуцианцем по образованию, но больше даосом и буддистом по мировоззрению.

Сборник «Вкус корней» — одно из поздних, быть может, последнее произведение Хун Цзычэна. Он создавался, по всей видимости, в самом начале XVII в., и во всяком случае до 1612 г., когда умер Юй Кунцзянь, автор предисловия к нему. Название сборника (букв. «Речи как корни овощей») навеяно сентенцией ученого сунской эпохи Ван Синьминя, гласящей: «Тому, кто разжевывает корни овощей, любое дело будет по плечу». Изречение Ван Синьминя популяризировал авторитетнейший конфуцианский ученый Чжу Си.

Впервые изречения Хун Цзычэна, снабженные предисловием Юй Кунцзяня, были изданы в 1624 г. в качестве приложения к даосской энциклопедии «Восемь видов книг об укреплении жизни» (*Цзуньшэн бацзынь*). Они имели немалый успех и впоследствии неоднократно переиздавались как отдельным сборником, так и в составе разного рода сводов дидактической литературы, так называемых «книг добра» (*шань шу*). Книга Хун Цзычэна приобрела также огромную популярность в соседней Японии, где только в нашем столетии она выдержала более десяти изданий.

Перевод выполнен по изданию: Сайконтан (Вкус корней). Ред. и коммент. Имаи Усабуро. Токио, 1975.

Собрание первое

¹ Первое высказывание в текстах традиции, особенно даосских, всегда имело в Китае особое значение. Оно играло роль, — прибегая к музыкальной терминологии, — своеобразной увертюры, в которой должны прозвучать основные темы традиционного наследия. Так, в данном афоризме Хун Цзычэна реальность дао сразу же определяется как длящееся отсутствие и символическая глубина образов, сообщающая о «Великом Предке» каждого из нас или «теле после тела» (так буквально сказано в оригинале) и «вещи за пределами вещей». Тут же указывается, что постижение дао равнозначно «сохранению», «схоронению» изначально-неопределенного единства бытия и что оно даруется не безличным, объективированным знанием, а максимально чутким отношением — следовательно, отношением одновременно волевым и вольным — к миру. Одним словом, китайский автор идет от априорной полноты понимания, открываемой доверительным вниманием к допытной и домыслимой «подлинности» бытия. Поэтому отмеченная выше смысловая универсальность первого афоризма кажется не просто дидактическим примером, но и внутренней потребностью творчества. Здесь афоризм приобретает все права высказывания, призванного возвращать к неизреченной первичной правде человека и предполагающего своего рода обратное, возвратное движение мысли: то, что сказано прежде всего, должно быть понято в последнюю очередь (ведь и сама традиция опознается как нечто «уже бывшее» лишь потому, что она подразумевает открытие бесконечного поля опыта).

Подобное, так сказать, инверсивное изложение есть образ действия дао как бытийственной игры пустоты, как «перевертывания» (фань, дьянь-дао), делающего самое близкое наиболее отдаленным и наоборот. В этой игре реальность раскрывается как абсолютное Присутствие, как некая безусловная, несчислимая дистанция, именно: Путь.

² Выражение «механический ум» восходит к Чжуан-цзы, который утверждал, что у тех, кто пользуется машинами, ум становится механическим. Подчеркнем, что корнем зла для Чжуан-цзы являются не механизмы сами по себе, а механически мыслящие люди. Более того, в китайской традиции вообще не проводилось различия между механическим и органическим. Тот же термин «механизм» (цзи) употреблялся в Китае для обозначения импульса жизненного роста. Говоря о пороках «механического сознания», Чжуан-цзы на удивление прозорливо для древнего философа разглядел опасности подчинения человеческого духа субъектной интенциональности, что ведет к строгой фиксации отношений человека и мира и, как следствие, к полному обесмысливанию бытия, к индифферентности и отворачиванию человека к им же созданному предметному миру. Заметим, что китайская традиционная мысль вообще не отождествляла сознание с его содержанием — интеллектуальным или чувственным.

³ Тема сокровенности талантов благородного мужа занимает видное место уже в наследии Конфуция. Последний сам сравнивал свой талант с прекрасной яшмой, хранящейся в шкатулке.

⁴ Имеется в виду ядовитый отвар, который в древнем Китае якобы приготавливали из перьев мифической птицы чжэнь.

⁵ Радость (лэ) — традиционная, еще Конфуцием и древними даосами возвещенная спутница мудрости в китайской культуре. В конфуцианстве радость идеального человека проистекает из осознания им своей безупречной встроенности в общественный и природный порядок, деятельной причастности к мировой гармонии. Исток радости даосского мудреца — переживание полноты бытийствования, представляющее рациональному пониманию и равнозначное незаинтересованному, истинно царственному наслаждению чистой игры. И в конфуцианстве, и в даосизме радость мудрого удостоверяет бесконечность человека, сокрытую в его конечности.

⁶ Если говорить точнее, имеется в виду космическая энергия ци, некая квазиматериальная субстанция, иногда уподобляемая эфиру или пневме. В Китае ци считалась субстратом всех вещей, но вместе с тем пустотой, объемлющей все сущее, и энергией самой жизни.

⁷ В оригинале говорится о «великой пружине» или «великой движущей силе» (да цзи). Термин «цзи», введенный в китайскую традицию Чжуан-цзы, часто употребляется в афоризмах Хун Цзычэна и выступает одним из обозначений реальности дао. В этом качестве он стоит в одном ряду с понятиями «подлинность», «небо», «метаморфоза», «внутреннее», «полнота природы» и др. Отсюда широко употребляемые в даосских текстах словосочетания: «подлинная движущая сила» (чжэнь цзи), «сокровенная движущая сила» (сюань цзи), «небесная движущая сила» (тянь цзи) и т. д. Знак «цзи» имеет также значение «пружина», «механизм», и его превращение в философское понятие отобразило нежелание традиционной китайской мысли различать между организмической целостностью и механистической слаженностью. В философии дао «движущая сила небес» — это бытийственная полнота сущего, предоставляющая каждой вещи место быть тем, чем она есть. В западной философии ее аналогами в какой-то степени являются понятия энтелехии в метафизике Аристотеля или

«внутренней формы» в символической философии Э. Кассирера.

⁸ Имеются в виду высокопоставленные чиновники.

⁹ «Творец всего сущего» — идущее от Чжуан-цзы метафорическое наименование дао. Следует подчеркнуть, что Великий Путь в даосизме превосходит личностный абсолют. Дао в китайской мысли воплощает предел уступчивости и поэтому «самому себе не принадлежит».

¹⁰ «Регулирование дыхания», «созерцание сердца» — названия распространенных форм йогической практики в даосизме и буддизме.

¹¹ «Мертвый пепел» и «высохшее дерево» — традиционное в Китае обозначение душевного состояния подвижника, который, говоря языком даосов, «сам себя похоронил». Эти образы употреблялись также для обозначения творческого наития художника. В китайскую традицию они перешли из сочинений Чжуан-цзы.

¹² Отметим, что здесь реальность дао как единство сознания и бытия описывается в категориях двойного отражения (ср. с описанием дао как «двойного забвения», «двойного сокрытия» и пр.).

¹³ В старину китайцы верили, что некоторые насекомые рождаются из нечистот, а гнилушка способна превратиться в светлячка.

¹⁴ Совет «хранить покой» восходит к 16-му изречению Даодэцзина. Отметим, что «сохранение» априорного органического единства, данного в телесной интуиции (вспомним также даосский идеал «схоронения себя»), систематически противопоставляется в даосских текстах «знанию», относящемуся к объективному миру.

¹⁵ Данное высказывание представляет собой вариацию характерной для даосизма критики гуманитарных аспектов культуры, поднимавшихся на щит конфуцианством.

¹⁶ В традиционной китайской науке, исходившей из идеи органического, жизненного единства человека и мира, жизнь рассматривалась как гармонически организованное скопление ци, а смерть — как рассеивание жизненной энергии в «плавильном котле» мирового круговорота.

¹⁷ Данное изречение отчасти напоминает высказывание известного конфуцианского философа Ван Янмина (начало XVI в.), гласящее: «Рассеять разбойников, прячущихся в горах, легко. Рассеять разбойников, скрывающихся в сердце, трудно».

¹⁸ В данном афоризме отобразилась традиционная даосская идея неразличения свободы желания и отсутствия желаний — одно из преломлений даосской темы «утонченного совпадения» противоположностей в бытии дао. Даосский мудрец «сводит на нет желания», но в то же время, говоря словами Чжуан-цзы, «дает претвориться божественному желанию». Таким образом, в жизненном идеале даосов чистое желание, не направленное на объекты, смыкается с освобожденностью сознания от страстей, подобно тому как невозмутимый покой гносиса совпадает с конкретностью предметной практики. Как заметил по поводу даосской традиции К. Юнг, «китайцы не имеют импульса к насильственному подавлению инстинктов, который истерически раздувает и отравляет нашу духовность. Человек, живущий инстинктами, способен освободиться от них и притом так же естественно, как он жил ими».

¹⁹ Здесь в несколько измененном виде воспроизводятся слова древнего конфуцианского философа Мэн-цзы (IV в. до н. э.).

²⁰ Имеется в виду то постижение «подлинности» жизни, соединяющее опыт и знание, которое было осознано в эпоху позднего средневековья как жизненный идеал традиции.

²¹ Ли — китайская мера длины, равная примерно 600 м.

²² Согласно представлениям традиционной китайской медицины о связях между органами чувств и внутренними органами, в человеческом организме глаза соотносятся с печенью, а уши — с почками.

²³ Цитируемые слова принадлежат ученому II в. до н. э. Ли Сы.

²⁴ В тексте сказано буквально «выставлять перед глазами цветы», т. е., по-русски, втирать очки.

²⁵ Тыква-горлянка — восходящий к даосской традиции символ всеобъемлюще-пустотной реальности дао и жизненной мудрости. Она слыла традиционным атрибутом бедного ученого, живущего уединенной и скромной жизнью.

²⁶ Еще одна попытка объяснить соотношение обыденного и просветленного сознания, которое уподоблялось (в даосской мысли) отношению зеркала к отражаемым в нем вещам. Просветленное сознание, согласно традиционной мысли Китая, — это не сущность, не опыт, не идея, не факт, но и не ничто. Его природа воплощена в самом потоке образов, возникающих в абсолютном пространстве воображения — этой пустотной среде выявления всего сущего.

²⁷ Данная фраза представляет собой несколько видоизмененную цитату из древнего сочинения «Домашние поучения Конфуция».

²⁸ Байша — литературный псевдоним ученого Чэнь Сяньчжана (1428—1499).

²⁹ Имеется в виду как бы постоянно бодрствующее состояние сознания, которое достигается познанием предельности всякого опыта и потому позволяет человеку всегда помнить о своем состоянии и вместе с тем быть доверительно открытым «полноте бытия», тем самым освобождаясь от пут страстей.

³⁰ Сравнение сознания мудреца с зеркалом традиционно для китайской мысли и восходит к Чжуан-цзы, который говорил: «Сознание мудреца подобно зеркалу: оно не влечется за вещами и не стремится навстречу им, отражает — и не удерживает их». Метафора зеркала, как уже отмечалось выше, иллюстрирует идею недейственности просветленного и обыденного сознания, которые не имеют между собой ничего общего, но и не отличаются друг от друга.

³¹ «Не обманывать в темноте», т. е. не совершать обман даже в тех случаях, когда его никто не сможет заметить, — один из традиционных девизов китайской морали. Как таковой, он вошел в китайскую традицию в течение первых столетий н. э. и дал жизнь ряду назидательных анекдотов. Рассказывают, например, что чиновник Жуань Чанши, живший в V в., однажды отправился в ночной дозор в домашних туфлях и наутро сам же настоял на том, чтобы его строго наказали за нарушение приличий. Впрочем, еще в I в. ученый Чжан Чжань, по преданию, бдительно следил за порядком в доме, даже находясь один в темной комнате. Однако действительным истоком этой поговорки явился, по-видимому, древний обычай, по которому глава семьи приносил жертвы предкам один в затемненной комнате. В такие минуты, даже будучи недосыпаем для посторонних взоров, он должен был держаться тем более почтительно перед лицом невидимых духов.

³² В тексте употреблен термин «гуань тоу» родственной чаньскому понятию «заставы» (гуань), стоящей на пути к истине (см. с. 27 настоящей книги). Термин «гуань тоу» часто встречается в текстах позднего средневековья, где он обозначает испытание, удостоверяющее подлинность постижения истины.

³³ Небесная природа, по китайским представлениям, — подлинная природа каждого существа, равнозначная полноте бытийствования всего сущего.

³⁴ В данной фразе содержится аллюзия на легенду о древнем философе Цзоу Яне. Преданно служивший своему государю Цзоу Янь однажды был брошен в тюрьму по клеветническому доносу, и тогда с возмущенных небес вдруг посыпался иней, хотя дело было в начале лета.

³⁵ Аллюзия на легенду о жене некоего древнего полководца, погибшего в сражении. Вдова десять дней безутешно рыдала над телом мужа, и тогда крепостная стена будто бы сама собой рухнула.

³⁶ Суждение о «теле, полученном взаймы», восходит к Чжуан-цзы, как и следующий далее призыв искать опору не в отдельных вещах, а в тотальности бытия. Следует помнить, что тезис о «единотелесности» бытия в традиционной китайской мысли сопряжен с признанием множественности перспектив созерцания и их полной равнозначности. Эта единотелесность дана лишь как ускользающая пустотность предела всех «жизненных миров», зияние перспективы всех перспектив. Тело дао — поистине пусто-телое.

³⁷ Данная фраза навеяна сентенцией Лао-цзы: «Великое искусство подобно неумению».

³⁸ Истинный Господин — идущее от Чжуан-цзы определение бодрствующего, просветленного сознания — сознания, открывшегося своей открытости бытию.

³⁹ В оригинале употреблено словосочетание «ци цзи», букв. «движущая сила мировой пневмы».

⁴⁰ Великая Пустота (тай сюй) — традиционное наименование самоскрывающегося зияния бытия, которое пред-оставляет всему место быть и, вмеща в себя все перспективы созерцания, воплощает собой полноту бытийствования.

⁴¹ Именование Неба и Земли «отцом-матерью» характерно в особенности для даосской традиции. Что же касается представления о человеке как о микрокосме, наиболее полно разработанное даосизмом, то оно лежало в основе всей китайской традиционной культуры.

⁴² Данный образ восходит к Чжуан-цзы, уподоблявшему бытие «флейте с десятью тысячами отверстий». Заметим, что Чжуан-цзы намекал на полную преемственность между пустотой полой трубки, именуемой флейтой, пустотой мировой пещеры, каковой считалась Земля во многих архаических традициях, в том числе в Китае, и, наконец, Великой Пустотой дао. Так, согласно даосскому философу, флейта и другие творения рук человеческих выявляют или, лучше сказать, устанавливают присутствие нерукотворной пустоты Хаоса. Другими словами, техническая деятельность человека, по представлениям даосов, призвана оберегать зияние «небесной пустоты», равнозначной «полноте природы». Притча Чжуан-цзы о «флейте Человека» и «флейте Неба» — еще одно напоминание о том, что предметная практика человека становится возможной благодаря абсолютной дистанции пустоты как «небесного простора» и не отличается от бытия Хаоса.

⁴³ Как было отмечено во вступительной статье, Хаос, предстающий бесконечным богатством разнообразия мира, но всегда тождественный себе, — традиционный образ реальности в даосизме.

⁴⁴ «Пролить свет на себя самого» — традиционная формула, заим-

ствовавшая из литературы чань-буддизма. Речь идет о том, чтобы «осветить светом высшей мудрости свое личное сознание».

⁴⁵ «Белый снег» — название классической мелодии в древнем Китае, считавшейся одной из самых изысканных.

⁴⁶ Дома с красными воротами имели в старом Китае высокопоставленные чиновники.

⁴⁷ Эти слова принадлежат философу Ван Янмину.

⁴⁸ «Колесница, не поворачивающая вспять» — принятый в буддийской литературе образ религиозного подвижничества.

⁴⁹ «Вечно сияющий светильник» — еще один распространенный в буддийской литературе образ просветленного сознания.

⁵⁰ Высокая шапка и широкий пояс были в старом Китае атрибутами высокопоставленных чиновников.

⁵¹ Цитата из стихотворения известного ученого и поэта XI в. Су Дунпо.

⁵² Сравнение реальности с плавильным котлом, в котором переплавляется все сущее, принадлежит Чжуан-цзы. В данной фразе речь идет о традиционном для китайской культуры идеале соучастия творческому потоку перемен, дарующего способность преобразовать мир.

⁵³ Об Истинном Господине см. прим. 29.

⁵⁴ Цзюнь — китайская мера веса, равная приблизительно 18 кг.

⁵⁵ Мотив «благотворной болезни» — даосского происхождения. Он занимает достойное место в ряду вызывающе-парадоксальных образов и тем «безумных речей» Чжуан-цзы. В сочинениях древнедаосского философа болезнь выступает метафорой «особливости» даосского мудреца, его готовности и способности к самотрансформации, его открытости потоку перемен (в этом качестве болезнь оказывается синонимом сна).

⁵⁶ Данный образ восходит к Чжуан-цзы. О смысле его лучше сказать словами самого Чжуан-цзы: «Вершей пользуются для ловли рыбы. Поймав рыбу, отбрасывают вершу. Силками пользуются для ловли зайца. Поймав зайца, забывают про силки. Словами пользуются для выражения смысла. Постигнув смысл, забывают слова. Где же найти мне забывшего слова человека, чтобы с ним перекинуться словом?» В сущности, речь идет о восприятии слова во всей полноте его смысловых потенций, что предполагает принятие и обыденного и символического его значений. По поводу данного высказывания Чжуан-цзы см. с. 21 настоящей книги.

⁵⁷ Выражение «кара Неба» принадлежит Чжуан-цзы, у которого оно относится, по-видимому, к предметной практике человека, выделяющей его из животного мира. В данном случае понятие «небесной кары» выступает синонимом ослепленности людей, которые «не ведают, что творят».

⁵⁸ Цитата из приписываемого Конфуцию толкования на древний канон «Книга Перемен».

⁵⁹ Сючай — обладатель низшего ученого звания в старом Китае. Считалось, что он еще не завершил своего образования.

⁶⁰ Сосна и кипарис — традиционные в Китае символы душевной стойкости благородного мужа.

Собрание второе

¹ Данное суждение представляет собой аллюзию на строку стихотворения ученого XI в. Чэн И.

² В данном изречении содержится аллюзия на стихи известного философа XII в. Чжу Си.

³ Искусство создания карликовых садов пользовалось огромной популярностью в средневековом Китае и стало одним из высших воплощений традиционных принципов китайской эстетики. См., в частности, с. 34 настоящей книги.

⁴ Традиционное для китайской мысли описание недвойственности просветленного и обыденного сознания, подчеркивающее, что «подлинность» дао непостижимо открывается в полнейшей неопределенности сознания того, что мы спим. Мотив «великого пробуждения среди великого сна» введен в китайскую традицию Чжуан-Цзы. О значении мотива сна в даосской традиции см. с. 23 настоящей книги.

⁵ Речь идет об интимном постижении космической единотелесности Великой Пустоты, являющей собой повторение неповторяемого, встрече несходного — то, что остается за пределами всех возможных перспектив созерцания.

⁶ Здесь содержится намек на традиционный в китайской мысли принцип «передачи истины от сердца к сердцу», вне слов. Данный принцип — оборотная сторона пристрастия китайцев к архивистской книжности, их приверженности к знаку ради знака. И то, и другое сходится в теме безмолвия Хаоса.

⁷ Образ «лютни без струн» встречается в жизнеописании древнего поэта Тао Юаньмина, где сказано, что Тао Юаньмин «мечтал о лютне без струн».

⁸ Каменные палаты и Киноварная гора — обители бессмертных небожителей в даосской традиции.

⁹ Пять озер — пять крупнейших озер Китая, здесь: весь мир.

¹⁰ Прах, рожденный от праха, — одно из названий живых существ, принятое в буддийской литературе.

¹¹ Тень, отбрасываемая тенью, — популярный в китайской литературе образ славы и богатства.

¹² Сравнение борьбы правителей государств за господство над миром с войнами между царствами, расположенными на рожках улитки, принадлежит Чжуан-цзы.

¹³ «Упрямое пристрастие к пустоте» осуждается в буддийской литературе как один из самых распространенных пороков медитативной практики.

¹⁴ Совет «смотреть на славу и богатства, добытые нечестным путем, как на плывущие облака» содержится уже в высказываниях Конфуция.

¹⁵ Сравнение мудрого с «одиноким трезвенником» в обществе пьяных содержится в «Чуских строфах», по традиции приписываемых древнему поэту Цюю Юаню.

¹⁶ Одним из важных следствий философии пустоты и предельности в китайской мысли является представление о прерывности («по-мраченности») просветленного сознания и восприятие жизни не столько как данности, сколько как среды опыта, бесконечно-сложной сети отношений между вещами (о понятии «среды», «промежутка» в философии дао см. с. 24 настоящей книги). Пространство и время в такой картине мира отличались конкретностью и качественной неоднородностью. Соответственно их взаимопревращение имело в китайской традиции статус не пустой фантазии, а принципа научного знания. Средневековый китайский ученый охотно согласился бы с таким представителем европейской герметической традиции, как Парацельс, который утверждал, что «мысль можно передать с одного берега океана

на другой, а работу, требующую месяца труда, можно сделать за день». В традиционных китайских представлениях о пространстве и времени чрезвычайно рельефно отобразилась органическая связь науки и искусства, рефлексии и творческого воображения в старом Китае.

¹⁷ Здесь цитируется 48-е изречение «Даодэцзина».

¹⁸ Небывалый учитель — герой одного из произведений древнего поэта Сыма Сянжу.

¹⁹ По преданию, однажды поэту Тао Юаньмину в день осеннего праздника принес вино юноша в белых одеждах.

²⁰ «Чертоги радости и довольства» — название дома ученого XI в. Шао Юна, где собирались многие прославленные ученые и литераторы.

²¹ Этот образ заимствован из древних толкований на «Книгу Перемен».

²² Гун и хоу — знатные титулы в старом Китае.

²³ Этот образ, весьма популярный в китайской словесности, восходит к стихотворению поэта V в. Се Линъюня.

²⁴ «Сокровенное» (сюань) — одно из традиционных наименований реальности дао, указывающее на самоскрывающуюся природу Великой Пустоты дао.

²⁵ Зеркало, висящее в небе, — луна.

²⁶ Цитируется одна из популярнейших сентенций в литературе чань-буддизма.

²⁷ Заоблачная страна — образное наименование обители блаженных небожителей. Упоминание о «лае собак и крике петухов» является аллюзией на традиционную картину сельской идиллии в древнекитайской литературе.

²⁸ Гатха — принятое в традиции чань-буддизма дидактическое стихотворное произведение из четырех строк.

²⁹ В данной фразе содержатся аллюзии на такого рода случаи, описанные в древней литературе.

³⁰ Слова о превращении каменного тигра в морскую чайку, возможно, намекают на некоторые обстоятельства жизни одного из правителей Китая в IV в., Ши Ху (букв. «каменный тигр»). Ши Ху прославился своей жестокостью, но под влиянием буддийского проповедника Фотутэна его нрав смягчился.

³¹ «Книга Перемен» — древняя гадательная книга, глубоко почитавшаяся как даосами, так и конфуцианцами.

³² Киноварь являлась важнейшим компонентом эликсира бессмертия в даосской алхимии.

³³ Имеется в виду древний музыкальный инструмент, представлявший собой ряд каменных пластин, подвешенных к специальной подставке. В старом Китае его звучание считалось прообразом вселенской гармонии.

³⁴ Цитируется в слегка измененном виде строка стихотворения Тао Юаньмина из цикла «За вином».

³⁵ Яофу — второе имя ученого сунской эпохи Шао Юна (1011—1077). Цитируемые здесь слова Шао Юна как нельзя лучше обнажают контраст между характерной для европейской традиции идеалистической догмы сознания, каким-то образом реально продолжающегося во времени, и китайской концепции «самопомрачающегося», внутренне неоднородного, внесубъективного и потому сводящегося к межличностным отношениям сознания.

³⁶ «Взаимное забытие себя и мира» — идущий от Чжуан-цзы традиционный жизненный идеал даосизма как «чудесной встречи» отсутствующего с отсутствующим.

³⁷ Цитируется изречение чаньского наставника эпохи Тан Чжи-сюаня.

³⁸ Цитируется строка их стихотворения Шао Юна.

³⁹ Имеется в виду столица династии Западная Цзинь Лоян, захваченный кочевниками в 311 г.

⁴⁰ В северном предместье древнего Лояна находились кладбища для высокопоставленных особ.

⁴¹ В данной фразе содержатся аллюзии на два эпизода древней истории Китая. В первом случае имеется в виду сражение между армиями царств Янь и Ци, во время которого предводитель циского войска приказал пустить против неприятеля тысячу связанных веревкой быков, привязав к их хвостам горящие факелы. Во втором случае подразаумевается послание правителя южнокитайского царства Чу, который обратился к вторгшейся в пределы Чу армии северокитайских государств с такими словами: «Вы обитаете у Северного моря, мы живем у Южного моря, у наших коней и быков не хватает сил, чтобы добежать друг до друга. Зачем же вы вторглись в наши владения?»

⁴² Данная фраза воспроизводит суждение Чжуан-цзы, пояснявшего такими словами свой идеал «взаимного забвения» всех существ.

⁴³ Имеется в виду принесенное буддизмом представление о жизненном подвижничестве как мудрости «переплытия на другой берег».

⁴⁴ «Внезапное просветление» (дунь у, яп. сатори) считалось целью и оправданием подвижничества в традиции чань-буддизма.

⁴⁵ Балинцяо — мост на восточной окраине Чаньаня, место расставаний, воспетое многими поэтами средневекового Китая.

⁴⁶ Цзинху — озеро в провинции Чжэцзян, издавна славившееся своей красотой.

⁴⁷ Учитель мира — одно из прозваний Будды в буддийской литературе.

⁴⁸ Имеются в виду слова одного из персонажей книги Чжуан-цзы, Лао-цзы, который говорил своему собеседнику: «Ныче я странствую у истока вещей. Если бы ты назвал меня быком, я звался бы быком, а если бы ты назвал меня конем, я звался бы конем».

⁴⁹ «Вечное отсутствие» или Не-бытие (*у*) в даосской традиции означает в действительности бытийственную полноту всего сущего, охватывающую как явленные, так и неявленные аспекты вещей.

⁵⁰ Судя по некоторым другим изречениям данного сборника (см. с. 147), имеется в виду известный поэт Бо Цзюйи (772—846). Однако в сохранившихся сочинениях Бо Цзюйи этих строк нет.

⁵¹ Гатха (кит. цзи) — жанр молитвенного песнопения в буддийской традиции.

⁵² Аллюзия на утопию «Персикового источника», которая в оригинале названа страной «источника персиковых цветов».

⁵³ Чистая Земля — царство вечного блаженства в буддизме.

⁵⁴ Цитируются строки из стихотворения Бо Цзюйи.

⁵⁵ Почтенный Чао — поэт сунской эпохи Чао Бучжи (1053—1110), ученик Су Дунпо.

⁵⁶ Здесь цитируется утопия Тао Юаньмина «Персиковый источник».

⁵⁷ Здесь высказан фундаментальный тезис традиционной критики отчуждения самого сознания в китайской мысли. Данный тезис гласит, что самосознание не дает очевидных свидетельств того, что оно не мифифицирует свое реальное содержание. Следствием такого подхода являлось сведение сознания к моменту самотрансформации, экстати-

ческой со-бытийности или, по-китайски, к «метаморфозе», «промежутку» и «забытью» (см. об этом также с. 22 настоящей книги).

⁵⁸ Одна из глав книги Чжуан-цзы носит название «О равенстве вещей» и посвящена разъяснению даосского перспективизма, идеи абсолютного характера относительности всех «жизненных миров», что предполагало постижение всеединства бытия в его бесконечном разнообразии, неисчерпаемой конкретности. «Равенство вещей», по Чжуан-цзы, — это мир, свободный от абстрактных истин, в том числе и от принципа «равенства вещей». В нем каждая вещь «поет по своей воле», храня в себе полноту существования.

⁵⁹ Мотив «возвращения Поднебесной Поднебесной» восходит к Чжуан-цзы, говорившему об умении мудреца «схоронить Поднебесную в Поднебесной», что избавляет от беспокойства о возможных потерях. Данная формула Чжуан-цзы — одно из лучших выражений даосской идеи недвойственности противоположностей.

⁶⁰ Цитата из стихотворения поэта IX в. Цао Суна.

⁶¹ О «лютне без струн» см. прим. 2 к данному собранию.

⁶² Тезис о зависимом характере всякого существования является в буддизме теоретическим основанием учения об освобождении человека от бремени бытия.

⁶³ Доктрина «соответствия своему положению» (су вэй) изложена в конфуцианском трактате «Чжун юн».

Афоризмы Сюй Сюэмо и Чэнь Цзижу

Сюй Сюэмо (1522—1594) с молодости выделялся литературными способностями и в двадцать с лишним лет уже приобрел высшее ученое звание «цзиньши». С 1551 г. он занимал различные посты в провинциальных и столичных ведомствах, изведав горечь несправедливого увольнения, впоследствии вернулся на службу и поднялся до должности главы ведомства обрядов. Тем более примечательно, что этот человек, прославившийся своей принципиальностью на службе, отнюдь не был апологетом ортодоксальной линии в конфуцианской учености и, как показывают его афоризмы, отлично видел подлинную цену показной добродетели. Язвительное остроумие этого главного распорядителя церемоний в империи — характерная примета того времени сомнений, неудовлетворенности и переоценки ценностей. Сборник «Назидательные речи из сада Возвращения к Сущему» был издан вместе с другими сочинениями Сюй Сюэмо в 1593 г.

Чэнь Цзижу (1558—1639) также являет в своем роде типичный для китайского общества XVI—XVII вв. пример ученого богача, предпочитающего привилегиям и превратностям чиновничьей службы праздность и занятия свободными искусствами. Чэнь Цзижу почти безвыездно жил в своей усадьбе, расположенной в живописных окрестностях городка Сунцзян, что в низовьях Янцзы. Он прославился в особенности как издатель редких сочинений, но и сам был на редкость плодовитым писателем, оставившим, помимо прочего, несколько сборников коротких заметок и афоризмов.

Переводы афоризмов Сюй Сюэмо и Чэнь Цзижу выполнены по текстам, изданным в Шанхае в 1936 г.

¹ В старом Китае чиновникам было запрещено служить в тех местах, откуда они были родом, поэтому увольнение со службы обычно означало для них возвращение на родину.

² В оригинале употреблено словосочетание *юань ци*, т. е. «изначальное ци», встречающееся и в афоризмах Хун Цзычэна. См. примеч. 6 на с. 179.

³ В оригинале употреблен термин *вэй* — «неуловимо-утонченный». Так еще в древних конфуцианских канонах определяется реальность дао.

⁴ Царство Чистой Земли — рай в традиции буддизма махаяны.

УКАЗАТЕЛЬ ИМЕН*

- Ананда (кит. Анань) — один из «десяти великих учеников Будды», признаваемых буддийской традицией; почитался как образец учености.
- Аньвань — второе имя Чжэн Цинчжи (ум. в 1251 г.), сановника и ученого в царстве Южное Сун, входил в окружение чаньского наставника Умэня.
- Байчжан Хуайхай (720—814) — известный наставник чань, ученик Мацзу, создатель классического устава чаньской общины.
- Бацзяо Хуэйцин — чаньский наставник, живший в IX в.
- Бодхидхарма (кит. Дамо) — полулегендарный основоположник традиции чань в Китае, прибывший в VI в. в Китай из Индии.
- Вималакирти (кит. Вэймо) — главный герой «Сутры, поведенной Вималакирти» (Вималакирти нирдеша сутра), один из самых популярных персонажей в традиции буддизма махаяны.
- Вималакирти достиг вершины святости, оставаясь жить в миру, и среди буддистов Дальнего Востока слыл олицетворением универсальной и всеобъемлющей природы истины Будды, не знающей различия между монахами и мирянами, священным и обыденным.
- Второй патриарх, см. Хуэйкэ.
- Ганьфэн Юэчжоу — наставник чань, живший в X в.; ученик Цаошаня.
- Гуйшань Линъю (771—853) — авторитетный наставник чань, ученик Байчжана, основатель одного из «пяти школ» чань-буддизма в пору его расцвета.
- Дамо — см. Бодхидхарма.
- Дамэй Фачан (752—839) — наставник чань, ученик Ма-цзу, получивший имя Дамэй по названию одного из пиков священной для китайских буддистов горы Тяньтай в провинции Чжэцзян.
- Дацянь Хуэйнан (638—713) — один из действительных родоначальников чань-буддизма, основоположник так называемого южного толка в чань, ставившего акцент на спонтанном просветлении вне медитации.
- Доушо Цунъюэ (первая половина XI в.) — чаньский наставник, принадлежавший к толку Ляньцзи.
- Дуншань Шоучу (901—990) — чаньский наставник, ученик Юньмэ-

* По традиции, сложившейся в средневековье, имена буддийских монахов состояли из двух двусложных имен. Первое представляло собой прозвище, каковым служило обычно название монастыря или местности, где обитал монах, второе было его личным именем, данным при посвящении в монахи. В средневековом Китае было принято писать лишь первый из двух знаков, составлявших монашеское имя. Следует заметить, что в западной литературе одни монахи известны больше по их прозвищам, другие — по их личным именам.

- ня; не путать с основателем чаньского толка Цао-Дун — монахом Дуншань Лянцзе.
- Дэшань Сюаньцзянь (782—865) — наставник чань. Первоначально был учеником буддийского проповедника Цинлуна в своей родной провинции Сычуань, впоследствии стал учеником чаньского наставника Лунтана в провинции Хунань.
- Жуань Цзи (210—263) — поэт и мыслитель эпохи Троецарствия, один из духовных вождей знаменитого кружка «семи мудрецов из бамбуковой рощи». Имя Жуань Цзи в позднейшей традиции стало символом духовной освобожденности ученого мужа.
- Жуйянь Шиянь — наставник чань, живший во второй половине IX в. Кашьяпа — см. Махакашьяпа.
- Линьцзи Исюань (? — 866) — авторитетный наставник чань, основоположник наиболее влиятельного толка в чань-буддизме, сохранившегося до XX в.
- Лунтань Чунсянь — наставник чань, живший в начале IX в.
- Майтрейя (кит. Милэ) — в традиции буддизма махаяны — Грядущий Будда, который ныне обитает на небесах, но в будущем переродится на земле, и его пришествие положит начало новой космической эре. На протяжении многих столетий образ Майтрейи давал пищу для миллениаристских настроений в средневековом Китае.
- Манжушри (кит. Вэньшу) — один из самых популярных бодхисаттв в традиции махаянистского буддизма, почитался как мудрейший из бодхисаттв, учитель семи являвшихся миру Будд. В буддийской иконографии Манжушри обычно изображался в облике красивого юноши, держащего в руках сутру и «меч, разрубающий заблуждения» и сидящего верхом на слоне — символе царственного достоинства.
- Махакашьяпа — один из «десяти великих учеников Будды» в буддийской традиции, почитался в особенности как образец добродетели.
- Ма-цзу Даои (709—788) — наставник чань, снискавший благодаря своему авторитету прозвище Ма-цзу, т. е. Патриарх Ма.
- Наньцюань Пуяунь (748—795) — наставник чань, ученик Ма-цзу Даои.
- Пятый патриарх — см. Хунжэнь Дамань.
- Синъян Цинжань — малоизвестный чаньский наставник, живший, по некоторым косвенным сведениям, в первой половине IX в.
- Сунъюань Чунъюй (1132—1202) — известный в свое время наставник чань, живший в столице Южносунского государства — Ханчжоу и принадлежавший к толку Линьцзи.
- Сюэфэн Ицунь (822—908) — наставник чань, ученик Дэшаня и учитель Юньмэня.
- Сянъянь Чжимэнь — наставник чань, ученик Гуйшаня, живший в IX в.
- Тао Юаньмин (365—427) — выдающийся поэт эпохи раннего средневековья, автор «Баллады о Персиковом источнике», ставшей в Китае классическим образчиком утопии, противопоставлявшей полноту естественной жизни условиям и насилью цивилизации.
- Умэнь Хуэйкай (1182—1260) — наставник чань, автор сборника «Застава без ворот учения чань».
- Фаянь Вэньи (885—958) — наставник чань, основоположник одного из толков чань-буддизма в X—XI вв.
- Фуси — мифический правитель Китая, в китайской традиции ему приписывалось изобретение так называемых восьми триграмм — главного графического образа универсума в Китае.

- Фэнъянь Яньчжао (896—973) — наставник чань, принадлежавший к толку Линьцзи.
- Хоань — см. Цзяошань Шити.
- Хуанмэй — см. Хунжэнь Дамань.
- Хуанпо Сиюнь (?—850) — авторитетный наставник чань, ученик Байчжана и учитель Линьцзи.
- Хунжэнь Дамань (601—674) — проповедник чань, известный в чаньской традиции под именем Пятого патриарха.
- Хуэйчжун Гоши (он же Наньян Хуэйчжун, 677—775) — наставник чань, ученик Хуэй-нэна; учитель императора танской династии Су-цауна (756—762).
- Цаошань Бэньшу (840—901) — чаньский наставник, ученик Дуншаня, основоположник одного из трех толков чань, сохранившихся до XXв.
- Цзи Кан — поэт и мыслитель, живший в середине IIIв.; один из участников кружка «семи мудрецов из бамбуковой рощи».
- Цзичжун — мифический изобретатель колесницы.
- Цзюйди — малоизвестный наставник чань в линии Мацзу, живший в середине IXв.
- Цзюйлин — персонаж древней китайской мифологии. Согласно одной из легенд, он голыми руками расколол гору Хуашань, преграждавшую путь Хуанхэ.
- Цзяошань Шити (1108—1179) — наставник чань, принадлежавший к толку Линьцзи.
- Чао Бучжи (1053—1110) — поэт эпохи Сун, ученик Су Дунпо.
- Чжан Чжо — малоизвестный последователь чань из мирян, живший в X в.
- Чжаочжоу Цуншэнь (778—897) — авторитетный проповедник «южного толка» в буддизме чань танской эпохи, ученик Наньцюаня.
- Шестой патриарх — см. Дацзянь Хуэйнэн.
- Шисян Цинчжу (807—888) — наставник чань, ученик Гуйшаня.
- Шоушань Шэннянь (929—993) — наставник чань в линии Линьцзи.
- Юэань Шаньго — наставник чань, живший в IXв.
- Юньмэнь Вэньинь (?—949) — наставник чань, основатель одной из «пяти школ» чань IX—Xвв.
- Яншань Хуэйшу (814—890) — наставник чань, ученик Гуйшаня.

СОДЕРЖАНИЕ

<i>В. В. Малявин.</i> Язык сердца: афоризм и китайская традиция	5
Из «Гуань Инь-цзы»	39
Из сборника «Скрижали Лазурной скалы»	47
Умэнь. Застава без ворот	57
Избранные чаньские изречения	87
Хун Цзычэн. Вкус корней	95
Афоризмы Сюй Сюэмо и Чэнь Цзижу	157
Примечания	166
Указатель имен	189

АФОРИЗМЫ СТАРОГО КИТАЯ

Редактор И. С. Смирнов. Младший редактор М. И. Новицкая. Художник Э. Л. Эрман. Художественный редактор Б. Л. Резников. Технический редактор З. С. Теплякова. Корректор П. С. Шин

ИБ № 15716

Сдано в набор 04.03.87. Подписано к печати 10.03.88. Формат 84×108¹/₃₂. Бумага книжно-журнальная для офсетной печати. Гарнитура обыкновенная новая. Печать офсетная. Усл. печ. л. 10,08. Усл. кр.-отт. 10,5. Уч.-изд. л. 9,5. Тираж 50 000 экз. Изд. № 6290. Зак. № 2674. Цена 85 коп.

Ордена Трудового Красного Знамени издательство «Наука»
Главная редакция восточной литературы. 103031, Москва К-31, ул Жданова, 12/1

Ордена Ленина типография «Красный пролетарий». 103473, Москва И-473, Красно-пролетарская, 16

淡墨濃煙濕指頭先生中歲
特風流清齋坐對華无炫不
羨人間博望侯

韋文侍郎風流文采輝映一時
此世是先生中年作山居屢視
其靈氣往來如八十二拳也

道光壬寅夏

錢杜題

